

СССР ОЛИЙ ТАЪЛИМ МИНИСТРЛИГИ
ЎРТА ОСИЁ ДАВЛАТ УНИВЕРСИТЕТИ
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Новая серия, выпуск XXIII
Гуманитарные науки, книга 4

Т Р У Д Ы
СРЕДНЕАЗИАТСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

(ИСТОРИЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО САГУ

ТАШКЕНТ — 1951

СССР ОЛИЯ ТА'ЛИМ МИНИСТРЛИГИ
ЎРТА ОСИЕ ДАВЛАТ УНИВЕРСИТЕТИ
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Новая серия, выпуск XXIII
Гуманитарные науки, книга 4

Т Р У Д Ы
СРЕДНЕАЗИАТСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
(ИСТОРИЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО САГУ,
ТАШКЕНТ — 1951

Редакционная коллегия:

проф.-доктор Захидов Т. Э. (главный редактор), проф.-доктор Попов В. И. (зам главного редактора), действ. чл. АН УзССР Романовский В. И., деств. чл. АН УзССР Додонов И. К., действ. чл. АН УзССР Коровин Е. П., действ. чл. АН Туркм. ССР Массон М. Е., чл.-корр. АН УзССР Цукерваник И. П., чл.-корр. АН УзССР Корженевский Н. Л., проф.-доктор Райкова И. А., доц. Ершов В. В., доц. Воскобойников Э. А., доц. Бондаревский Г. Л.

Ответ, редакторы: действ. чл. АН Туркм. ССР М. Е. Массон, доц. В. В. Ершов.

И. К. ДОДОНОВ

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

(Заметки историка)

Центральный Комитет ВКП(б) в своих постановлениях по идеологическим вопросам особое внимание обращает на необходимость разработки и изучения истории советского общества, что является в настоящее время одной из важнейших задач советской исторической науки.

Огромное значение имеет изучение истории советского общества в республиках Средней Азии. Народы Средней Азии находились до Великой Октябрьской социалистической революции на очень низкой ступени экономического, политического и культурного развития. В их общественном быту господствовали феодально-патриархальные отношения. В период советской власти они ликвидировали свою былую отсталость и стали на один уровень развития со всеми народами СССР. Они оформились в социалистические нации, обрели свою социалистическую государственность, до неузнаваемости изменили свой культурный облик. В советских республиках Средней Азии восторжествовала ленинско-сталинская национальная политика партии большевиков. Долг советских историков — всерьез заняться изучением и обобщением опыта строительства социализма в республиках Средней Азии, сделать его достоянием науки, подчинить целям коммунистического воспитания трудящихся.

I

Каково в настоящее время положение с изучением истории социалистического строительства в республиках Средней Азии?

На основе исторических решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам истории Средней Азии заметно улучшили свою работу. В течение последних лет партийные организации республик Средней Азии значительно усилили помощь в деле научного изучения истории советского общества. Партийные организации Средней Азии помогли истори-

кам разоблачить антимарксистские, буржуазно-националистические и меньшевистско-троцкистские концепции в изучении истории советского общества. Разгром враждебных марксизму-ленинизму теорий не замедлил сказаться на положительной разработке истории советского общества. Стали появляться журнальные статьи и брошюры по истории советского периода, издаваться тематические сборники документов и т. д.

Повышенный интерес к советскому периоду проявили молодые историки. Ими написано значительное количество диссертаций по этому разделу исторической науки. В настоящее время исследовательской работой охвачены важнейшие периоды истории социалистического строительства. Особенно повышенный интерес историки проявляют к вопросам истории пролетарской революции в Средней Азии, истории гражданской войны. Большое внимание уделяется советскому периоду в сводных трудах по истории отдельных республик Средней Азии. В Узбекистане заканчивается работа по составлению III тома «Истории народов Узбекистана», целиком посвященного советскому периоду, вышел в свет II том «Истории Казахской ССР» (советский период); разрабатываются сводного характера труды по истории советского общества в Таджикистане, в Туркменистане, Киргизии и т. д.

Несомненным достижением в изучении истории указанного раздела исторической науки является то, что историки сумели поднять большой фактический материал и пустить его в обиход науки. В настоящее время тщательно выявляются и изучаются все важнейшие фонды местных и центральных архивов, изучаются фонды местных партийных архивов и т. д. Важно отметить факт перехода ряда историков к более углубленному изучению вопросов истории советского общества — в плане создания фундаментальных исследований. Только в одном г. Ташкенте готовятся сейчас к защите 11 докторских диссертаций по истории социалистического строительства в Средней Азии.

Однако было бы ошибочным думать, что научная разработка истории советского общества в республиках Средней Азии полностью удовлетворяет требованиям партии в области идеологической работы. Историки Средней Азии только еще начинают вплотную подходить к изучению истории Советской Средней Азии. В их работах имеются крупные недостатки, ошибочные суждения. Задача заключается в том, чтобы теперь, в самом начале большой работы по монографическому изучению истории советского общества, во-время предупредить ошибки и недостатки, исправить их, нацелить историков Средней Азии на разработку наиболее актуальных научных проблем.

II.

Перед историками Средней Азии стоит большая задача — начать глубокое изучение наиболее важных проблем истории советского общества.

Советская историческая наука ничего не сделала до сих пор в разработке вопроса о некапиталистическом пути развития народов Средней Азии. Ввиду исключительной важности разработки этого вопроса, остановимся на нем несколько больше. Историки Средней Азии ограничиваются здесь пересказом общезвестных положений. «С победой Великой Октябрьской социалистической революции, — говорится в статье А. Кучкина, — перед народами Средней Азии открывался путь перехода от полупатриархальщины и полуфеодализма к социализму, минуя мучи-

тельную стадию общественного развития — капитализм» (А. Кучкин, «Советизация казахского аула (1926—1929)», «Вопросы истории», 1946, № 4, стр. 3). Этим автор ограничивается. Примерно так же «освещается» этот вопрос в статье Ким М. «Октябрьская революция и аграрный вопрос в Казахстане». Автор пишет: «Октябрьская революция создала возможность казахам перейти к высшему общественному строю — к коммунизму, минуя капитализм», («Вопросы истории», 1947, № 10, стр. 105): Затем следует известная цитата из речи В. И. Ленина на II конгрессе Коммунистического Интернационала. Цитата сопровождается словами автора. «Благодаря советской власти и помощи со стороны русского народа, Казахстан совершил скачок от патриархально-феодалного строя к социальному, минуя капиталистическую стадию развития» (там же). Этим, собственно, заканчивается в статье М. Ким «освещение» проблемы некапиталистического пути развития казахского народа. Казалось бы, что сама тема о разрешении аграрного вопроса в Казахстане в период Октябрьской революции неизбежно толкала автора на раскрытие проблемы некапиталистического развития, однако автор сумел обойти эту проблему.

Так же, как М. Ким, поступил А. Гуревич в статье «Земельно-водная реформа в УзССР», опубликованной в журнале «Вопросы истории». Весьма трудно говорить о разрешении земельного вопроса в Узбекистане после победы Октябрьской революции и в то же время обойти вопрос о некапиталистическом пути развития народов Средней Азии. Автор сумел это сделать. Он уделил этому вопросу всего лишь одну фразу. Приведем ее: «Социально-экономическое развитие узбекской деревни после земельно-водной реформы блестяще подтвердило правильность и дальновзорность курса большевистской партии на некапиталистическое развитие такого отсталого национального района, как Узбекистан» («Вопросы истории», 1948, № 11, стр. 67).

Возьмем, далее, статью А. Турсунбаева «К вопросу о советизации казахского аула». Автор претендовал на правильное освещение вопроса, указанного в заголовке статьи, он задался целью раскритиковать неверные положения А. П. Кучкина по вопросу о характере Октябрьской революции на территории Казахстана (об этом ниже). Автор затрагивает вопрос о некапиталистическом пути развития Казахстана, но ограничивается, по примеру других авторов, общими фразами. «Фактическое неравенство бывших отсталых народов можно было ликвидировать, — говорит автор, — только с помощью русского рабочего класса, под руководством партии большевиков. Ленин на II конгрессе Коммунистического Интернационала указывал: (цитата)». От себя автор пишет: «перед казахским народом стоял небывалый еще в истории человечества путь перехода в социализм, минуя капиталистическую стадию развития» («Известия Академии наук Казахской ССР», 1948, № 49, стр. 202). На этом «раскрытие» проблемы завершается.

Точно таким же образом поступил Н. Т. Сауранбаев в статье: «Развитие общественных наук в Казахстане». По интересующему нас вопросу у него сказано следующее: «казахский народ... благодаря освободительной силе Великой Октябрьской социалистической революции сделал грандиозный скачок от феодализма к социализму, минуя капиталистический этап развития» (Вестник Академии наук Казахской ССР, 1947, № 11 (32), стр. 32).

Обратимся к Таджикистану. Для примера возьмем статью М. Я. Берковича «К вопросу о возникновении таджикской национальности». Здесь нас снова постигает разочарование. Автор упоминает положение Ленина

о некапиталистическом развитии ранее отсталых народов, разумеется, приводит на сей счет цитату. После цитаты следует авторский текст: «к числу таких отсталых стран принадлежит до победы Октябрьской революции и Таджикистан...» («Известия Таджикского филиала АН СССР», 1946, № 12, стр. 77). Вот и все!

Таковы неутешительные итоги работы историков Средней Азии в разработке одной из актуальнейших проблем советской историографии. Перед нами — сплошное цитирование Ленина и декларативные реляции авторов. Не сделано и тени попытки раскрытия на конкретно-историческом материале важнейшей проблемы.

Известно, что Ленин и Сталин разработали учение о том, что в эпоху крушения системы империализма и победы Великой Октябрьской социалистической революции в России вовсе не обязателен путь капиталистического развития для тех народов, которые не успели пройти это развитие. Раньше, до победы Октябрьской революции, капитализм, как определенная система производственных отношений, являлся необходимой ступенью в развитии человеческого общества в направлении к социализму.

Почему неизбежной ступенью?

Капитализм создавал необходимые предпосылки для победы пролетарской революции. В недрах капитализма развивались и вызревали силы, способные взорвать изнутри строй капиталистической эксплуатации, опрокинуть капитализм. Это значит, что до победы Октябрьской революции капиталистическая стадия развития была не только выражением объективной закономерности развития человеческого общества, но и в то же время школой обучения, воспитания кадров пролетариата, как будущих могильщиков буржуазии.

После победы Октябрьской социалистической революции в России коренным образом изменились пути исторического развития народов, не прошедших стадии капитализма. И после победы Октябрьской революции не снималась проблема вызревания в капиталистически отсталых странах объективных и субъективных предпосылок для победы в них социализма. Но их положение изменилось коренным образом. Опыт победы Октябрьской революции, героическая борьба советских людей за создание социалистического общества явились для отсталых народов могучим революционизирующим фактором. Отныне не капитализм стал выступать перед нами в роли школы обучения и воспитания будущих могильщиков буржуазии, а пример советских людей, великий опыт строительства социализма в СССР. Для отсталых народов исключена была возможность пассивного выжидания того момента, когда они пройдут мучительную стадию капиталистического развития, чтобы ставить в порядок дня борьбу за победу социализма. Учиться искусству бороться за победу народной власти они стали на примере СССР.

Всемирно-исторический опыт Китайской народной республики является наиболее ярким подтверждением высказанных соображений. Китайский народ избежал необходимости прохождения через все мучительные стадии капиталистического развития. Причиной тому явилась победа Октябрьской революции в СССР, ее решающее влияние на развитие исторических судеб китайского народа.

Так решается вопрос о некапиталистическом развитии народов, не входящих в состав СССР.

Более радикально и с наибольшими положительными результатами он был разрешен народами, составляющими до революции отсталые окраины России. Вслед за победой Великой революции в центре России со-

ветская власть победила повсеместно: Победила она и в Средней Азии. После победы Октябрьской революции народы Средней Азии стали втягиваться в русло социалистического строительства. Они стали получать самую разностороннюю помощь русского рабочего класса, партии большевиков. Для них открылся путь некапиталистического развития. Помощь великого русского народа, партии большевиков сыграла решающую роль в победе новых социалистических отношений в Средней Азии.

Ленин и Сталин в первые же дни Октябрьской революции оценили все принципиальное значение помощи народам Средней Азии со стороны русского революционного рабочего класса и его партии большевиков. Первый опыт втягивания ранее отсталых народов окраин России в русло социалистического строительства дал основание В. И. Ленину сформулировать в 1920 г. на II конгрессе Коминтерна положение о некапиталистическом пути развития ранее отсталых народов. В обоснование этого положения В. И. Ленин, как известно, ссылается, помимо прочего, и на опыт Советского Туркестана.

В. И. Ленин говорил: «Практическая работа русских коммунистов в колониях, принадлежащих раньше царизму, в таких отсталых странах, как Туркестан и проч., поставила перед нами вопрос о том, каким образом применять коммунистическую тактику и политику в докапиталистических условиях, ибо важнейшей характерной чертой этих стран является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения...» (Ленин. Соч., т. 31, стр. 217—218). В таких странах,—говорил Ленин, — «приходится преодолевать колоссальные трудности» по социалистическому строительству, однако «практические результаты нашей работы показали также», — подчеркивал В. И. Ленин, — что, несмотря на эти трудности, «вполне возможно втянуть ранее угнетенные народы окраин царской России в русло социализма». Крестьяне, составляющие основную массу населения этих окраин, «отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле» (там же). «Идея советской организации проста, и может быть применена не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям». В. И. Ленин оговаривается: «наш опыт в этой области пока еще невелик», но он дает все основания утверждать, что идея Советской власти, Советы, как конкретное выражение этой идеи, «являются средством, пригодным не только для капиталистических стран, но и для стран с докапиталистическими отношениями» (В. И. Ленин, там же, стр. 218).

Так, опираясь на первый опыт укрепления Советской власти в ранее отсталых окраинах царской России, Ленин установил и теоретически обосновал положение о том, что «с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» (В. И. Ленин, там же).

В. И. Ленин ставит вопрос: какие средства для этого необходимы? и отвечает на него так: заранее указать невозможно, как это будет выглядеть на деле, практически. «Нам подскажет это практический опыт».

Тридцать лет тому назад были высказаны В. И. Лениным эти положения. Теперь в советских республиках Средней Азии бесповоротно и окончательно изменился облик народов Средней Азии, их быт, культура. В советских республиках Средней Азии восторжествовала ленинско-сталинская национальная политика. Идея советской формы челове-

ского общежития вошла в кровь и плоть народов Средней Азии. Блестяще оправдались гениальные предвидения В. И. Ленина о том, что «идея советской организации проста», она может быть применена в ранее феодальных и полуфеодальных странах.

В. И. Ленин указывал, что переход ранее отсталых народов от докапиталистических отношений к социализму возможен при условии постоянной помощи им со стороны революционного пролетариата, при условии, если Советское правительство придет им на помощь всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Народы Средней Азии получали и продолжают получать эту помощь с избытком.

Перед историками Средней Азии во всей величине встает задача показать на исторических примерах, как русский рабочий класс и партия большевиков всеми имеющимися в их распоряжении средствами приходили на помощь народам Средней Азии в их борьбе за победу социализма.

Проблема некапиталистического пути развития народов Средней Азии включает в себя, помимо прочего, разработку таких вопросов: значение победы пролетарской революции в России с точки зрения перехода народов Средней Азии от докапиталистических отношений к социализму; помощь победившего российского пролетариата народам Средней Азии как одно из решающих условий указанного перехода; руководящая роль партии большевиков — другое, не менее решающее условие перехода; творческая инициатива народных масс, умение с их стороны правильно пользоваться предоставленной им помощью, умение направить эту помощь по правильному пути — следующее неперемное условие перехода и т. д.

Нужно заметить, что все такого рода вопросы не подвергались до сих пор специальному изучению. Пока еще не создано ни одного специального исследования, которое было бы посвящено проблеме некапиталистического пути развития народов Средней Азии. Было бы весьма желательным как можно скорее устранить этот весьма серьезный недостаток в работе историков Средней Азии.

Таким представляется нам подход к изучению исключительно важной научной проблемы.

Затронем теперь некоторые другие вопросы изучения истории советского общества в республиках Средней Азии.

III.

Коснемся группы вопросов, связанных с разработкой истории Великой Октябрьской социалистической революции на территории Средней Азии.

По этому разделу исторической науки за последние годы создано немало работ, имеется ряд докторских диссертаций. Однако историки Средней Азии далеко не все сделали в деле создания доподлинно научных трудов по этому разделу исторической науки. Как и почему победила Октябрьская революция в Средней Азии? Каковы были предпосылки для ее победы? Ивела ли пролетарская революция в Средней Азии свои характерные особенности, или ее развитие ничем не отличалось от России? Каковы были движущие силы Октябрьской революции в Средней Азии? Какую роль сыграл русский рабочий класс, партия большевиков, вожди революции Ленин и Сталин в ее победе? Какую роль в революции играло местное, коренное население? Какое революционизирующее

значение оказала победа пролетарской революции в Средней Азии на страны зарубежного Востока и т. д. Нужно признать, что по всем этим вопросам историческая наука сделала очень мало.

Начнем с вопроса о предпосылках Октябрьской революции в Средней Азии. Некоторые исследователи склонны считать этот вопрос праздной выдумкой. Какие могут быть в феодально-патриархальной дореволюционной Средней Азии предпосылки для победы Октября? Раз революция победила в центре России, то она неизбежно должна победить и на ее окраинах: это — вне зависимости от того, имелись или не имелись на месте предпосылки для ее победы. Правильным в этом рассуждении является то, что пролетарская революция в Средней Азии не является какой-то самобытной революцией, развивающейся по своим особым законам: она — составная часть общего исторического процесса. Но, с другой стороны, было бы неверным думать, что Октябрьская революция в Средней Азии победила механически, вслед за победой ее в Центральной России. Было бы грубой ошибкой считать, что Октябрьская революция в Туркестане не имела никакой почвы, что она пришла сюда «по телеграфу».

Говоря о предпосылках пролетарской революции в Средней Азии, следует учитывать значение победы здесь февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. В. И. Ленин рассматривал февральскую революцию 1917 г. как первый этап революции, как начало перехода ко второму ее этапу, который должен завершиться победой власти пролетариата и беднейших слоев крестьянства (Ленин, соч., т. 24, стр. 4). Февральская революция 1917 г. — крупный шаг вперед в историческом развитии России, она покончила в нашей стране с царской монархией, нанесла сильный удар всему феодально-крепостническому строю и обусловила начало борьбы за большевизацию масс.

Некоторые исследователи не учитывают значения февральской революции 1917 года в Туркестане как определенного этапа в подготовке Великой пролетарской революции. Они склонны смешивать политику Временного правительства, ее буржуазно-империалистический характер с общим объективным значением февральской революции 1917 года. У них нередко при изложении событий февральской революции стирается грань между колониальным и послереволюционным Туркестаном.

Известно, что период от февраля к Октябрю — одна из героических страниц в истории нашей родины. Он насыщен фактами огромного исторического значения. Однако в ряде исследований это время изображается в тусклых тонах, серыми красками, вдобавок — с обилием всякого рода извращений.

Известные в истории сентябрьские события 1917 года в г. Ташкенте нашли свою оценку в произведениях И. В. Сталина. Они имели большое революционизирующее значение в период подготовки побед пролетарской революции в Туркестане. Однако эти события получили ошибочное освещение в литературе. Некоторые авторы склонны видеть в них победу вооруженного восстания в Ташкенте, установление советской власти, которая потом была свергнута Временным правительством. «В ответ на корниловский мятеж и наступление буржуазии на завоевания революции, — говорится в брошюре Гафурова Б. и Прохорова Н. И. «Падение Бухарского эмирата», — рабочие и солдаты Ташкента при поддержке трудящихся старого города 12 сентября захватывают власть в свои руки. Хозяином города становится Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов» (см. ук. соч., Сталинабад, 1940, стр. 41). В книге «Киргизия за 30 лет советской власти» сказано: «12 сентября свыше 6000 ра-

бочих и солдат Ташкента, собравшись на митинг, вынесли недоверие меньшевистско-эсеровскому Краевому Совету, лишили власти Туркестанский Комитет Временного правительства и захватили власть в свои руки.

С помощью карательного отряда генерала Коровниченко (правильно: Коровиченко И. Д.) Временное правительство возвратило власть в Ташкенте в свои руки» (см. ук. соч., г. Фрунзе, 1948, стр. 15).

Никакого восстания в сентябре 1917 г. в Ташкенте не было, советская власть там в это время не устанавливалась. Все это — фантазия досужих авторов.

Так, явно неудовлетворительно, разрабатывается историками период революционной мобилизации масс от февраля к Октябрю.

Далее. В ряде работ проскальзывает вредная тенденция умалить социалистический характер самой пролетарской революции в Средней Азии, взять под сомнение социалистический характер политики советской власти в деревне в первые годы революции. Нам думается, что в трактовке этих вопросов наиболее ярко выступает тлетворное влияние на некоторых советских историков реакционной идеологии буржуазного национализма. Известно, что на Четвертом совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в июне 1923 года Ходжаев и Икрамов, впоследствии разоблаченные как враги народа, говорили: нет абсолютно никакой разницы между советским и прежним царским, колониальным Туркестаном. Туркестан после пролетарской революции остался прежним, каким он был при царе. Товарищ Сталин разоблачил тогда эти буржуазно-националистические вылазки господ Ходжаевых и Икрамовых (см. И. В. Сталин, соч., т. 5, стр. 306—307).

Вызывает недоумение, почему некоторым советским историкам потребовалось воскрешать всякий буржуазно-националистический и меньшевистско-троцкистский вздор об отсутствии доподлинно социалистического характера Октябрьской революции в Средней Азии? Отрицать социалистический характер аграрной политики Советской власти после победы Октябрьской революции?

Трудно понять такое их поведение. Однако оно имело место. В 1946 г. была опубликована статья А. П. Кучкина: «Советизация казахского аула (1926—1929)». Автор совершенно отчетливо проводит в ней концепцию: Советы в большинстве казахских аулов в 1925—1927 гг. не были подлинными органами диктатуры пролетариата, в них господствовали бая. «Социально-экономические отношения в ауле, — утверждает автор, — не были затронуты революцией. В ауле не было ни национализации земли, ни периода комбедов, ни раздела байского имущества, ни острой классовой борьбы» (А. Кучкин, «Советизация казахского аула (1926—1929)», Вопросы истории, 1946, № 4, стр. 4).

А. П. Кучкин отрицает наличие острой классовой борьбы в казахском ауле до периода индустриализации, объясняя это сохранением влияния патриархально-родовых пережитков, умело используемых баями. Классовую борьбу в казахском ауле заменяли, по мнению автора, патриархально-родовые отношения между беднотой и баями. «Аульная беднота, — говорит автор, — почитала бая как своего родоначальника и подчинялась (?) ему одному безропотно (!) и беспрекословно (!)» (А. Кучкин, ук. соч., стр. 5). «Коммунистическая партия и центральные органы советской власти в то время не могли еще добраться до аула» (там же). В ауле отсутствовала подлинная советская власть (там же, стр. 6).

Находясь в своих антимарксистских заблуждениях в противоречии с историческими фактами, А. П. Кучкин пытается притянуть в защиту своих доводов партийные решения, выступления деятелей нашей партии. Нам думается, что он не совсем правильно толкует известное место из доклада Р. М. Молотова на XV партийном съезде (см. Вопросы истории, 1948, № 6, стр. 144). Говоря об оживлении и создании Советов в ряде районов Казахстана, В. М. Молотов далек был, на наш взгляд, от мысли, что там отсутствует подлинная советская власть. Несколько ошибочно толкует некоторые директивные указания ЦК ВКП(б), данные партийной организации Казахстана в период социалистической индустриализации (см. Вопросы истории, 1948, № 6, стр. 144). В этих директивах не могла идти речь о том, что в казахском ауле нет Советской власти, что эту власть надо создавать там впервые. В директивах ЦК ВКП(б) речь шла совершенно о другом, об укреплении низовых органов советской власти в Казахстане. ЦК ВКП(б) давал правильные, довольно четкие и резко подчеркнутые формулировки о необходимости решительно покончить с байским влиянием в низовых органах диктатуры пролетариата в Казахстане. А. П. Кучкин воспринял их как доказательство полного отсутствия Советской власти в казахском ауле до самой индустриализации, что является грубо ошибочным. Ведь, только подумайте! В казахском ауле вплоть до 1926 г. не было советской власти!

Во время обсуждения в 1948 г. в секторе истории Советского общества Института истории АН СССР статьи А. П. Кучкина «Советизация казахского аула» автор статьи продолжал оставаться на старых ошибочных позициях. Он продолжал утверждать: «Для периода индустриализации в большинстве казахских аулов Советы не были подлинными органами диктатуры пролетариата, в них господствовали бай» («Вопросы истории», 1948, № 6, стр. 144). В конце обсуждения, в своем заключительном слове А. П. Кучкин, — говорится в отчете о дискуссии, — продолжал защищать свои тезисы о том, что в подавляющем большинстве аулов подлинной советской власти, как диктатуры пролетариата, до 1926 года не было, что острая классовая борьба до периода индустриализации там отсутствовала (Вопросы истории, 1948, № 6, стр. 149).

Коллектив историков Института истории Академии Наук СССР и историки Казахстана осудили вредные тенденции А. П. Кучкина — умягчить социалистический характер Октябрьской революции в Казахстане, однако эти тенденции продолжают иметь место.

Некоторые историки прибегли к другой аргументации для доказательства, с позволения сказать, «теории» о несоциалистическом характере Октябрьской революции в Средней Азии. Оказывается, что и аграрная политика советской власти в Средней Азии не содержала в себе ничего социалистического. Обратимся к статье М. Ким «Октябрьская революция и аграрный вопрос в Казахстане». «В истории аграрной политики Советской власти в Казахстане, — пишет автор, — на первом этапе революции нужно установить два периода: первый период (1918—1920 гг.), когда еще не было единой аграрной политики, исходящей от централизованной власти в Казахстане и обязательной для всех местных Советов, когда органы советской власти на местах в основном по собственной инициативе и по своему усмотрению проводили мероприятия по земельно-водному вопросу, и второй период (1920—1921 г.), когда в крае была создана централизованная власть, когда аграрная политика начала осуществляться на основе общего советского законодательства»

и когда аграрная реформа начала проводиться в широком плане» (Ким, М., ук. соч., «Вопросы истории», 1947, № 10, стр. 98).

Вдумаемся в ход рассуждения автора. До 1920 года на территории Казахстана, оказывается, не было единой аграрной политики Советской власти, т. е. политики, исходящей от единого Советского правительства. Но такая политика была; она выражена в многочисленных актах Советского правительства того периода, начиная с декрета о земле. Далее. Органы Советской власти на местах, — рассуждает автор, — по собственной инициативе и собственному усмотрению, без вмешательства Советского правительства, проводили аграрную политику так, как им хотелось. Значит, Советская власть в период 1918—1920 гг. устранилась от проведения аграрной политики в Казахстане, все шло самотеком? Здесь снова фальшь. Не могла Советская власть самоустраниться в разрешении столь жизненно-важного вопроса, каким был аграрный, земельный вопрос. Пойдем дальше. Во втором периоде (1920—1921 гг.) аграрная политика стала иной, — говорит автор. В это время в крае была создана централизованная советская власть, советская аграрная политика с этого времени стала осуществляться уже на основе общего советского аграрного законодательства. Здесь снова фальшь. Центральное правительство советской власти в Туркестане (в «крае») было создано, как известно, в начале ноября 1917 г. на 3 Краевом съезде Советов Туркестанского края в лице Совета Народных Комиссаров Туркестанской Советской республики. Правительство Туркеспублики стремилось направлять аграрную политику в Средней Азии и Казахстане по советскому пути. Наконец, ложным представляется нам утверждение автора о том, что до 1920 г. советская власть не имела общего аграрного законодательства. Так все построение автора представляется нам искусственным, надуманным.

Автор в своей статье пытается доказать глубоко ошибочный тезис: до середины 1920 г. аграрная политика Советской власти в Казахстане носила «однобокий», «несоциалистический характер». «Аграрная политика Советов Казахстана на первом этапе революции... не разрешила полностью задачи аграрной революции в ауле. Главным пороком, в силу которого она не привела к действительно советскому разрешению аграрного вопроса в Казахстане в 1920—1921 гг., является ее однобокий характер» (М. П. Ким, ук. соч., стр. 105). Аграрная политика советской власти в Казахстане в этот период коснулась только ущемления прав на землю колонизаторских элементов.

Таковы выводы М. П. Ким о существовании аграрной политики Советской власти в Казахстане в первые годы Октябрьской революции. Выводы явно ошибочные.

Такова другая аргументация для доказательства тезиса о несоциалистическом характере Октябрьской революции в Средней Азии. Она, эта аргументация, идет по линии отрицания социалистической сущности аграрной политики в Средней Азии в период начала коллективизации. Нетрудно видеть, что сторонники и защитники только что приведенных взглядов смыкаются с защитниками ошибочного положения об отсутствии в аулах Казахстана доподлинной Советской власти в период до индустриализации. Так создается, своего рода, концепция, отрицающая социалистический характер Октябрьской революции в Средней Азии и Казахстане.

Нет надобности говорить о том, что эта своеобразная концепция является в корне ошибочной; она представляется нам как некая разно-

видность буржуазно-националистических «теорий» о непролетарском характере Октябрьской революции в Средней Азии.

Пойдем дальше. Нам думается, что несколько ошибочно освещается в нашей литературе вопрос о движущих силах Октябрьской революции в Средней Азии. Некоторым авторам пролетарская революция представляется как чисто «городская» революция, исключая участие в ней широких масс трудящегося дехканства. Значительная часть авторов ошибочно считала, что трудящиеся массы местного коренного населения, даже рабочие, за редким исключением, даже кишлачная беднота и аульная беднота, никакого участия в Октябрьской революции не принимали, были чужды ей, в лучшем случае держали нейтралитет. Так, пролетарская революция в Туркестане изображалась, как революция, проведенная «сверху», без участия в ней народных масс коренного населения. Эта чуждая советской исторической науке легенда впервые была пущена в ход небезызвестным троцкистом Сафаровым, затем она была подхвачена в конце 30-х гг. Л. Резцовым, Алексеенковым П., С. Брайнным и Ш. Шафиром и др. К сожалению, она находит отражение и в некоторых современных трудах по истории Октябрьской революции в Средней Азии. В сборнике документов «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане», изданном под моей редакцией в 1947 г. в Ташкенте Узбекистанским филиалом ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), почти не освещается вопрос об участии коренного населения в Октябрьской революции в Средней Азии. В этом я, как редактор, допустил серьезную ошибку, за что подвергся совершенно правильной критике на страницах центральной печати. Такой же, примерно, был выпущен сборник архивным отделом МВД УзССР. Редактором сборника был я, в нем также были допущены ошибки указанного характера, за что я также подвергся справедливой критике в нашей печати.

В недавно вышедшей в Ташкенте популярной брошюре К. Е. Житова «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане» в общем правильно освещаются основные события революции. Однако в ней слабо показано участие в революции местного коренного населения. В период подготовки Октября автор еще более или менее вкратце говорит об этом, но вот при описании хода Октябрьской революции, закреплении ее побед, с вопросом об участии коренного населения у автора почти ничего не вышло. Автор в основном не выходит здесь за пределы города. У него ничего не сказано о том, как была воспринята Октябрьская революция в кишлаке, каково было отношение к ней кишлачной бедноты и т. д.

Невозможно правильно понять вопрос о движущих силах пролетарской революции в Средней Азии, если не учитывать при этом руководящей роли великого русского народа, партии большевиков, вождей революции Ленина и Сталина в борьбе за победу и упрочение советской власти. Победа пролетарской революции в Средней Азии осуществлялась при самой активной помощи народам Средней Азии со стороны великого русского народа, партии большевиков, вождей партии Ленина и Сталина. Далеко не все авторы учитывают это бесспорное положение. В упомянутом выше сборнике документов «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане», вышедшем в 1947 г. под моей редакцией, не отражена руководящая роль партии большевиков, Ленина и Сталина в борьбе за победу и укрепление Советской власти в Средней Азии. Такого рода ошибки содержатся в ряде исследований.

В исторической литературе вовсе не освещен вопрос об огромном революционизирующем влиянии Октябрьской революции в Средней Азии на сопредельные с Туркестаном зарубежные страны. Этим в значительной степени умаляется, принижается значение Октябрьской революции для всего колониального Востока. Советская Средняя Азия — это мост, соединяющий социалистический Советский Союз с колониальным миром, при этом в пункте, наиболее уязвимом для империализма. И опустить освещение этого вопроса — значит неполно охарактеризовать Октябрьскую революцию в Средней Азии.

Таковы в основном ошибки и недостатки в освещении истории Октябрьской революции в Средней Азии. Необходимо решительно покончить с ними. Нужно положить конец имеющим место идеологическим шатаниям некоторой части историков по вопросу о том, была ли Октябрьская революция в Средней Азии доподлинно социалистической, или социалистический характер она приобрела значительно позже. Необходимо до конца вытравить остатки буржуазно-националистических и меньшевистско-троцкистских «теорий» о самобытном, независимом от центра России, самостоятельном значении Октябрьской революции в Средней Азии. Октябрьская революция в Средней Азии есть составная часть социалистической революции в СССР; партия большевиков, вожди революции Ленин и Сталин с начала и до конца руководили делом победы и упрочения Советской власти в Туркестане.

IV.

Вопросам истории гражданской войны в Средней Азии посвящено немало брошюр, статей. Этот период освещен в ряде кандидатских и докторских диссертаций. Однако и здесь допускаются серьезные ошибки. Ряд авторов рассматривает гражданскую войну в Средней Азии преимущественно как внешнюю интервенцию. Такая ошибка наиболее выпукло представлена в работах некоторых военных историков, занимавшихся Средней Азией.

Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов внешнюю интервенцию. Внешняя военная интервенция играла огромную, если не решающую роль в развязывании гражданской войны в Средней Азии, ее развитии. Об этом говорят исторические факты. Об этом имеются прямые указания Ленина и Сталина. Особенно преступную роль в развязывании гражданской войны в Средней Азии сыграл английский империализм. Он, воспользовавшись трудным положением советской власти, оккупировав своими войсками значительную территорию Закаспия. Английские империалисты организовывали контрреволюционные белогвардейские заговоры, устраивали контрреволюционные мятежи, разжигали басмаческое движение, оказывали помощь буржуазным националистам и т. п. И теперь долг советских историков полностью раскрыть все преступные действия интервентов в Средней Азии в период гражданской войны, показать во всей полноте их звериное лицо, их преступные планы превращения Средней Азии в колонию английского империализма.

Но при всем этом мы, советские историки, не должны впадать в одну крайность и изображать гражданскую войну в Средней Азии только как внешнюю интервенцию. Если встать на эту точку зрения, то тогда исключается понятие гражданской войны, как войны классово-эксплуатируемых и эксплуататорами. В таком случае не остается места для анализа соотношения классовых сил внутри Туркестана, определе-

вия роли в гражданской войне внутренней контрреволюции и белогвардейщины.

В «Известиях Академии Наук Казахской ССР» была опубликована статья проф. С. Н. Покровского «О некоторых основных вопросах истории Октябрьской революции и гражданской войны в Казахстане». Статья производит вполне благоприятное впечатление. Автор попытался в ней поставить некоторые очень важные вопросы, которые необходимо иметь в виду при разработке истории Октябрьской революции и гражданской войны в Казахстане. К числу этих вопросов относятся: единство исторического процесса; рассмотрение Октябрьской революции как органически составной части Октябрьской революции в СССР, учет решающего значения помощи русского народа в истории социалистического строительства в Казахстане; подчеркивание роли коренного населения в период Октябрьской революции и т. д. Однако трактовка вопроса о роли внешней интервенции в гражданской войне в Казахстане дается проф. Покровским несколько односторонне. На наш взгляд, он допускает здесь ошибку, аналогичную ошибкам некоторых военных авторов. С. Н. Покровский подчеркивает в общем правильное положение: в период гражданской войны в Казахстане «главной организующей и направляющей силой» были интервенты, в первую очередь английские империалисты (см. указанное изд., 1948 г., вып. 4, № 49, стр. 100). Эту же мысль подчеркивает автор в другом произведении (см. С. Н. Покровский, «Амангельды Имамов в борьбе за победу советской власти в Казахстане», Вестник АН КазССР, № 11 (56), 1949, стр. 20).

Перед исследователем встает вопрос, как внешняя интервенция опиралась «на внутренние контрреволюционные силы» (там же), какую роль эти силы играли в гражданской войне, но эти вопросы в статье освещаются вскользь, мимоходом. Автор видит преимущественно внешнюю интервенцию.

При таком подходе к вопросу исключается момент подчеркивания активной роли трудящихся коренных национальностей в борьбе с внутренней контрреволюцией и внешней интервенцией. Именно такого рода ошибка и была допущена в брошюре В. Е. Кутаревой «Основные этапы Гражданской Войны в Киргизии (1918—1920 гг.)», г. Фрунзе, 1947. В названной брошюре умалывается роль трудящихся Киргизии в период гражданской войны. Красная Армия вела борьбу с басмачами, а коренное население, оказывается, только «в ряде случаев» «выступало вместе с частями Красной Армии против басмаческих отрядов» (стр. 58).

Мы полагаем, что серьезные ошибки допускаются и в освещении вопроса о характере и классовой природе басмачества. В свое время буржуазные националисты изо всех сил доказывали, что басмачество порождено «колониаторским» характером Октябрьской революции в Туркестане, басмачество, по их представлению, является выражением недовольства со стороны крестьянства Средней Азии «колониаторским» характером Советской власти.

Буржуазно-националистические потуги, направленные к оправданию басмачества, варьировались на все лады в разных брошюрах и статьях 30-х гг.

Нам думается, что корни гражданской войны, причины появления басмачества в Средней Азии следует видеть в факте сопротивления низвергнутых эксплуататорских классов победившей Октябрьской социалистической революции. Пролетарская революция свергла эксплуататорские классы в нашей стране, в том числе и в Туркестане, она лишила

их частной собственности на орудия и средства производства, подавила их первые контрреволюционные выступления против советской власти. Это явилось основной причиной открытого вооруженного выступления эксплуататорских классов против советской власти. Басмаческое движение в Туркестане было порождено в основном теми же причинами, которыми было порождено выступление эксплуататорских классов в гражданской войне и кулацко-эсеровские мятежи в России периода гражданской войны. Нам думается, что нет принципиального различия между кулацко-эсеровскими восстаниями в России времен гражданской войны и басмаческим движением в Средней Азии, имеются лишь различия в формах их проявления. Следует подчеркнуть, что в разжигании басмачества значительную роль сыграли буржуазные националисты и помогавшие им империалисты, прежде всего империалисты Англии.

Борьбой трудящихся Средней Азии с внешней и внутренней контрреволюцией и белогвардейщиной в период гражданской войны от начала и до конца руководила большевистская партия. В этом плане следует рассматривать деятельность Турккомиссии ВЦИК РСФСР и ЦК РКП(б), сыгравшей большую роль в разгроме сил контрреволюции и проведенной большую работу по укреплению советской власти в Туркестане. Исключительно велика была роль рабочих и дехкан Средней Азии в тылу, между тем, работа тыла в период гражданской войны в Туркестане ни в какой мере не отражена в исторической литературе.

V

Большинство научных работ по советскому периоду относится к Октябрьской революции и гражданской войне. Пока очень мало создано произведений по восстановительному периоду, истории индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, еще меньше создано трудов по истории Великой Отечественной войны, послевоенному развитию республик Средней Азии. Историки все еще не совсем охотно берутся за разработку такого рода тематики. А то, что написано по этим разделам исторической науки, носит по преимуществу описательный характер, без сколько-нибудь серьезных попыток к историко-теоретическим обобщениям. В большинстве работ по истории колхозного строительства, образованию советских республик и другим вопросам истории социалистического строительства преобладает фактология, коллекционирование фактов. Для примера можно указать на статью А. Турсунбаева «Глубочайший революционный переворот (к 20-летию массового колхозного движения)», которая носит в основном декларативный характер, она составлена в духе газетной передовицы, в ней очень мало фактов о Казахстане и обилие общих мест (см. Вестник Академии Наук Казахской ССР, 1949, 11 (56)).

Пока еще весьма плохо обстоит с разработкой вопросов об участии народов Средней Азии в Великой Отечественной войне Советского Союза. Первые работы по этому разделу исторической науки не отличаются глубиной анализа, они носят в общем поверхностный, описательный характер и содержат в себе преимущественно голый пересказ в основном газетных материалов. Такими недостатками страдают брошюра проф. А. Н. Бернштама «Материалы по истории Киргизии в дни Великой Отечественной войны», вып. 1, Фрунзе, 1943, брошюра доц. Э. А. Воскобойникова «Узбекский народ в годы Великой Отечественной войны», Ташкент, 1947, статья кандидата наук Г. И. Карпова «Туркменский

народ в дни Великой Отечественной войны» (Известия Туркменского филиала АН СССР, вып. 1, 1944) и др.

Так неудовлетворительно разрабатываются историками важнейшие периоды истории социалистического строительства в республиках Средней Азии.

VI.

От монографии по истории советского общества следует требовать историко-теоретических обобщений, определенного новаторства в постановке научных проблем. Однако многие историки, работающие по истории советского общества, пока не отличаются творческими дерзаниями, они мало организуют творческих дискуссий по наиболее интересным историко-теоретическим проблемам. Опыт строительства социализма в республиках Средней Азии, торжество ленинско-сталинской национальной политики дают историку колоссальный материал для историко-теоретических обобщений, формулировок новых выводов. Но для этого надо нам прежде всего отрешиться от робости мысли, покончить с небольшими трескотней в исторической науке, распрощаться с негодным стилем исследования, голым цитатничеством, коллекционированием фактов.

Задача заключается в том, чтобы повернуть внимание историков Средней Азии на путь творческих исканий, историко-теоретических обобщений, на путь определенного новаторства в формулировке новых выводов. Труды по истории Советской Средней Азии должны идти не столько вширь, сколько вглубь анализа, нащупывать и постигать новые исторические закономерности.

Какие наиболее важные научные проблемы должны в первую очередь разрабатываться историками советского периода в Средней Азии? Мы уже сказали о значении разработки проблемы о некапиталистическом пути развития народов Средней Азии. Укажем на некоторые другие научные проблемы. Труды товарища Сталина по вопросам языкознания дают историкам советского общества очень многое в их работе. Они должны послужить им методологической основой при изучении истории советского общества. В произведениях т. Сталина о языке поставлена проблема о преобразовании в нашей стране капиталистического базиса в социалистический; о создании новой надстройки, соответствующей социалистическому базису. Это указание т. Сталина воодушевляет историков СССР на изучение истории советского общества, вскрытие закономерностей его развития. Актуальнейшей задачей историков советского периода является показ исторического развития нового, социалистического базиса, его победы над капиталистическим базисом.

В свете учения т. Сталина о языке во всей величине возникает проблема зарождения и развития социалистических наций. Перед историками вырисовывается богатейшая перспектива — на конкретно-историческом материале раскрыть глубину учения товарища Сталина о нациях буржуазных и социалистических. В советской исторической литературе не существует пока специальных исследований, показывающих процесс образования социалистических наций в республиках Средней Азии. Известным является общетеоретическое положение: народы Средней Азии сложились в нации под эгидой советской власти, в ходе пролетарской революции. Но как конкретно-исторически протекал этот процесс? Как происходила консолидация отдельных народностей, родоплеменных объединений? Как осуществлялось их экономическое и духовное сближение в ходе пролетарской революции? Все эти моменты оста-

ются в основном невыясненными. Историки должны заняться этим вопросом.

Изучение основных этапов развития советской государственности в республиках Средней Азии пока не выходит за пределы простого описания конституционных актов. Ряд трудов по этому разделу науки состоит из общих мест и не носит строго научного характера. Необходимо этому участку работы уделить серьезное внимание и создать ряд глубоких исследований о развитии социалистической государственности в Средней Азии.

Большое значение приобретает разработка истории советской национальной культуры. Благородная задача историков — раскрыть на исторических примерах процесс ликвидации прежней хозяйственной, политической и культурной отсталости народов Средней Азии и показать торжество ленинско-сталинской национальной политики партии большевиков.

Во всей величине встает перед историками советского общества проблема возникновения и развития в истории народов Средней Азии двух культур — буржуазной и социалистической. Здесь возникают интересные темы: зарождение в недрах колониальной Средней Азии социалистической культуры, ее борьба с культурой феодальной и буржуазной, победа социалистической культуры в условиях Октябрьской революции, язык и культура в их историческом развитии в условиях советского строя и т. д.

К сожалению, первые попытки написания работ по истории культуры народов Средней Азии не отвечают этим требованиям. В книге С. М. Абрамзона «Очерк культуры киргизского народа», Фрунзе, 1946, не показывается роль большевистской партии и советского государства в создании культуры киргизского народа — национальной по форме, социалистической по содержанию. В ней крайне слабо освещается вопрос о влиянии передовой русской классической литературы и особенно советской литературы на развитие литературы киргизского народа.

Вопросы истории культурного развития Средней Азии надлежит исследовать всесторонне, не ограничиваться одними факторами духовной культуры, а брать в совокупности все виды материальной и духовной культуры. Нам думается, что в центре внимания исследователя должны стоять вопросы о том, как в результате победы Октябрьской революции произошел великий переворот в духовной и материальной культуре народов Средней Азии, как исключительно велика была в этом роль русского народа, партии большевиков. По истории советской культуры в Средней Азии пока нет крупных марксистских исследований, необходимо такие исследования создать.

Отстающим участком в изучении советского общества в Средней Азии является история производителей материальных благ, история трудящихся. Пока еще историки Средней Азии не создали ни одного сколько-нибудь серьезного труда по истории советского крестьянства и истории рабочего класса. Нет надобности говорить о значении такого рода исследований. Нередко историки Средней Азии пробавляются случайными, малозначущими темами, оставляя в то же время в стороне изучение и разработку истории основных производящих классов советского общества. Необходимо как можно скорее покончить с этим серьезным недостатком.

Историки Средней Азии почему-то не проявляют вкуса к экономическим категориям, они ограничиваются в основном фактами политической истории, это — серьезное их упущение. Вряд ли можно успешно разрабатывать вопросы политической истории советского общества, не

подгоняя, не подтягивая в то же время изучения его экономической истории. Нам представляется, что при разработке экономической истории советского периода историки должны непременно кооперироваться с историками народного хозяйства. Совместная работа историков и экономистов поможет нам двинуть вперед развитие экономической истории Советской Средней Азии.

Тема о ленинско-сталинской дружбе народов Средней Азии пока слабо разрабатывается в исторической литературе. По этому вопросу у нас нет специальных научных монографий. Историческая наука пробавляется здесь популярными брошюрами, статьями, в которых пересказываются общие положения. Создание научных монографий пока не дает нужных результатов. Необходимо по этому разделу исторической науки создать целую серию научных сочинений.

Следует в заключение отметить еще один серьезный недостаток, но уже другого характера.

Во многих исследованиях по истории советского периода Средней Азии имеет место некий сепаратизм. Поясним, что это значит. Как правило, целый ряд историков Узбекистана, Таджикистана, Казахстана, Туркменистана и Киргизии проявляет в значительной мере узко-местнический подход. В своих исследованиях они склонны замыкаться рамками узкой территории, они не хотят признать несомненного факта о единстве исторической жизни народов Средней Азии, о совместной борьбе всех народов Средней Азии за установление и упрочение советской власти, особенно в период, предшествовавший национальному размежеванию Средней Азии.

Многие историки стремятся искусственно отгородить «свою» республику, «свой» район от всей остальной Средней Азии.

Известно, какую огромную роль в борьбе за победу и упрочение советской власти в Казахстане играл гор. Ташкент, как административный и политический центр всей Средней Азии, рабочие гор. Ташкента. В гор. Ташкенте находились руководящие учреждения Туркеспублики, Реввоенсовет Туркеспублики, отсюда исходило руководство Туркомиссии ВЦИК РСФСР и ЦК РКП(б) и т. д. Однако в большинстве исследований, написанных в Алма-Ата, Сталинабаде, Ашхабаде, Фрунзе, гор. Ташкент обычно очень редко упоминается. Ни в одной работе по гражданской войне в Казахстане мы не встретили упоминания об известном в истории белогвардейско-эсеровском осиповском восстании 1919 г. в Ташкенте, расправе белогвардейцев над комиссарами Туркеспублики, о разгроме этого белогвардейско-эсеровского мятежа.

Такой ничем не оправдываемый сепаратизм в науке истории объективно наносит большой вред делу исторического осмысления ленинско-сталинской дружбы народов, с ним следует покончить как можно скорее.

VII.

В заключение надобно коснуться организации дела изучения истории советского периода в Средней Азии. На первое место выступает требование — устранить кустарничество и неорганизованность в работе историков по советскому периоду. Необходимо как-то координировать их работу практиковать созыв объединенных среднеазиатских совещаний историков для обсуждения наиболее важных вопросов истории, касающихся всех республик Средней Азии. Необходимо по-настоящему развернуть критику и самокритику среди исследователей советского пе-

рьюда, смелее и решительнее вскрывать ошибки и недостатки в их работе, помогать авторам во-время исправить свои ошибки и т. д.

Следует пересмотреть вопрос о подготовке новых научных кадров исследователей по истории советского общества, смелее пополнять аспирантуру людьми, способными к творческой работе.

Особое внимание надлежит обратить на подготовку национальных научных кадров по истории советского общества.

Настала пора приступить к систематической публикации источников по советскому периоду истории Средней Азии, разработать единые правила публикации с тем, чтобы не допускать разнобоя, кустарщины в этой весьма ответственной работе. Надо начать большие, серийные публикации, придать этой работе государственный характер.

Необходимо иметь в составе академических учреждений республик Средней Азии крепкие и внушительные отделы истории советского общества, привлечь для работы в них преподавателей вузовских кафедр, попутно вовлечь в работу и старых большевиков, участников революционных событий.

Надо решительнее заняться сбором воспоминаний участников борьбы за упрочение и укрепление Советской власти в Средней Азии. Известно, что письменные источники не сохранили нам многих важных исторических событий. В архивах имеются «белые пятна». И тут на помощь должны прийти материалы участников событий.

Надо, не скупясь на средства, организовать в широких масштабах записи материалов от участников событий. Послать для этого ряд специальных экспедиций. В колхозах, совхозах на предприятиях и в учреждениях Средней Азии работают бывшие участники важных событий. Надо воспользоваться этим и смелее организовывать работу по записи исторических фактов от участников событий.

Далее. Надо решительно очистить отделы истории советского общества в научно-исследовательских учреждениях от заведомых лентяев, лодырей, — людей, не обладающих творческой жилкой, людей безинициативных, бесперспективных в смысле научного роста.

Следует усилить работу по изданию имеющихся трудов по истории советского общества, необходимо смелее публиковать наиболее лучшие диссертации, другие исследования по истории советского общества в республиках Средней Азии.

* * *

Таковы наши замечания об изучении истории народов Средней Азии в советский период. Перед историками Средней Азии стоит ответственная задача — по-настоящему организовать разработку истории советского общества, двинуть вперед этот отстающий участок исторической науки. Необходимо мобилизовать все силы историков Средней Азии на разработку наиболее актуальных научных проблем по истории социалистического строительства и тем самым выполнить неоднократные указания ЦК ВКП(б) и лично товарища Сталина об устранении серьезных недостатков в работе советских историков, о превращении науки истории в мощное орудие коммунистического воспитания трудящихся.

А. А. СЕМЕНОВ

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ РАБАТ-и МАЛИКА В БУХАРЕ

В степи, находящейся между Кермине и Гидждуваном и называемой бухарцами Чул и Малик, приблизительно в 20 км. от железнодорожной станции Кермине, лежат развалины интересного в архитектурном отношении памятника древности, повидимому, относящегося к домонгольскому периоду. Это руины рабата, или постоянного двора, когда-то выстроенного здесь, в пустынной местности, для остановки караванов и одиночных путников. Памятник этот имеет свою значительную литературу¹ и, повидимому, прочно установленную в среде ученых археологов датировку. Основанием этого для них впервые послужило приведенное покойным академиком В. В. Бартольдом в I ч. его «Туркестана в эпоху монгольского нашествия» (стр. 168) извлечение из известного в Средней Азии труда «Китаб-и Мулла-заде» («Книга сына муллы») автора первой половины XVI в., Ахмед-бен-Мухаммеда. Он пишет дословно следующее: «... к югу от этой могилы (шейха Ходжи Дженди), пройдя небольшое расстояние в направлении Намазгаха, находится могила справедливого государя Шемс-ал-Мулька, — который был строителем Рабат-и Малика (т. е. «Царского Рабата»), — так (по крайней мере) говорит простонародье (авам-и халк) и она (могила) получила известность (среди него), но по дороге между Самаркандом и Ходжентом, в той стороне имеется старинный рабат Ак-Куталь, который тоже построил Шемс-ал-Мулька. Его мазар известен и славен в том рабате»².

Этот текст несколько неточно понимали и переводили акад. В. В. Бартольд и И. И. Умняков: они читали фразу оригинального текста «вэ ан тэрэф Ак-Кутал рабати-ст» с изафе после слова «тэрэф» и получали такое понимание: «в месте Ак-Куталь» был построен Шемс-ал-Мульком³ другой рабат, вместо прямого смысла данной фразы: «в той стороне есть

¹ Некоторая литература о рабате приведена в очень обстоятельной статье проф. И. И. Умнякова «Рабат-и Малик», помещенной в сборн. «В. В. Бартольда». Ташкент, 1927, стр. 179—192. Из последних публикаций — Б. Н. Засыпин. Архитектура Средней Азии. М. 1948 (О Рабат-и Малик, стр. 42—44).

² См. Бартольд, В. Туркестан, ч. I, стр. 128, и принадлеж. мне ркл. Китаб-и Мулла-заде, датированную 1213/1896 г.; л. 33 а-б.

³ Бартольд, В. Туркестан, ч. II, стр. 336. Умняков. И. И. Упом. труд, стр. 187, пр. 1.

один рабат Ак-Куталь». В перифразе всего места из «Книги сына Муллы» у позднейшего бухарского автора говорится, что «в южной стороне этой могилы (Ходжи Дженди) после того, как пройти небольшое расстояние по направлению к Намазгаху, находится могила счастливого (государя) Шемс-ал-Муллы, строителя Намазгаха (сахиб-и нэмазгах), широко известная среди простонародья. Однако по дороге между Самаркандом и Ходжентом есть старинный рабат по имени Ак-Куталь, который тоже построил Шемс-ал-Мулль, и мазар его там известен и славен»¹.

Со ссылкой на ркп. «Книги сына Муллы» б. Петербургского, ныне Ленинградского, Университета за инв. № 9476, л. 64, акад. Бартольд² привел из нее имеющееся в ней на полях следующее примечание: «вэ бани-йи Рабат-и Малик—Наср бен Ибрагим кимэ'руф би Шемс-ал-Мулль эст. Рабат-и Маликра дэр сэне-йи ихда вэ сэб'ина ва арба'майа у бэна кэрдэ эст. Джами' ул-Макаमत-и Ходжа Нэкшбэнд».

То есть: «Основателем Рабат-и Малика является Наср-бен-Ибрагим, известный (под названием) Шемс-ал-Муллы: он построил Рабат-и Малик в год 471-й. (См. «Собрание мистических подвигов Ходжи Накшбенда»).

Эта заметка по существу и утвердила во мнении историков Востока и археологов точность даты того Рабат-и Малика, который находится в степи Чул-и Малик; повидимому, все считали бесспорным вопрос о том, что обозначение «Рабат-и Малик» относится именно к рабату, находящемуся в упомянутой степи. Ввиду этого приводимое Джемаледдином Карши, автором XIII в., свидетельство в его «Мулхакат ат Сурах» о Шемс-ал-Мулльке, что он умер в 471 г. и что он «владелец «Царского Рабата» в Хардженге» (уа хуа сахибу Рабат-и Малик би Харджанг)³, почти бесспорно относили к рабату в той же степи Чул-и Малик между Кермине и Гидждуваном. Более ранний автор, чем Джемаледдин Карши, Абу-Са'ид Абдулхайй Гардизи (XI века) в своем труде «Зайн ал-Ахбар» дважды упоминает Хардженг: первый раз, говоря о бунте против саманида Насра бен-Ахмеда II (301/914—331/943) его дяди Исхака, выступившего из Самарканда на Бухару; сражение между ними произошло в Хардженге; второй раз Гардизи упоминает Хардженг, говоря о завоевании владений саманидов главою тюрков Богра-ханом, когда посланные против него военачальники саманида Нуха бен Мансура II (365/976—387/997) были захвачены в Хардженге⁴. Что именно такое было Хардженг, урочище ли, равнина ли, селение или город, неизвестно, но почему-то и покойный историк В. В. Бартольд, и проф. И. И. Умняков называют Хардженг селением. Однако ни у одного арабского географа ни места, ни города, ни селения с таким названием не встречается. Это хорошо было известно ученым авторам, писавшим о «Рабат-и Малик» в Чул-и Малике⁵.

Попутно с этим мы находим у Сам'ани (ум. в 562/1166 г.) упоминание о рабате в селении Хартенг, лежавшем от Самарканда в расстоянии 3 фарсангов В нем, по словам Сам'ани, умер и погребен в рабате Абу-

¹ Тухфат аз-Заирин. сост. Насируддин ал-Ханафи-ал-Хусейни ал-Бухари Бухарск. литогр. 1324, стр. 13.

² Бартольд, В. Туркестан, ч. I, стр. 172.

³ Бартольд, В. Упом. труд, ч. I, стр. 132.

⁴ Kitab-и Зайн ал-Ахбар, Гардизи. Ed. by Muhammad Nazim. Berlin 1923, pp. 26 и 53. Так же Бартольд. Упом. труд, ч. I, стр. 8 (первое упоминание о Хардженге). Интересно, что у Гардизи в первом случае в слове Хардженг стоит X без точки, а во втором — с точкой.

⁵ Бартольд, В. Упом. труд, ч. II, стр. 132. Умняков, И. И. Рабат-и Малик, стр. 186.

Абдуллах-Мухаммед-бен-Исмаил-ал-Бухари. Сам'ани лично был в Хартенге у его рабата с целью совершить поклонение могиле этого ученого¹.

Хартенг, как селение Самаркандского вилайета, отмечает Якут (ум. в 626/1229 г.) и перечисляет, как и Сам'ани, несколько известных лиц, происходивших из этого селения, которое, по его словам, лежало в 3 фарсангах от Самарканде (как и у Сам'ани). Упоминает Якут и о том, что в Хартенге находится могила вышеупомянутого Мухаммед-бен-Исмаила Бухари². Последний был знаменитый ученый первых веков ислама (родился в Бухаре в 194/810 г., умер в 250/870 г.), он — автор самого распространенного в мусульманском мире труда, сборника хадисов пророка (Джами' ас-Сахих), в просторечии обычно именуемого «Сахих-и Бухари». Биографы этого ученого, упоминая место его погребения, несколько расходятся с Сам'ани и Якутом в вопросе о расстоянии между Самаркандом и Хартенгом, определяя его в два фарсанга³.

Селение Хартенг существует в Самаркандской области и поныне, претерпев лишь изменения в своем названии. По присоединении к русским владениям Самаркандского вилайета Бухары Хартенг, нося такое же название, какое он носит теперь, Ходжа Исмаил, очевидно, по имени погребенного там автора «Сахих-и Бухари»), входил в состав Сугуд-и Калонского тумана, в Ишим-Аксацкую волость и по статистическим данным 1873-74 гг. в нем было 42 дома, владевших 42 кошами земли.

Возникает вопрос, не было ли ошибки в рукописях «Мулхакат ас-Суррах», Джемала Карши, и в «Зайн ал-Ахбар», Гардизи, где вместо известного места Хардженг следует читать Хартенг. Для позднейшего ученого издателя критического текста истории Гардизи это положение, по видимому, решается в утвердительном смысле. По крайней мере, при первом упоминании Гардизи о Хардженге он сделал примечание-сноску: „Probably Khartangof Jaqut, III 478». Но наши упомянутые историки, акад. В. В. Бартольд и его ученик, проф. И. И. Умянков, склонны считать Хардженг и Хартег за два отдельных места. «По Джемало Карши (тексты, стр. 132), — говорит акад. Бартольд, — около Хардженга находился «царский рабат» (Рабат ал-Мелик или Рабаты Мелик), построенный Шемс ал-Мульком... Рабат, вероятно, находился в степи Малик, к западу от Кермине; итак, я при издании текстов (тексты, стр. 8), по видимому, ошибочно отождествил Хардженг с Хартенгом»⁴.

По словам проф. И. И. Умянкова, «расстояние Хартенга от Самарканды, указанное у Сам'ани, не позволяет отождествить его с Хардженгом, где находился Рабат-и Малик». Иначе говоря, оба названных ученых определенно считают рабат з Чул-и Малик⁵ построенным Шемс ал-Мульком и, следовательно, Хардженг был в этом месте; ввиду же того, что на полях одной из рукописей «Китаб-и Мулла-задэ» б. Петербургского Университета была надпись, что царский рабат (Рабат-и Ма-

¹ The Kitab al-Ansàb of Abdàl-Karim ibn Muh. el-Sam'ni Ed in „E. J. W. Gibb Memorial“, 1912; ff 192, and 572a.

² Jakuts, Geographisches Wörterbuch, II Leipzig, 1924; S. 448. Probably Khartang of Uadut.

³ Ат-Табакат ал-Кубра, Абдуллаххаб-аш-Ша'рания 1. Каир. 1310; стр. 54. Брокельман «ал-Бухари» в The Encycl. of Islam vol. I. pp. 783—784. Между прочим, вопреки ясному обозначению произношения слова X. рт. вг Сам'ани и Якута, Брокельман ошибочно транскрибирует его как Хартанак. Вяткин, В. Матер. к ист. географии Самаркандского вилайета (в «Справ. кн. Сам. обл. 1902 г. Сам. 1902; стр. 66) и Вирский, И. М. Вол. Зеравш. округа по свед. 1873—4 гг. (в «Мат. для стат. Турк. края», Вып. IV. СПб., 1876; стр. 165).

⁴ Бартольд, В. Туркестан, ч. II, стр. 259. прим. 3.

⁵ Умянков, И. Рабат-и Малик; стр. 186.

лик) построил в 471 г. Шемс-ал-Мульк, то так как «Царский Рабат» находится в степи между Кермине и Гидждуваном, то эту запись безоговорочно отнесли к этому именно рабату. Пометка об этом, как выше упомянуто, была взята из книги и «Джами-ал-Макамат-и-Ходжа Некшбэнд». По словам И. И. Умнякова, «В Бухаре до знакомства с отрывками текста «Китаб-и Мулла-задэ», изданного В. В. Бартольдом, не знали о времени постройки Рабат-и Малик», и что он, просматривая бухарскую литографию 1898 г. «Макамат-и-хазрат-и Ходжа Накшбанд», тщетно старался найти в этой книге указания о времени постройки Рабат-и Малик»¹.

В свое время я, интересуясь жизнью и средою патрона Бухары, шейха Бехауддина «накшбенда» (ум. в 791/1389 г.), собрал, относившиеся к его жизнеописанию разные рукописи, обычно в просторечии именовавшиеся «макамат'ами», или «мэнакиб'ами», но каждая имела свое название. Среди них у меня имеется список, приобретенный мною в Бухаре в 1929 г. Он дефектный: в начале недостает одного листа и нехватает в конце нескольких листов; судя по палеографическим признакам (по плотной лошенной бумаге, по характерному насху и по обводкам страниц золотыми и цветными линиями), список этот относится к XVI веку. На первом листе, в углу налево, написано «Мэнакиб-и Некшбэнд» (Добротели шейха Накшбенда). В действительности сочинение это называется «Рисалат ал-Бахайят» (Сочинение, посвященное шейху Бехауддину), как это значится на л. 66. Имя автора, так назвавшего свой труд, неизвестно; повидимому, оно указывалось на первом утраченном листе. Хаджи Халифа отмечает, что с таким названием существует два сочинения двух разных авторов, Мухаммед-бен-Мас'уд ал-Бухари и Сейид-Шериф ал-Джорджани, писавших, впрочем, на одну и ту же тему — жизнеописание шейха Бехауддина². Оба эти труда, надо полагать, весьма редки, потому что ни один из них в доступных мне каталогах европейских и азиатских рукописехранилищ не упоминается. Какого автора имеющаяся у меня рукопись «Рисалат ал-Бахайят», определить невозможно, как упомянуто, за утратою начального листа. Труд состоит из предисловия и трех больших глав или разделов (баб): первая глава посвящена началу суфийского служения шейха Бехауддина и мистической цепи, связывающей его с отошедшими в вечность шейхами — руководителями его ордена (Баб-и эввел дэр мэбади-йи эхвал-и ишан вэ силсилэ-йи мэшаих-и ишан); вторая глава трактует о тех мистических истинах и тонкостях, «которые шейх высказывал своим благословенным языком» о проходившемся им мистическом пути и о его чудесах (Баб-и дуввум дэр бэйан-и хэкаики вэ лэтайфи ки бэр ээбан-и мубарэк-и ишан мигузэранидеэнд вэ дэр бэйан-и сүлук-и ишан вэ дэр бэйан-и кэрамат-и ишан); и третья глава посвящена тем многочисленным проявлениям духовного покровительства шейха, которые обнаруживались во всяком месте (Баб-и сиввум дэр мэхалл-и тэлатум-и эмвадж-и вэлэйэт дэр мэхалли эз ишан бэзухур пэйвэстэ эст). Во второй главе, после изложения рассказа, как однажды шейх Бехауддин в присутствии полутора десятков своих последователей символически демонстрировал свою готовность принести в жертву за них все свое внутреннее и внешнее, следует такой текст-вставка на арабском языке (лл. 876—889):

«...В родословии (фи-л-Ансаб), т. е. в Китаб-ал-Ансаб, ос'-Самани,

¹ Умняков, И. И. Упом. труд; стр. 187, прим. 5.

² Кашф аз-Зунун. Хаджи Халифы, т. 1, Константинополь, 1310 стр. 543.

говорится, что Абу-Ибрагим бен-Абу Наср Исхак бен-Ахмед ис-Сафар — да помилует его Аллах! — был говорящим правду; его убил хакан Наср-бен-Ибрагим, известный (под именем) «Солнца государства» (Шамсал-Мульк), в Бухаре, беззащитного (буквально—связанного), за его одобрительные деяния и за противодействие совершенно запретного. Было это в 461 году (1068-69 г. н. э.)¹. В конце (книги) «Навадир ал-Усул»² (сказано): «Окончено это сочинение в среду, перед вечерней молитвой, а это был последний день рамадана (л. 87 б), — да возвеличит божественное достоинство его благословенности!— в год 472-ой (25 марта 1080 г. н. э.) в столичном городе Самарканде, в местности (из) местностей (фи хадрати хаджрат) Нурабад, она же является землею³, относящуюся к квадратному рабату (каравансараю: ила-р-рабат ил му'аррабат) в государстве (фи вилайат) справедливого государя мира, Шемс-ал-Мулька Насир ал-Хакк уа-д-Дина Абу-л-Хасан-Насра, сына Ибрагима, — да помилует его Аллах!

И сказал (повидимому, автор или переписчик приведенных строк): «на верху portalной арки с воротами рабата справедливого государя Абу-л-Хасан-Насра, сына Ибрагима, сына Насра, клиента владыки правоверных (написано): «утвердил (тсабат) этот рабат, — да прославит его Аллах тем, что наиболее приличествует ему из Его милостей, Его благодеяний и Его исполнений, чтобы стала приспособленною (для путников) эта станция и ее путевые знаки! — в месяцы 471 года (1078—79 г. н. э.) Наср бен-Ибрагим, известный (под титулом) «Солнце государства» (Шамс ал-Мульк)».

В конце «Китаб ал-Икна» (Книга Убеждения)⁴ (написано): «Окончено в субботу в первый день месяца рамадана 438 года (1046-47 г. н. э.), и было (совершено) окончание книги в Бухаре, в мечети набожного правителя (фи масджид ил-хаким из-захид) Абдуррахмана, сына ал-Хусейна, — (да почтит) на нем милость Аллаха и (да сопутствует она) ему на его победоносном пути! — И написал ее от начала до конца Али, сын Ахмеда, да простит Аллах его и его родителей! — с посвящением Абу-л-Хасан-ал Джаббару, сыну Ахмеда, сына Мухаммед ан-Наукади'я (л. 85 а), в государстве славного хакана Абу-Исхака Ибрагима, сына Наср ал-Мулька, клиента владыки правоверных. О боже мой, поступи с ним благосклонно по справедливости! О, милосердный из милосердных!».

В (книге) «Шурут ал-Мухит» (Всеобъемлющие юридические (усло-

¹ Ср. вышеназванный текст «Китаб ал-Ансаб» в изд. Margoliouth в серии Gibb. Leyd. Lond. 1912; 352. Также— Бартольд В. Туркестан в эпоху монг. нашествия, ч. I. Тексты. СПб. 1898; стр. 62 и ч. II. Исследование. СПб., 1900, стр. 337.

² Трудос с названием «Навадир ал-Усул» (Редкости основных положений) — несколько, их в числе двух упоминает Хаджи Халифа в «Кашф аз-Зунун» (Т. II, Констант. 1310; стр. 615); одно из этих сочинений, посвященное отраслям юриспруденции (Навадир ал-Усул фи-л Фуру), принадлежит перу имама Абу-Бекр-Мухаммеда, сына Юсуф ал-Маргусуни ал-Ханефи, а второе заключает данные о Мухаммеде (Навадир ал-Усул фи ма'рифати ахбар ир-Расул) и составлено Абу-Абдуллах-Мухаммедом, сыном Алия, сына Хасана, сына Шер ал-Муаззин ал-Хажим ат-Термези, «погибшего мучеником за веру в 255 868—869 г.».

³ В тексте «бук'ат», что собственно означает по-арабски участок земли, в Бухаре же термином бук'а обозначалось конфессиональное учреждение вообще, вроде ханака.

⁴ Что за труд, разумеется, трудно сказать. В Парижской Национальной Библиотеке имеется рип. ал-Икна'дима хува тахта л-кына-Сатисфакция в отношении того, что скрыто под покровом», ал-Мутарризи, по содержанию — род арабского словаря. De Slane Cat. des manuscrits arabes. Paris (1833—1895; p. 684 № 4255).

вия)¹ (написано): «Построил хакан Тамгач-Богра-хан Абу-Исхак-Ибрагим, сын Насра, медресе, прилегающее к мавзолею (букв. «к месту мученичества» — бимашхад) Кусамы (ибн Аббаса), — да будет им доволен Аллах! — в составе города Самарканда, в месте, известном под именем «Баб ал-Хадид» (Железные Ворота)², и завещал ему в вакф имущества такие-то и такие-то, в середине месяца раджаба 458 года» (т. е. в июне 1066 г. н. э.).

После всего этого идет продолжение биографии шейха Бехауддина. Как могло случиться, что текст основного труда был нарушен совершенно не относящейся к нему вставкой, — трудно сказать. Но подобное мы встречаем в восточных рукописях. Весьма разительный пример этого представляют все без исключения виденные мною списки «Тарих-и Муким-хани» (Муким-ханской истории), Мухаммед-Юсуфа «мунши» бен-Ходжа Бака, где имеется очень большая вставка, не имеющая никакого отношения к содержанию этого труда, — история гибели бармекидов при Харун ар-Рашиде. Во всяком случае, приведенная вставка, составленная из нескольких, так сказать, эпизодов, по своей идее ясна. Сделавшее ее лицо собрало здесь хронологические даты, относящиеся к двум наиболее замечательным караханидам или илек-ханам, правившим в Мавераннахре. Данные эти записаны неизвестным лицом в нисходящем порядке. Шемс-ал-Мульк Наср-бен-Ибрагим (ум. в 472/1079—80 г.), «пользовавшийся славой справедливого государя», «продолжавший вести кочевую жизнь и только зиму проводивший с своим войском в окрестностях Бухары»³, был незаурядным правителем, понимавшим психологию своего господствующего оседлого населения, оберегавшим его интересы и поддерживавшим постройку монументальных общественных зданий, в том числе и рабатов.

В приписке в конце книги «Китаб ал-Икна» упоминаемый «славный хакан Абу-Исхак Ибрагим, сын Наср-ал-Мулька» есть, несомненно, отец Шемс ал-Мулька, известный в истории Тамгач-хан Ибрагим, едва ли не более беспристрастный, справедливый и благочестивый правитель, чем его сын, так что у мусульманских историков он пользовался репутацией идеального мусульманского государя⁴, при этом следует отметить, что если переписка рукописи «Китаб ал-Икна», по свидетельству переписчика Али бен-Ахмеда, произошла в государстве Абу-Исхак-Ибрагима в 438/1046-47, то дату Лен-Пуля, что этот караханид начал править около 440/1048 г. по 460/1067-68 г., следует отодвинуть по меньшей мере на два года назад; дата Замбаура, что он же начал править около 433/1041-42 г., может быть более близка к истине⁵.

Переходя к интересующему нас вопросу о датировке рабата в Чул-и Малик, мы должны заметить, что вышеупомянутая заметка на полях ленинградской рукописи «Китаб-и Мулла-задэ» о времени постройки Рабат-и Малика в 471 г. х, которую отнесли к рабату в Чул-и Малик, весьма возможно, была взята из той же биографии шейха Бехауддина,

¹ Труд этот мне неизвестен и в доступных мне каталогах восточных рукописей я его не нашел.

² Следует заметить, что мавзолей Кусамы ибн Аббаса (Шах-и-Зинда) в Самарканде находится подле ручья Машхад (место мученической кончины Кусамы) и вблизи «Железных Ворот» (по местному «Дарвоза-йи Оханин»).

³ Бартольд, В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, часть II, стр. 336.

⁴ Бартольд, В. Упом. труд, стр. 318 и след. и стр. 331—335.

⁵ Лен-Пуль, С. Мус. династии. Перев. с англ. В. Бартольда. СПб., 1899. стр. 111 и Lamvaug. Manuel de Cénéal. et de Chron. pour l' Histoire de l' Islam Hanovre. 1927; p. 206.

которая представлена имеющейся у меня рукописью. И в этом случае дата постройки рабата Шемс-ал-Мулька относится только к рабату под Самаркандом. На портале этого рабата, как видно, была арабская надпись с указанием имени его строителя и года постройки, тогда как надпись над входною аркою рабата в степи Чул-и Малик — на персидском языке (не сохранившая, к сожалению, ни имени строителя, ни датировки). Поэтому существующее столь категорическое утверждение, что этот последний рабат построен в 471/1078-79 г. Шемс-ал-Мульком, надо отвергнуть, как недоказанное, и решение вопроса, кем и когда построен Рабат-и Малик между Кермине и Гидждуваном, связать с археологическим обследованием современного селения Ходжа Исмаил (Хартенг) под Самаркандом.

Вместе с этим крайне необходимо произвести археологическое обследование местности, где находится другой рабат, Ак-Куталь, с гробницею Шемс-ал-Мулька. В рукописях имеется указание, что он лежал между Самаркандом и Ходжендом. Действительно, на этом пространстве, к юго-востоку от Джизака и б. укр. Ключевого, клм. в 27 от них, поныне существует селение Рабат, когда-то бывшее центром Рабатского серкарства Джизакского района (потом — уезда) и лежащее клм. в 100 на восток от Самарканда. Нахождение там мавзолея упомянутого караханида было бы само по себе весьма важным открытием.

И, наконец, возникает третий вопрос, тесно связанный с первыми двумя: рабат Хартенга (Ходжа Исмаил) и рабат Ак-Куталь — оба служили местом погребения; в первом был похоронен знаменитый ученый первых веков ислама, во втором — караханидский государь. Очевидно, понятие рабат, как постоянный двор — форт, в этом случае, в эту эпоху, не могло быть принято и, быть может, этот термин употреблялся тогда в значении страноприимного дома, дервишского общежития, вообще здания, построенного с целями богомыслия и благочестия, подобно тому, как доказывал, «что там, где в Коране (3,200 и 8,62) говорится о рабатах и мурабатах, имеется в виду молитва и подвижничество, а не пограничные посты»¹.

¹ Бартольд, В. Ислам. П. 1913, стр. 65.

Л. В. ГЕНТШКЕ

ЧЕРНОСОШНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ В 60-х ГОДАХ XVIII ВЕКА

По материалам наказов от государственных крестьян
в законодательную комиссию 1767 г.

Наказы черносошных крестьян севера, неоднократно привлекавшие внимание исследователей, дают обширный материал для изучения экономического и социального облика государственной деревни 60-х гг. XVIII в.

Вследствие отсутствия дворянского землевладения на севере черносошные крестьяне не были в личной зависимости от помещиков и обладали значительно большей хозяйственной самостоятельностью, чем крепостные крестьяне. С другой стороны, государство, осуществлявшее права феодального владельца всех земель, населенных крестьянами северных уездов, проявляло постоянные колебания и неуверенность по вопросу определения права непосредственных производителей на занимаемые ими земельные участки.

В течение XVII и XVIII вв. правительство предприняло ряд мер с целью прекратить продажу крестьянами земли. Однако сложившаяся практика «свободного» распоряжения своим земельным участком приводила к нарушению правительственных распоряжений.

К началу 60-х гг. земельные участки, которыми владели черносошные крестьяне, попрежнему перепродавались ими и закладывались за долги.

Приступая к рассмотрению вопроса о земледелии, не следует забывать, что на севере оно не было единственным занятием крестьян. Промыслы занимали большое место в хозяйственной деятельности черносошных крестьян. При этом чем дальше на север, тем больший удельный вес приобретали промыслы, пока не становились (на крайнем севере) единственным занятием жителей. Однако на крайнем севере промыслы (рыболовство и охота) резко отличались от промыслов более южных уездов. Первые были исконным занятием жителей, вторые (кожевенный, железообрабатывающий и другие ремесла) возникали и росли в результате роста внутреннего рынка и развития товарно-денежных отношений.

Для удобства рассмотрения наказов черносошных крестьян севера

мы разобьем их на две группы в соответствии с хозяйственной однородностью отдельных уездов и волостей.

К первой группе относится более 300 наказов тех уездов и волостей, в крестьянском хозяйстве которых преобладало земледелие, а промыслы играли дополняющую роль, хотя их удельный вес в общем балансе хозяйственной деятельности крестьян занимал около 50 процентов. К этой группе уездов следует отнести Устюжский, Тотемский, Соль-Вычегодский, Важеский и Усольский, а также южные волости Яренского, Каргопольского, Двинского, Олонецкого и Кеврольского уездов.

Около 100 наказов другой хозяйственной группы относится к Мезенскому, Кольскому, Пустоозерскому уездам и к северным волостям Яренского, Каргопольского, Двинского, Олонецкого и Кеврольского уездов. Здесь земледелие или вовсе отсутствовало, или занимало лишь подсобную роль по отношению к промысловому рыболовству и охоте.

Поэтому все вопросы, связанные с земледелием черносошных крестьян севера, мы будем рассматривать на основании данных, которые дают указы более южных уездов и волостей.

Наказы различают два вида земельных владений: земельные участки находившиеся в личном владении крестьян, и земли, находившиеся в общем пользовании всей деревни или волости.

Основная масса земель, и прежде всего пашенных, находилась в личном владении крестьян с «правом» перепродажи, заклада и аренды. Еще В. И. Семевский в своей работе «Казенные крестьяне при Екатерине II» правильно заметил, что частные земли не переделались. Это подтверждается и содержанием некоторых наказов, в которых выдвигается пожелание обезземельной части крестьян о проведении уравнительных переделов земли.

Подавляющая масса наказов содержит жалобы крестьян на недостаток земли, являющийся следствием ее неравномерного распределения. Развитие в стране товарно-денежных отношений приводило к земельному расслоению черносошной деревни. Из общей массы государственных крестьян выделяется небольшая группа крестьян — «многовладельцев», в руках которой сосредотачиваются основные массивы земли, и, с другой стороны, происходит обезземеливание значительных масс деревенской бедноты.

Наряду с общим указанием в ряде наказов о том, что «находится в... волости неимеющих и совсем пашни... немалое число крестьян»,¹ мы встречаемся с более конкретными примерами неравномерного владения землей.

Крестьяне Спасского погоста Тотемского уезда пишут, что «между крестьянством... пашенная земля с угодьями не в равенстве против написанных мужского пола душ, у иных на одну душу владения против двух или трех»² «...таковых многих владельцев, — читаем мы в наказе Мольской волости, — находится немалое число, близь на треть волости, то уже всем избыльны... А с другой стороны имеется почти на две трети волости малоземельных и скудных, из некоторых за прежними их отцов продажами и вовсе земли не имеется, а хотя же и найдется, то уже самое малое число, почти и во владение вступить не во что и платят подушные деньги заработными деньгами»³.

В отдельных случаях в руках богатых крестьян были сосредоточены

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 149.

² Там же, стр. 292.

³ Там же, стр. 310—311.

большие земельные массивы. На основании данных «Экономических примечаний» В. И. Семевский сообщает о черносошном крестьянине Фоме Карандашове, который один владел деревней Коряковой. В его руках было сосредоточено 230 десятин земли, в том числе пашни 35 десятин, сенокоса 12 десятин, леса 132 десятины и неудобной земли 49 десятин¹. В деревне Запольской три богатеи владели 18 десятинами земли, а 22 других крестьянина вместе 34 десятинами, т. е. всего по 1,5 десятины на одну душу².

Из приведенных выше данных видно, что разбогатевшая верхушка стремится путем покупки земли у обедневшей части крестьян сконцентрировать в своих руках основные земельные массивы. Процесс этот отнюдь не является случайным. Наоборот, общий ход исторического развития (потребности развивающегося внутреннего рынка, усиление товарности хозяйства) неизбежно толкал на путь капитализации всю деревенскую экономику во второй половине XVIII в.

Крестьяне Яренского, Тотемского и других уездов указывают на постоянные случаи продажи земли разорившимися крестьянами. Одни разорялись в силу неурожая, другие благодаря тяжести поборов, но все они затем, попадая в зависимость от богатеев, уже не могли оправиться и вновь стать самостоятельными хозяевами.

Правительство, обеспокоенное разорением плательщиков податей, приняло решение о запрещении продажи и заклада земельных участков.

Межевая инструкция 1766 г. предписывала купцам и государственным крестьянам, имеющим недвижимое имение, «до будущего впредь по снятым планам рассмотрения, никому, как посторонним, так и между собою не продавать и не закладывать, и в иски, также по векселям и за долги не отдавать, а кто и отдаст, то данным крепостям, закладным записям и отдачам быть не действительным»³.

Но такая административная мера могла лишь затруднить, а не остановить процесса концентрации земель в руках разбогатевшей части крестьян. Продажа земли не прекратилась. В 1768 г. правительство должно было вновь издать указ о запрещении крестьянам отчуждать землю⁴. Правительственное распоряжение по поводу запрещения продавать землю нашло свой отклик в ряде крестьянских наказов. Деревенские богатеи немедленно высказались против постановления межевой инструкции.

Более двадцати наказов, на составление которых, повидимому, значительное влияние оказывала зажиточная часть деревни, требовали разрешить крестьянам продажу и заклад земель.

Так, в наказе Ленской волости, Яренского уезда говорилось: «Просить же дозволения в покупке, в продаже и в закладе всякому своих природных и покупных и закладных просроченных хлебопашенных и сенокосных земель, и в письме на те земли купчих и закладных крепостей, дабы в случае которые крестьяне придут в упадок, то могли для поправления себя под заклад земель деньги занимать, а с другой стороны, надеясь на заклад, охотнее давать»⁵.

¹ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. II. СПб 1901., стр. 620, прим. 3.

² Там же, стр. 615, прим. 3.

³ ПСЗ, т. XVII, № 12659.

⁴ ПСЗ, т. XVIII, № 13114.

⁵ Сб. РИО, т. 123, стр. 231.

Аналогичные требования содержат указы Оквадской¹, Подгородной², Ошланецкой³ и многих других волостей.

Характерно, что в указах продажа и заклад земли прямым образом связываются с процессом обеднения крестьянской массы, с другой стороны, здесь ярко выступает эксплуататорский характер формирующейся сельской буржуазии, которая старается использовать материальные затруднения своих односельчан для собственного обогащения. Земля, полученная в заклад, в дальнейшем, как правило, переходила в руки кредитора.

Желая оправдать свои земельные захваты, богатеи стремились доказать, что концентрация земли в их руках полезна для общества и государства. В этом отношении представляет интерес указ от крестьян Ягрешской волости, Устюжского уезда. В указе говорится о малолетних, больных и престарелых крестьянах, которые не в состоянии бывают обработать свои земельные участки. А так как продажа земли запрещена, то их «деревни приходят в крайнее несостояние и запустение». Налоги же за этих разорившихся хлебопашцев вынуждены платить по дополнительной раскладке крестьяне их волости. Все это наносит большой вред обществу.

«Напротив того, — читаем дальше в указе, — от перекупки между государственными черносошными крестьянами недвижимых имений, ежели дозволено будет, составляет общественная польза, ибо один от другого получа, как на пред сего и действительно оказывалось, что яко в род доставшееся ему по крепостям недвижимое имение, то для потомков своих с надеждою прикладывали усердное старание в пользу государственную, как пашенную землю, так и сенные покосы расчищали и в лучший приводили порядок, отчего немалая и составила общественная польза»⁴.

Но не только разбогатевшая верхушка стремилась захватить землю разоряющейся бедноты. В этой роли весьма энергично выступает купечество северных городов. Указы изобилуют сообщениями о покупке, взятии в оброк и просто захвате крестьянских земель купцами Архангельска, Великого Устюга и других городов.

«Нашей-же волости, — сообщается в Ужгинском указе, — у разных крестьян проданы для необходимой нужды сенокосные земли великоустюжскому купцу, железному заводчику Ивану Курочкину»⁵.

Размеры многих купеческих владений были весьма значительны и включали в свой состав целые деревни. Крестьяне в своих указах жаловались, что купцы «имеют лучшие деревни и оброчные сенные покосы и рыбные ловли»⁶, в то время, как «... у черносошных крестьян имеются самые бессенные плохие деревни»⁷.

Наконец, следует указать на факты захвата земли канцеляристами, посадскими людьми и церковно-служителями, о которых сообщают более двух десятков указов.

Владение землей купцами, посадскими и церковниками было крайне неприятно для крестьян не только потому, что они захватывали лучшие

¹ Сб. РИО. т. 123, стр. 271.

² Там же, стр. 283.

³ Там же, стр. 277.

⁴ Там же, стр. 129.

⁵ Там же, стр. 256.

⁶ Там же, стр. 143.

⁷ Там же, стр. 144.

участки, но также и в силу их нежелания участвовать в несении ямской, дорожной и других повинностей, тяжелым бременем ложившихся на плечи крестьянской общины.

Вернемся к вопросу расслоения крестьянской общины.

Крестьяне Жешарской волости в своем наказе отмечали экономическую неоднородность общины. Они прямо писали, что имеются «... в нашей волости крестьяне лучшие, средние и маломощные»¹.

В наказе Николаевского погоста, Тотемского уезда чернососшные крестьяне свидетельствовали о неправильности сбора налогов «... с душ, а не со владения земли» и считали, что такая система взимания податей выгодна «...многоземельным владельцам, а маловладельцы земель, за неповерсткою земли и за непосевом хлеба приходят во всеконечный упадок (разрядка моя, — Л. Г.)»².

И здесь наказ отличает и противопоставляет друг другу богатеев, концентрирующих землю, и бедняков, теряющих ее.

Продолжая наказ, крестьяне жаловались, что богатеи «...по возможностям своим, завладели оброчными пустошами и порозжими землями, на которых и поселились... и называют те земли своим, а других малоземельных и неимущих крестьян к разверстке и ко владениям не допускают»³.

О таких же насильственных захватах «оброчных пустош» богатеями и устранении «неимущих крестьян» от разверстки пашни сообщают наказы Стрелицкой⁴ и других волостей.

Итак, многочисленные данные наказов свидетельствуют о глубоком процессе дифференциации крестьянства, происходившем в чернососшной деревне 60-х гг. XVIII в. В этом процессе прежде всего бросается в глаза стремление разбогатевшей части крестьян к захвату, скупке и аренде земель. Однако не следует понимать и ограничивать сложный процесс расслоения крестьянства только имущественным неравенством его. Экономическое неравенство кладет начало сложному процессу расслоения крестьянства, но отнюдь не исчерпывает его. Главное заключается в распаде некогда социально единой крестьянской общины на совершенно самостоятельные группы крестьян с различными экономическими и классовыми интересами.

С одной стороны формируется мелкая сельская буржуазия, стремящаяся любыми средствами прибрать к рукам средства производства, прежде всего землю, и эксплуатирующая своих односельчан.

На другом полюсе из общей массы крестьян выделяется деревенская беднота, все меньше связанная с землей и все больше пополняющая армию наемных сельских и мануфактурных рабочих. Это распадение крестьянства на враждебные группы ясно видят и сами составители наказов.

Интересные данные по этому поводу содержит наказ крестьян Пачозерской волости, Усольского уезда. Наказ делит проживающих в волости крестьян на следующие группы по их хозяйственному состоянию: 46 душ м. п. «из крестьян деревенских владельцев».

54 души м. п. «бобыли, не имеющие пахотных земель и санных поков», из которых 31 человек уплачивали подати сами, повидному,

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 240.

² Там же, стр. 311.

³ Там же, стр. 312.

⁴ Там же, стр. 300.

зарабатывая деньги на стороне, а за 23 человека оброк и налоги платила община.

78 душ м. п. из монастырских половников, переведенных в 1764 г. в чернососные крестьяне. Они владели 31 десятиной пахотной земли в поле и сенными покосами на 2000 копен. На одну душу у них приходилось по 1,2 десятины пашни и по 25²/₃ копны сена.

215 душ м. п. «досталых в пахоте крестьян», имевших 166 десятин пахотной земли в поле и сена 4150 копен. Следовательно, на одну душу приходилось пашни по 2¹/₃ десятины в трех полях и по 19¹/₃ копны сена¹.

Уже из этого простого перечня групп крестьян видно, что деревенская община в хозяйственном и социальном отношении далеко не однородна. Наряду с богатеями имеется группа крестьян, совсем не владеющих землей и живущих заработками на стороне или мирским поаянием. Недалеко от обезземеленной группы крестьян ушли бывшие церковные половники, земельные наделы которых безусловно не могли обеспечить им получения необходимых средств для поддержания своего голодного жизненного уровня и уплаты податей государству. Несколько в лучшем положении находились «досталые в пахоте крестьяне», которые составляли основную массу землепашцев волости. Средняя цифра их земельных владений на душу, выведенная нами, безусловно не была одинакова для всех. Внутри этой средней массы тоже имелись более хозяйственно крепкие крестьяне и такие, которые не сегодня, так завтра должны были пополнить ряды обезземеленной бедноты. Составители наказа просят дать им дополнительную землю под пашню и сенокос не только для бобылей, но и для средних крестьян, «... ибо у многих сенных покосов не имеется»², а пашни нехватает.

Хозяйственная необеспеченность большей части среднего слоя чернососных крестьян Пачеозерской волости проявлялась в недостатке собственного хлеба и в необходимости покупать его со стороны. «... Крестьяне своим хлебом не проживают, — читаем в наказе, — но ежегодно прикупают сорок одна семья, а пробавляются своим посеянным хлебом только тридцать три семьи; но и то сверх своего пропитания в продажу хлеба не бывает»³.

Следовательно, в основном средние крестьяне сами себя обеспечивали хлебом и их хозяйство мало еще было связано с рынком. Наоборот, «деревенские владельцы» и беднота самым тесным образом были связаны с рынком. Первые как товаропроизводители, вторые как потребители сельскохозяйственных продуктов. Но к вопросу о характере связи разных групп крестьян с рынка мы вернемся еще ниже.

Заканчивая разбор наказа от крестьян Пачеозерской волости, мы можем сделать заключение о глубоком социальном расслоении этой крестьянской общины. Обезземеленные бедняки и богатеи, выделяясь в ходе исторического развития из общей массы крестьянства, являются продуктом единого образующего процесса возникновения капиталистического уклада. Интересы вновь образующихся групп крестьян противоположны.

Классовые противоречия между выделившейся богатой верхушкой и обезземеленной частью крестьян, вынужденной даже хлеб покупать на

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 216.

² Там же, стр. 217.

³ Там же.

деньги, заработанные на стороне, конкретно проявились в вопросе о переделе земли.

В ряде наказов высказывается жалоба на то, что «...пашенная земля ныне во владении состоит, как в жилых деревнях, так и на пустошах... в не поверстке против написанных по нынешней переписи душ, и не в силу межевой инструкции, не по десятинам, но по прежним писцовым... книгам, что за кем в те годы написано было»¹.

Далее в этом наказе от крестьян Стрелецкой волости расшифровывается понятие, что за кем было. Указывается на наличие «многовладельцев» земель, которые «уже всем избыльны», а с другой стороны, на малоземельных и совсем лишившихся своих участков крестьян, составляющих почти две трети волости.

Особенно резко высказывается требование уравнительного перераспределения пашенной и сенокосной земли крестьянами Николаевского погоста, Тотемского уезда, Мольской волости. Констатируя факт «завладения» зажиточными крестьянами «оброчными пустошами и порожжими землями» и недопущения ими «других малоземельных и неимуших крестьян к разверстке и ко владениям»² этими землями, составители наказа пишут: «А ежели по сему представлению, по Указам Правительствующего Сената, приказание о разверстке земли против написанных душ учинено будет, как способнее по десятинам в равенство, то и в нашей Мольской волости против написанных тысячи трехсот осмидесяти одной души земли будет (т. е. достаточно.—Л. Г.), как в деревнях и на пустошах оброчных и лесопорослых»³. Беднота, в недавнем прошлом потерявшая свою землю, мечтала о возврате ее. Уравнительный передел земли казался ей той возможностью, которая должна была вернуть ей и землю и хозяйственную самостоятельность.

Как же на подобные требования бедноты реагировали «всем избыльные» деревенские богатеи? Как объяснили они причину своего «многовладения» землей?

В наказе Важеского уезда Химаневской волости, составленном при явном участии и верховодстве богатеев, мы читаем: «... имеющие к хлебопашеству рачения... для распространения одного хлебопашества прилагают неусыпные свои труды, через кои присовокупили и ныне присовокупают той пашни и покосов вновь из пашенных лесов и из согорных и болотных мест, а другие протчие тунеядцы, не тоию к тому какое рачение и старание имеют, но всегда обращаются в лености и мотовствах, и от того участки свои размотали и запустошили, и пришли в скудность и к платежу податей в несостояние, и просят, чтоб им те распашные и уваженныя земли поделить по душам (разрядка моя.—Л. Г.). И если таким мотам и ленивам повелено будет из тех распашных с великим трудом и убытком и уваженноу участков разделить по душам, то оной обойдется на каждую мужского пола душу по одной десятине с небольшим прибавком, на чем о сем содержаться не можно, и впредь к умножению хлебопашества и к распространению земли такого старания и рачения прилагать будет никому неохотно и убытков иметь не для чего, потому что, как рачительные распашивать, а ленивые в готовое входить а также опять проматывать и запустошать будут»⁴.

Наказ заканчивается пожеланием, чтобы «имеющиеся ныне за нами

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 299.

² Там же, стр. 312.

³ Там же, стр. 313.

⁴ Там же, стр. 63—64.

во владении (земля. — Л. Г.) по писцовым книгам и по крепостям и по другим сделочным письмам, повелено б было владеть по прежнему порядку безотъемлемо»¹.

Следует заметить, что указанный наказ не единичен. 23 наказа разных погостов и волостей Важеского уезда буквально повторяют его содержание.

Для нарождающегося сельского буржуа бедняк не что иное, как «тунеядец», «мот» и «лентяй», способный лишь к тому, чтобы протягивать руку к владениям, сконцентрированным в его руках. Борьба за сохранение пашенных и сенокосных земель, как исстари принадлежавших, так и вновь прикупленных, распаханых из целины или просто захваченных, становится одной из основных задач богатеейшей верхушки. Ее классовые интересы враждебны и непримиримы с интересами обезземеленной части крестьян.

Интересна позиция дворянского государства в этом вопросе. Как указывалось выше, правительство, обеспокоенное падением платежеспособности государственных крестьян, в 1766 г. издало межевую инструкцию, которая запрещала им продавать и закладывать свои земельные участки. Подобное распоряжение было совершенно закономерным. Оно явилось следствием взгляда дворянского правительства на государственного крестьянина как на феодально-зависимого сельского производителя. А так как «безземельный, безлошадный, бесхозяйственный крестьянин негодный объект для крепостнической эксплуатации»², то надо было принять меры против его разорения и экспроприации.

Но все было напрасно. Правительственные распоряжения не могли приостановить процесса расслоения в государственной деревне середины XVIII в., а вместе с тем и концентрации земли в руках небольшой кучки богачей. В недрах феодальной деревни складывался капиталистический уклад, породивший новый тип деревенского эксплуататора в лице разбогатевшего крестьянина, опутывавшего своим влиянием и подчинявшего себе всю остальную деревню. Даже после запрещения продажи земли она продолжала отчуждаться по «поступным» или «полюбовным» письмам, которые стали писать крестьяне вместо купчих³. Продажа земли на севере продолжалась и в XVIII и в XIX вв.

Так, В. И. Семевский сообщает факты отдачи земель в залоги в Архангельской губернии в первой половине XIX в. Он же сообщает, что, несмотря на циркулярное распоряжение министра финансов в 1829 г. о пределах земли в Архангельской губернии, при проведении их в деревнях сложилась практика, по которой «коренная земля, т. е. издавна находившаяся в пользовании одного семейства, особенно если она в свое время была хорошо обрабатываема, не отбирается от владельца, хотя бы из приходившихся прежде на его долю поземельных владений и необходимо было сделать отрезок на души других»⁴.

Итак, деревенские богатеи, купцы, канцеляристы все больше расхищали земельные фонды крестьянской общины. Это крайне болезненно отражалось на хозяйственном благополучии основной массы крестьян. В условиях исключительно отсталого рутинного способа ведения хозяй-

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 66.

² В. И. Ленин. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. Сочинения, т. XII, изд. 3, стр. 227.

³ А. Ефименко. Исследования народной жизни, т. I, стр. 338.

⁴ В. И. Семевский. Казенные крестьяне при Екатерине II. «Русская старина», № 1, 1879 г., стр. 24.

ства быстрое уменьшение земельных площадей значительно ускорило процесс обнищания деревни.

Наказы со всей очевидностью подтверждают это положение. Как мы видели выше, крестьяне в большинстве наказов свое бедственное положение связывали, прежде всего, с недостатком земли. Надо сказать, что мелкий землепашец северных уездов свои планы на укрепление хозяйства связывал не столько с улучшением обработки пашни, сколько со стремлением к ее увеличению за счет лесных и болотных мест.

В связи с этим в ряде наказов крестьяне просят разрешить им «... дикие и в дачах ни у кого небывалые лесные места... расчищать под хлебопашество и сенокосы»¹.

Однако не у всех были одинаковые возможности для освоения новых земель. Здесь следует различать зажиточную часть деревни от обедневшей. Как известно, расчистка леса под пашню требует значительной затраты сил и средств. Уже из приводившегося выше наказа Химаневской волости можно было видеть, что богатеи расчистку земель из-под леса производили с «великим трудом и убытком».

Безусловно такое предприятие было не под силу бедняку, не имевшему очень часто семян и средств, необходимых для обработки даже имевшегося небольшого участка. Ряд наказов свидетельствует о неполной запашке земельных участков деревенской беднотой из-за отсутствия семян². Не лучше обстояло дело и с уваживанием пашни. Те же химаневские богатеи рассказывают, что они «участки свои ежегодно уваживают», чего, конечно, не в состоянии была сделать беднота по той простой причине, что у нее почти отсутствовал скот, а, следовательно, не было удобрений. Все это позволяет отметить более культурную обработку земли у богатеев, обладавших не только большим количеством земли, чем беднота, но и имевшим в своем распоряжении необходимые орудия производства и скот.

Прежде чем перейти к выяснению вопроса о количестве скота, приходившегося на один крестьянский двор, рассмотрим данные наказов о сенокосных угодьях, являвшихся необходимой базой для содержания скота.

Большинство наказов сообщало об острой нужде черносошных крестьян в сенокосах. Общий недостаток лугов усугублялся неравномерным их распределением между членами деревенской общины.

В наказах встречаются интересные данные, позволяющие определить размеры владений сенными покосами разных групп черносошного крестьянства. Так, в Лужицкой волости приходилось в среднем на одну душу м. п. по 31 копне поставленного сена, а у крестьян Пермогорской волости, того же Устюжского уезда, приходилось «сена печишного и оброчного по двадцати копен»³. Остальные указы также сообщали, что среднее количество копен сена, приходившихся на одну душу м. п., колебалось от 20 до 30 копен. Но средняя цифра владения сенными покосами не отражала действительного положения вещей. Так же, как и пашни, луга становились объектом для захвата и скупки всесильными богатеями.

К моменту составления наказов луга в значительной степени уже были закреплены за деревенскими «многовладельцами». Составители

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 213. Из наказа крестьян Ленской волости, Яренского уезда

² Там же, стр. 141, 154 и др.

³ Там же, стр. 193.

наказа Ентальской волости, жалуясь на крайний недостаток сенных покосов, в то же время указывают на их захват крестьянином Гаврилой Усовым. В заключение они пишут, что от захвата «тех сенных покосов наши крестьяне великую скудность имеют во всем»¹. Размеры сенных покосов богатеев в несколько раз превышали обычный для среднего владельца укос и нередко достигали нескольких сот копен. Крестьяне деревни Строкинской, Спасского погоста сообщают, что в деревне «Залебязье пещиным и оброчным санным покосом на острове Костине, пожней новой на речке Лябельской волости государственный черносошный крестьянин Роман Бекришев завладел сильно на двести копен; да за рекою Двиною на острове Минине он же Бекришев завладел на двести пятьдесят копен, на острове ж Шипцове он же, Бекришев, завладел на четыреста копен»². Далее в наказе перечисляются черносошные крестьяне так и не смогли оправиться. Известно, что без скота, особенно владели покосами и выгулами для скота.

Следовательно такой богатей, как Роман Бекришев, располагал сеном в количестве 850 копен, что в 30—40 раз превышало размер владений средних крестьян, не говоря уже о бедноте, совсем не имевшей ни покосов, ни скота.

Размер сенокосных владений определял и количество скота, которое мог содержать тот или иной крестьянин. Здесь мы также имеем возможность проследить неравномерность во владении рабочим и молочным скотом у разных групп государственных крестьян.

Наказ Усольского уезда, Южного десятка сообщает, что «лучшие крестьяне» имеют по три лошади и по четыре коровы, «скудные» имеют по одной лошади и по корове и, наконец, было много «неимущих», у которых «пашенной земли и сенных покосов не имеется»³, а следовательно, надо полагать, не было и скота. Те же цифры сообщают крестьяне Устюжского уезда, Лужецкой волости. Зажиточный крестьянин их волости имел две лошади против одной у основной массы крестьян. Коров же «в лучшем доме... бывает четыре, а в среднем две, и таковых не мало крестьян и ни одной скотины не имеют»⁴.

Итак, разбогатевшая часть черносошной деревни имела на одно хозяйство в 2—3 раза больше рабочего и молочного скота, нежели средний крестьянин. В то же время на другом полюсе все больше выделялась беднота, совсем не имеющая скота.

Естественный ход расслоения часто ускорялся стихийными бедствиями, неизбежными спутниками рутинного способа ведения хозяйства. Наказы отмечают многочисленные случаи падежа скота, губельно отражавшегося на положении среднего крестьянина.

«В прошлом 759-м году и 761 году, — читаем в наказе Вишерской волости, — был... скотский падеж превеликий, и отчего крестьяне в разорение пришли и поныне без скота многие»⁵.

Приведенное выше свидетельство интересно тем, что со времени падежа до момента составления наказа прошло шесть лет, а многие крестьяне Федор Гусельников, Иван Попов и другие, которые также заработали, совершенно невозможно ведение хозяйства. Отсюда следует сделать вывод, что крестьяне, потерявшие скот, вынуждены были забра-

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 154.

² Там же, стр. 187.

³ Там же, стр. 208—209.

⁴ Там же, стр. 174.

⁵ Там же, стр. 269.

сывать свое хозяйство и пополнять собою все возрастающую армию крестьян-охотников, живущих работой по найму на стороне. И действительно, наказ вишерских крестьян заканчивается указанием на то, что в «прошлом же 766 году за скудостью от великого недостатка и от разорения (в 1763 г. их постиг также неурожай. — Л. Г.) крестьяне ушли на заводы... тридцать человек»¹.

Неустойчивость хозяйства основной массы крестьян с особой силой сказывалась в неурожайные годы. До 150 наказов сообщают о неурожаях, имевших место в 1764—1766 гг. В одних местах ранние заморозки губили урожай, в других червь выедал хлеба на корню.

Рассказывая о последствиях неурожая, наказания рисуют мрачную картину настоящего бедствия, постигшего среднее и обедневшее крестьянство.

Указывая на хлебный неурожай, бывший в 1764 г., крестьяне Косланского погоста, Яренского уезда отмечают, что в течение двух лет они не могут восстановить свое хозяйство и расплатиться с казной, дававшей им временную ссуду. Далее они пишут: «... питались пихтовой и сосновой корой и травкою борщом, от чего многие младенцы и престарелые померли»².

Высокая смертность, повидимому, была не только результатом неурожая, она была следствием общего низкого жизненного уровня беднеющей части черносошной деревни.

Чтобы представить себе размеры смертности, достаточно сослаться на цифры, которые дают наказания по этому поводу. В Успенском погосте из 619 душ м. п., числившихся по третьей ревизии, проводившейся в 1762 г., к моменту составления наказа (т. е. в течение четырех лет) умерло 80 человек³. В Турецкой трети, Яренского уезда за это же время из 616 человек умерло 115⁴; в Ковской волости 12 из 78⁵ и т. д.

Однако не все жители деревни чувствовали себя так плохо. Разбогатевшая верхушка использовала материальные затруднения бедноты в целях своего дальнейшего обогащения. Воспользовавшись вздорожанием зерна, богатые везут свой и скупной хлеб в гор. Архангельск и продают его там заморским купцам⁶. «А как ныне выпуск за море хлеба позволен,—сообщается в наказе Предтеченского погоста, Важеского уезда,—то имущие крестьяне в наличии хлеба, лясьсь дороговизне, едва не весь сплавливают к Архангелогородскому порту, а у посредственных, паче же малотяглых крестьян в хлебе не токмо в одном пропитании, но и в посевах состоит крайней недостаток»⁷.

Широкая практика продажи хлеба разбогатевшей деревенской верхушкой свидетельствует о товарном характере их хозяйства. Но не следует думать, что богатые продавали только тот хлеб, который получали в своем хозяйстве. Беспощадно эксплуатируя своих односельчан, мироеды забирали за бесценок их урожай и затем перепродавали его по повышенным ценам.

Жалуясь на свое бедственное положение, крестьяне в одном из наказов Важеского уезда писали: «... от недостатка на платежи податей и

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 270.

² Там же, стр. 249.

³ Там же, стр. 260.

⁴ Там же, стр. 262—264.

⁵ Там же, стр. 30.

⁶ Там же, стр. 69, 80 и др.

⁷ Там же, стр. 71.

на прочие необходимые расходы забираемся у посторонних деньгами в будущий новый год малою ценою, а не настоящею»¹. Таким образом, бедняк, собиравший со своего поля незначительное количество зерна, вынужден был продавать его на корню за бесценок. И уж не подлежит сомнению, что деревенский богатеи, ссужавший деньги, получив с бедняка зерно, продавал его по полной цене.

Богатые крестьяне извлекали барыши не только от продажи хлеба за границу. Широкий сбыт находило зерно также на внутреннем рынке. Среди покупателей его были и обедневшие крестьяне. Необходимость прикупить хлеб со стороны ставила бедноту в полную зависимость от деревенских мироедов.

В ряде мест, как, например, в Шарженской волости, крестьяне, «хлебом исправные», «немушцим крестьянам же, как в посевку, так и на еду поддавали». В связи с тем, что бедноте отдавать было нечем, богатеи жаловались: «... а ныне возвратно взять у них нечего... хотя заимщики и винятся, такмо заплатит нечем»².

И «хлебом исправные» крестьяне стремятся оградить себя в дальнейшем от подобных убытков. Они требуют разрешения брать в заклад земли под ссуду. Тем же, у кого нет земли, никакой помощи оказывать не хотят. По этому поводу крестьяне Цывозерской волости писали, что «за умалением пашенной земли многие по миру скитаются, а купить нечем и хлеба в заем не дают»³.

Разбогатевшая часть деревни, сосредоточившая в своих руках большую часть земли и скота, очень часто уже не может справиться с обработкой пашни и уходом за скотом силами своей семьи. Все чаще богатеи прибегают к найму и эксплуатации обезземеленных и обнищавших крестьян. «... На случай нужды, — читаем в наказе крестьян Нижнеколькокурской волости, — из единственного почитай пропитания, из... хлебопашества не имеющих, по большей части здешнего уезда крестьяне в работниках содержатся»⁴. Аналогичную запись находим в наказе крестьян Алексева стана.

Составители наказа Южского десятка, Усольского уезда сообщают о случаях, когда малолетние дети, оставшиеся после умерших неимушцих родителей, «... жительство имеют по срокам в черноработстве»⁵.

Ясные самоеды Пустозерского острога и других мест пишут, что им приходится «по скудости» «забираться» «от крестьян и других чинов хлебом», за который накопилось много долга и чтобы «больше то не накопить, а паче-б малолетних детей из голоду не поморить пристаем к тем хозяевам в работы для пасбы хозяйских оленей»⁶.

В разных волостях Хлыновского уезда: «... бедные крестьяне... припуждены жить у своей братьи крестьян на их землях, и хлеб пахать из половины прибыльного»⁷.

Иногда богатеи предпочитали обрабатывать свои земли трудом половников: Таким примером может служить депутат в Комиссию по составлению нового уложения от черносошных крестьян Архангелогордской провинции Ключарев, который эксплуатировал труд более 70 работников половников»⁸.

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 84.

² Там же, стр. 159—160.

³ Там же, стр. 115.

⁴ Там же, стр. 5.

⁵ Там же, стр. 209.

⁶ Там же, стр. 338.

⁷ Сб. РИО, т. 115, стр. 227.

⁸ Сб. РИО, т. 8, стр. 392.

Сообщения ряда наказов о широкой практике применения труда сельских рабочих (в тех или иных формах) в хозяйстве разбогатевших крестьян свидетельствуют о глубине процесса формирования капиталистических отношений в государственной деревне 60-х гг. XVIII в. В. И. Ленин считал, что применение вольнонаемного труда являлось главным проявлением земледельческого капитализма¹.

Правда, в данном случае и сам наниматель — деревенский «многовладелец» и нанимающийся бедняк оставались феодально-зависимыми от государства. Но это не снимало возникновения между ними новых капиталистических отношений. На смену уравнительности и единства интересов феодальной земельной общины выступают особые интересы каждой группы крестьян, антагонистические между собой.

В ряду вопросов, связанных с экономическим расслоением деревни северных уездов, нам необходимо будет рассмотреть вопрос о характере самого крестьянского хозяйства. Следует ли хозяйство черносошных крестьян попрежнему считать натуральным, или же оно под влиянием развивающихся товарно-денежных отношений в стране превращалось в хозяйство товарное, органически связанное с развитием внутреннего рынка?

Прежде чем дать ответ на поставленный вопрос, необходимо будет рассмотреть, в каком отношении стояло хозяйство черносошного крестьянина к рынку. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Рынок есть категория товарного хозяйства, которое в своем развитии превращается в капиталистическое хозяйство и только при этом последнем приобретает полное господство и всеобщую распространенность»².

Раз рынок является категорией товарного хозяйства, то, следовательно, степень связи крестьянского хозяйства с рынком и будет определять его характер. Если эта связь носит случайный характер и все потребности крестьянской семьи удовлетворяются своими силами, то хозяйство будет носить попрежнему натуральный характер. Но если связь с рынком перестает быть эпизодичной и хозяйство перестраивается с целью производства товаров для рынка, то в этом случае следует признать товарный характер такого крестьянского хозяйства.

Хлеб являлся основным продуктом в хозяйстве черносошного крестьянства. Само собой разумеется, что производство зерна в таких размерах, которые бы не только удовлетворяли личные потребности, но давали бы возможность в значительных количествах продавать его на сторону, будет свидетельствовать о товарности такого хозяйства. Более десятка наказов, как уже упоминалось выше, рассказывают о вывозе зерна разбогатевшей верхушкой к Архангельскому порту для последующей транспортировки за границу. Вот что по этому поводу пишут крестьяне Вознесенского погоста, Ямскогорской волости: «А как ныне в отпуск за море хлеб дозволен, то имущие крестьяне, в наличной льясье дороговизне, едва не весь сплавливают Архангелогородскому порту, а у посредственных паче-же-мало тяглых крестьян в хлебе, не токмо в одном пропитании, но и в посевах состоит крайний недостаток»³.

Из приведенной выше выдержки видно, что в отличие от богатеев немучные и даже средние крестьяне не только не могли продавать хлеб, но зачастую не имели зерна для посева. Если хлеб из уездов, располо-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. III, изд. 3, стр. 178.

² В. И. Ленин. Соч., т. III, изд. 3, стр. 15.

³ Сб. РИО, т. 123, стр. 61. То же самое писали крестьяне в цитированном выше наказе Предтеченского погоста.

женных близ гор. Архангельска, шел на заморскую торговлю, то из узлов, отдаленных от порта, он поглощался внутренним рынком.

На одном из заседаний комиссии депутат от государственных крестьян Олонецкого уезда Севастьян Ванифатьев заявил, что крестьяне Каргопольского уезда снабжают хлебом жителей Олонецкого уезда.

В то же время в своем наказе каргопольские крестьяне писали: «Из бедного крестьянства многое число приемлют в пропитании своем крайнюю нужду... принуждены с семейством своим сосновую кору и траву, называемую вахку, иссуша также и солому толочь, и оную с малым числом муки ржаную, а в неимении оной ячною и овсяною смесив, печь хлебы и оные есть, от чего и рождаются болезни, а с того прочия и умирают»².

Как же согласовать эти два одновременных и тем не менее противоречивых сообщения? Противоречие это лишь кажущееся. И первое и второе сообщение безусловно соответствовали действительности.

В первом речь идет о хозяйстве богатеев, в котором достаточно производилось хлеба не только для личного потребления, но также, и прежде всего, для продажи на рынке. Именно богатеи и могли снабжать соседний уезд хлебом.

Наоборот, во втором случае нет и речи об изобилии хлеба и его продаже. Хозяйство малоземельной бедноты лишь в лучшем случае, в наиболее урожайные годы, могло обеспечить семью бедняка своим хлебом. Что это было именно так, нас убеждает заключительная часть наказа каргопольских крестьян. Они писали: «И хотя б оные бедные... и желали земли свои продавать своей братьи состоятельным... точно того за вышеписанным (речь шла о запрещении продажи земли.—Л. Г.) чинить не имеют, а особливо желающие купить, бояся чтоб оные у них ни за что отъяты не были, через что у тех несостоятельных людей оные земли и остаются по их недостаточеству без пашки, а ко-и купить бы желали, те в пашне без удовольствия, а от того и в хлебе без прибыли (разрядка моя.—Л. Г.)»³.

Итак, если беднота вынуждена продавать свои участки, так как не имеет необходимых условий к их возделыванию, то богатеи стремятся приобрести новые земли с целью их товарной эксплуатации. Их хозяйство рассчитано, главным образом, на массовое товарное производство хлеба для получения от его реализации прибыли.

О торговле богатеев хлебом сообщают в своем наказе купцы гор. Ржева, Новгородской губернии. «Во многих местах по уездам,—жаловались купцы,—покупка купцам пересекается тамошних мест от крестьян, называемых прасолов, кои сверх своего урожая многие суммы у посторонних закупают и купцам от себя перепродажи чинят»⁴. Здесь, во-первых, четко указывается, что торгуют «прасолы», т. е. богатые крестьяне; во-вторых, первоначальной базой их торговли хлебом является собственное хозяйство, производящее для рынка; в-третьих, эта торговля рассматривается не как единичное явление, а как факт повсеместный.

В этом же убеждают и многочисленные требования крестьянских наказов о разрешении им вольной продажи продуктов сельского хозяйства.

Крестьяне бывшей вотчины Антониева-Сийского монастыря просят,

¹ Сб. РИО, т. 4, стр. 78.

² Сб. РИО, т. 115, стр. 142.

³ Сб. РИО, т. 115, стр. 147.

⁴ Сб. РИО т. 107, стр. 412.

чтобы «дозволено было наших приходов крестьянам... свой скот, мясо, сало и всякие хлебные припасы и прочее, в деревне уродившееся, ... в городе Архангельском и в Холмогорах, а особливо в Емецком остроге продавать»¹.

Последующие 17 наказов от разных волостей и станов полностью повторяют это требование крестьян.

Итак, хозяйство зажиточных крестьян теснейшим образом связано с рынком. Мы смело можем сказать, что к середине 60-х гг. XVIII в. оно было товаропроизводящим.

В каком же отношении к рынку находилась неимущая беднота? Большинство наказов прямо говорит о том, что ни беднота, ни крестьяне среднего достатка не имели никаких излишков для продажи на рынке. И тем не менее те же указы вскрывают самую тесную связь с рынком обезземеленной и разоряющейся части крестьянства.

Бедняк, не имеющий возможности обработать свою пашню или уже потерявший ее, органически связан с рынком, но не как продавец сельскохозяйственных продуктов, а как их потребитель.

В наказе Яренского уезда говорится, что «немалое число крестьян хлеб покупает со стороны с полугода и далее»². Крестьяне Тотемского уезда сообщают о том, что «на пропитание себе у многих крестьян хлеба недостает, и многие в городе покупают привозной хлеб из других уездов»³. Наконец, необходимо остановиться на наказе крестьян Мольской волости. В нем составители наказа жалуются на необходимость покупать хлеб из года в год, несмотря на резкое повышение цен. Они писали: «...таких скудных (т. е. покупающих хлеб.—Л. Г.) находится близ на половину волости и больше, а многовладельцы земель продажею хлеба пользуются (разрядка моя.—Л. Г.)»⁴:

Приведенные данные совершенно отчетливо указывают на связь с рынком крестьян черносошной деревни. При этом связь с рынком относится, главным образом, к двум противоположным группам крестьян. С одной стороны выступает «многовладелец земли» как производитель товара и его продавец, с другой стороны мы видим бедноту, которая, как мы уже отмечали, потребляла продукты. Правда, связь сельского бедняка с рынком не ограничивалась только покупкой продуктов питания и одежды. В равной мере он являлся и продавцом, но при этом в качестве товара выступала его рабочая сила. Разорившийся крестьянин, независимо от того, утратил он свой земельный участок или еще связан с землей, вынужден был искать заработка на стороне: в городе, на фабрике, в хозяйстве односельчанина-богатея. Судя по наказам, средняя часть черносошных крестьян была гораздо меньше связана с рынком. Хозяйство крестьянина среднего достатка не производило продуктов в таком количестве, которое бы позволяло реализовать излишки, но в то же время оно почти полностью удовлетворяло все нужды крестьянской семьи.

Следовательно, хозяйство среднего крестьянина продолжало сохранять в основном натуральный характер.

Итак, под влиянием развивающихся товарно-денежных отношений в стране изменялся характер хозяйства черносошных крестьян. Отличительной чертой хозяйства двух новых групп крестьян, неизвестных ста-

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 16.

² Там же, стр. 243.

³ Там же, стр. 301.

⁴ Там же, стр. 311.

рой, феодальной деревне, была связь с рынком. Вчитываясь в наказы черносошных крестьян севера, невольно видишь, как во всех областях деревенской жизни зреют новые люди, с новыми отношениями между собой в процессе производства.

Феодальная эксплуатация крестьян осложняется новыми видами эксплуатации, характерной для капиталистического уклада. Конкуренция, борьба за перекупку и аренду земли, товаризация хозяйства крестьян, возникновение армии наемных рабочих, лишенных средств про- черносошных крестьян севера, невольно видишь, как во всех областях венного уклада, развивавшегося в недрах отживающего свой век феодального общества.

Перейдем к рассмотрению крестьянских промыслов, о которых сообщают более ста наказов.

Как мы уже видели выше, богатая часть черносошной деревни успешно вела и развивала в 60-х гг. XVIII столетия торговое земледелие. В руках этих «многовладельцев» все больше и больше накапливался свободный капитал. Эксплуатация работников и членов своей семьи сосредотачивала в руках богатея определенную сумму чистой прибыли, оставшейся сверх уплаты земельной ренты. Так как отношение богатея к собственнику земли (т. е. к феодалу-государству) не было капиталистическим, то размеры его прибыли определялись «рентой как своей границей»¹. Мы знаем, что размер земельной ренты для государственных крестьян был твердо установлен государством и, следовательно, не мог повышаться вместе с ростом доходов, получаемых зажиточным крестьянином от своего хозяйства.

Таким образом, чем обширнее было хозяйство, тем большая сумма чистого дохода оставалась в руках богатея. Куда же направлялся этот вновь образуемый капитал?

Выше уже указывалось на повсеместное стремление богатеев к приобретению и аренде (под видом залога) земельных участков у разоряющейся части средних крестьян и бедноты.

Вкладывались деньги и в предприятия по очистке леса и осушению болот. Расширялось скотоводство. Деревенский богатый все больше превращался в мелкого сельского капиталиста.

Однако применение накапливавшихся капиталов не ограничивалось только земледелием. Наказы черносошных крестьян сообщают о массовом вложении сельскими богатеями своих доходов в промышленность, торговлю и ростовщичество.

Более ста наказов сообщают о крестьянских промыслах, имевших место в северной черносошной деревне.

Наказы 16 волостей, 12 погостов, бывших монастырских вотчин и станов Двинского уезда содержат указание на занятие крестьянами этих мест кожевненным промыслом.

Повидимому, Двинский уезд был центром кустарного производства по выделке кож и по изготовлению кожаной обуви. «В помянутой нашей Меландовской волости, — читаем в одном из наказов, — состоят у крестьян кожевненные с толчеями, записанными в оброк, в которых избах... крестьяне свои собственные, також и на продажу про довольство (т. е. для нужд. — Л. Г.), находящихся в соседственных волостях крестьян, делают кожи, а более крестьяне приносят с собой для выделывания и обратно по выделывании к себе получают, давая только хозяину за выделывание оных плату»².

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, 1936, стр. 705.

² Сб. РИО, т. 123, стр. 113.

Далее в наказе содержится жалоба на холмогорское купечество, которое находило продажу выделанных кож крестьянами незаконной, так как промысел этот считался принадлежащим купечеству. Заканчивая наказ, крестьяне просят, «дабы при сочинении проекта нового уложения включить, чтобы дозволено было впредь такие кожевенные избы нам содержать и выделанную кожу продавать, а посторонним приносить выделывать»¹. Наказы Холмогорской, Пинчяшинской, Прилуцкой, Чермохоцкой, Ракурской, Панилорской и других волостей Двинского уезда дословно повторяют цитированный выше наказ.

Крестьяне бывшей вотчины Антониева-Сийского монастыря просят, чтобы холмогорские купцы не мешали им продавать «...работы свои, скотские кожи, овчины, обувь, то есть сапоги, коты, крашенину, железные и медные разные поделки»².

В свою очередь холмогорские купцы сообщали в Комиссию по составлению нового уложения о кожевенном кустарном производстве в Двинском уезде.

Купцы писали: «...в Меландовской волости черносoshные крестьяне имеют при домах своих многие кожевенные заводы, и из покупаемых в уезде делают на оных заводах сырья кожи, и не тобою в одной Емецкой трети, но и в здешних около посадных волостях ездят тайным образом, в разрез и целыми кожами в продажу производят»³.

Купцы гор. Архангельска также свидетельствовали о том, что крестьяне «...имеют в деревнях заводы кожевенные и выделанную кожу по торжкам и съездам, развозя продают (разрядка моя. — Л. Г.)»⁴.

Оба купеческих наказа согласно говорят о развитии кожевенного производства у черносoshных крестьян Двинского уезда. При этом они отмечают, во-первых, наличие кожевенных заводов, т. е. крупных кустарных мастерских, содержать которые могли только богатые крестьяне; во-вторых, производство было специально приспособлено для продажи на рынке, причем радиус округа, где кожевники-кустари реализовали свою продукцию, был достаточно обширен (например, от Холмогор Меландовская волость отстояла в ста верстах, а от гор. Архангельска еще дальше); наконец, кожевенные изделия производились не из сырья, полученного в собственном хозяйстве, а из сырья, скупаемого в уезде.

Сопоставление данных крестьянских и купеческих наказов позволяет сделать заключение, что кожевенные промыслы Двинского уезда носили товарный характер. Работа на рынок и по заказу лежала в основе производственной деятельности кожевников-крестьян. Обращает на себя внимание наличие «кожевенных с толчеями, записанных в оброк» или иначе «кожевенных изб». Думается, что здесь речь идет не о мелком производстве крестьянина-одиночки, которому нет надобности для этого строить и содержать специальную избу, да еще платить дополнительный оброк. Речь идет о более крупном типе кустарного промысла, о мелком предприятии, которое под силу было организовать и открыть лишь крестьянину, обладающему необходимыми деньгами, т. е. деревенскому богателу.

Конечно, не следует думать, что не было мелких кустарей-одиночек. Именно о них говорят крестьяне бывшей вотчины Сийского монастыря, когда просят не препятствовать им в продаже «работы свои»,

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 14.

² Там же, стр. 16.

³ Там же, стр. 442.

⁴ Там же, стр. 452.

т. е. обуви, овчин и т. п., чтобы могли «от своих трудов настоящее себе удовольствие получить, равно-ж государственные подати во всякой исправности оплачивать»¹. Но из общей массы мелких кустарей уже выделились хозяева-владельцы небольших кожевенных заводов. Следовательно, и здесь проходил процесс имущественного и социального расслоения.

В Тотемском уезде крестьяне занимаются извозом и поставкой дров к соляным варницам. «За скудостью у нас земель, — читаем в наказе Толшемской волости, — ...крестьяне у вологодских купцов, Якова и Алексея Исаевых, в Леденском усолье в зимнее время варничные дрова возят и работают всю зиму безвыездно»².

В наказе Царевской волости тоже сообщается о поставке дров к варницам и, кроме того, указывается на факт, когда зимой крестьяне «у купцов под извоз подряды имеют»³.

В этих же наказах говорится о сосредоточении земли в руках более зажиточных крестьян и, с другой стороны, о пустующих пашнях, которые не могут быть обработаны «за скудостью крестьян и за неимением скота и навозу»⁴.

Отсюда можно предположить, что брать подряды на извоз у купцов скорее мог богатей, имеющий 3—4 лошади, чем обедневший крестьянин, не имеющий скотины даже для возделывания собственного поля.

Другого рода промыслы имели место в Важеском уезде. Более 50 наказов этого уезда указывают на курение смолы, производимой крестьянами для продажи. Казалось бы, что такой промысел, как курение смолы, посильный каждому крестьянину, не может дать материала, характеризующего имущественное неравенство в деревне.

Тем не менее, данные наказов позволяют думать, что разбогатевшая верхушка и тут постаралась прибрать к рукам если не само производство, то выгоды, связанные с реализацией его продукта.

Смолокуры Богоявленского погоста просят, чтобы купцы не мешали «выкуренную... наличную смолу продавать или по нашему малому имуществу в смолу забираться (разрядка моя. — Л. Г.)»⁵. «Забираться в смолу» означает не что иное, как взять ссуду у богатого крестьянина-скупщика под будущую продукцию. И уж конечно при этом богатей не упускал случая крепче взять в руки своего должника. Десять последующих наказов дословно повторяют свидетельство, приведенное нами выше.

В другой группе наказов, в количестве 24-х, составленных при явном влиянии зажиточных крестьян, имеется жалоба на шенкурских купцов, которые препятствуют продаже смолы «крестьянами друг другу и приезжащим из других городов»⁶. Что же это за продажа смолы крестьянами друг другу? Здесь, безусловно, в роли скупщика, затем перепродающего смолу по более высоким ценам купцам отдаленных городов выступает уже знакомая нам фигура деревенского богатей, эксплуатирующего труд своих обедневших односельчан-смолокуров.

Аналогичные данные содержат указы по поводу зверового и рыбного промыслов. В наказе крестьян Подгородной волости, который при-

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 16.

² Там же, стр. 325.

³ Там же, стр. 304.

⁴ Там же, стр. 303.

⁵ Там же, стр. 57.

⁶ Там же, стр. 65.

водился нами выше, сообщается о покупке богатеями звериного промысла и даче под него крестьянам-охотникам денежных ссуд»¹.

Самоеды Мезанского уезда в своем наказе писали, что, обеднев, они еще в 1742 г. передали за ссуду рыбные и звериные промыслы на Тиунском берегу и по рекам Индиге и Волонге двум крестьянам Федору Кармакулову и Илье Коткину. Эти крестьяне обязались платить оброк пополам с самоедами и не запрещать им попрежнему ловить рыбу и бить зверя. Однако в момент составления наказа новые владельцы промыслов всячески притесняли самоедов и не давали им возможности промыслять.

Все виды разобранных нами промыслов составляли значительную статью в доходах богатых крестьян, а в южных уездах были соединены с их земледельческим хозяйством.

Будучи мелкими товаропроизводителями в земледелии, они таковыми же становились и в промышленности. Наемный труд все больше делался основой их растущего производства.

На протяжении XVIII столетия хозяйство деревенского богатея с каждым десятилетием все решительнее порывало с чертами патриархальности и развивалось в направлении его полной капитализации. Источники 60-х гг. дают обширные материалы, характеризующие быстрые успехи этого развития. Богатый крестьянин 60-х гг. далеко ушел от своего средневекового прототипа. Он перестал быть зажиточным патриархальным земледельцем и быстро превращался в мелкого сельского буржуа, эксплуатирующего труд беднейших односельчан.

В поисках заработка, пополняющего дефицит в хозяйстве, беднота также обращается к промыслам. Но промыслы сельского бедняка были отличны от промыслов богатея. Главной формой их было так называемое отходничество. Продажа своих рабочих рук все больше делается основным источником дохода бедняка.

Наказы изобилуют сообщениями об отходниках, причем отходничество связывается авторами наказов с разорением крестьян. Ненужные крестьяне уходили в работники к богатым, уезжали на заработки в далекую Москву и Петербург, направлялись искать «счастья» на близлежащие железодельные заводы.

Вернемся к наказу Подгородной волости. Наряду с требованиями продажи и заклада земли, разрешения давать ссуды под будущий урожай, выгодными деревенским мироедам, в наказе содержится указание на массовый отход крестьян на заработки. В нем говорится, что бедняки «едва себе пропитание имеют: отчего многие, оставя свои дома и пашенные свои земли, отходят по пашпортам на разные работы и на разные заводы, и от работ пропитание себе и своей семье имеют, також и подушные деньги платят»².

Здесь уже явно видно, что основой существования для пришедшего в упадок бедняка становится не его маломощное хозяйство, а заработок на стороне. С деревней его связывает еще надежда, что он когда-нибудь сможет выбиться из нищеты и вновь поправить свое хозяйство. Но время идет, благоприятного случая, чтобы восстановить хозяйство не выдается, и связь с деревней начинает слабеть. Интересное свидетельство в этом смысле дают крестьяне Важгорского погоста. Они пишут, что многие обедневшие крестьяне еще в 1760 г. «сошли на меде-

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 283

² Там же, стр. 281.

плавильные и железные заводы» и с тех пор «многое число людей... обратно не бывали»¹. В Шестаковском уезде также «...многие люди разбрелись по разным жителям, и по партикулярным железным, медным и винокурным заводам, для прокормления с женами, детьми»².

Широкая практика отхода разоряющихся крестьян на заработки создавала благоприятные условия для развития мануфактурной промышленности. Именно в 60-х и 70-х гг. XVIII столетия «... на возникавшем рынке... труда появляется в большом количестве оброчный крестьянин»³.

Деревенская беднота все больше пополняла кадры мануфактурных рабочих и отрывалась от деревни. Отрыв непосредственных производителей от средств производства отражал глубокий процесс первоначального накопления и был прямым результатом развития нового, капиталистического уклада в черносошной деревне северных уездов.

Выше уже указывалось, что фиксированный размер денежной ренты позволял выделявшимся богатым сосредотачивать в своих руках значительные капиталы. Капитал этот все более и более направлялся на развитие торгового земледелия и промышленности. Однако он использовался также для торговли и ростовщичества. Разбогатевшая часть государственной деревни в 60-е гг. XVIII в. ведет широкую торговую деятельность по всей России.

Наказы от купечества и жителей северных городов изобилуют сообщениями о торговле черносошных крестьян.

В наказе гор. Яренска прямо говорится, что имеется немалое число «капиталистов» черносошных крестьян, которые торгуют разными товарами в уезде, в самом гор. Яренске и даже ездят с товарами в города Сибири»⁴.

Жители гор. Каргопола жалуются на крестьян, скупающих по побережью Белого моря рыбу, сало ворванное, слюду и перепродающих затем все это в городах и на ярмарках⁵.

Обращают на себя внимание сообщения как купеческих, так и крестьянских наказов на широкую практику деревенских богатеев вести торговлю перекупными товарами. В частности, жители Холмогорского посада писали о черносошных крестьянах Двинского уезда, которые торгуют не только хлебом, но также рыбой, скупаемой в поморье, пшеном, горохом и другими продуктами, перекупаемыми в более южных уездах России, где они рождаются⁶. Перекупка продуктов богатыми производилась как в отдаленных уездах и провинциях, так и среди своих односельчан. Пользуясь материальными затруднениями односельчан и отчасти отдаленностью рынка, богатей выступал в роли посредника-перепродавца. Посредничество чаще всего вело к закабалению разоряющейся бедноты мироедом, который ссужал деньгами и продуктами вперед под будущей урожай. Составляя указы, крестьяне Корткероской, Подгородной и других волостей сообщают о богатыях, которым купечество запрещало перепродавать продукты.

«Яренское купечество имеет запрещение в покупке крестьянами крестьянского звериного промысла, скота, також и хлеба, кроме их домашнего пропитания, а протчие ссужают на перед, в дачу на платеж

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 249.

² Там же, т. 115, стр. 243. То же самое сообщается в наказе черносошных крестьян Слободского уезда, там же, стр. 249.

³ Д. Бабурин. Очерки по истории мануфактур-коллегии, М. 1939, стр. 316.

⁴ Сб. РИО, т. 123, стр. 369.

⁵ Там же, т. 107, стр. 417.

⁶ Там же, т. 123, стр. 441.

получших денег и прочих крестьянских нужд, описывая в их заемных письмах, чтоб им заплатить промыслом звериным, скотом и хлебом, и оное крестьянин крестьянину платит (разрядка моя. — Л. Г.)». И далее они просят, «чтоб повелено было крестьянам, покупая крестьянин у крестьянина звериный промысел, скот, таже... хлеб, то оные, по покупке продавать без запрещения яренского купечества иногородным купцам, таже и не в случае оных провозить в другие уезды»¹.

Из цитированных наказов видно, во-первых, что зажиточный крестьянин, выступая в роли «благодетеля», ссужающего деньгами в трудный момент сбора податей, на самом деле использовал затруднения своих односельчан для целей своей наживы и укрепления своего влияния на них; во-вторых, ясно видно, что рамки связи с рынком не ограничиваются только своей волостью, уездом. Связь эта распространяется все шире, переходит границы своего уезда, провинции, губернии. Богатеи черносошной деревни севера торгуют и в городах центральной России и в городах далекой Сибири.

Последний вывод подтверждается также ссылкой ряда наказов на сложившуюся практику торговли льном, который привозился в северные уезды крестьянами уездов, расположенных к югу. О такой торговле льном говорят некоторые указы Двинского уезда. Посредническая связь «капиталиста» крестьянина с рынком расширяла круг его торговых операций и ускоряла процесс накопления капитала.

Из материалов, дошедших до нас со второй половины XVIII в., мы знаем много случаев выхода разбогатевших крестьян в купечество. Об этом же свидетельствуют купеческие указы северных городов. Например, в Холмогорском посаде было 8 купцов, записанных из крестьян². Стремление части богатых крестьян стать купцами находит свое отражение в наказе от крестьян Шикшейской волости, Тотемского уезда. Они просят разрешения «торговать по прежде установленному нам дозволению... а желающим... с собственным своим на то капиталом, по отпуску тех мест крестьян, без дозволения канцелярией, во все посады Российской империи городов по приему в купечество писаться»³.

В своей торговой деятельности богатеющая верхушка деревни наталкивается на противодействие купечества. Об этой борьбе говорят десятки крестьянских наказов в Комиссию по составлению нового уложения.

Купцы гор. Архангельска и Холмогор разрешали торговлю крестьянам только до полудня, что заставляло их спешить с распродажей своих продуктов.

Купцы Яренского уезда всячески старались помешать скупке и воспроизводке деревенскими богатеями продуктов сельского хозяйства. Наконец, в гор. Устюге крестьянам совсем не давали продавать привозные товары на торгу. Формы борьбы купцов с крестьянской торговлей были разнообразны, но суть была одна — борьба за монопольное право торговли.

Эта борьба часто выглядела как борьба купечества вообще против торговли всей крестьянской массы. Но это не так. Исходя из произведенного выше разбора наказов, мы знаем, что в черносошной деревне 60-х гг. XVIII столетия из общей массы крестьян выделилась кучка богатеев-эксплоататоров, производящих в своем хозяйстве продукты для

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 282—283.

² Там же, стр. 440.

³ Там же, стр. 293.

рынка и многочисленная прослойка обезземеленных бедняков, имеющих возможность продавать лишь собственные рабочие руки.

Это не означает, конечно, что крестьяне среднего достатка ничего не продавали на рынке. Наоборот, необходимость уплаты растущих платежей понуждала их все чаще обращаться к рынку и продавать не только излишки, но и необходимое. Ехать же за десятки, а иногда и сотни верст, чтобы продать небольшое количество продуктов, часто не имело смысла. Проще было воспользоваться услугами скупщика-купца, приезжающего непосредственно в деревню, или своего деревенского богатея, который был удобен тем, что не требовал немедленно продукта, а ссужал деньги по заемному письму под будущий урожай.

Итак, интересы купечества приходили в столкновение не столько с интересами всей массы крестьян, сколько с интересами выделившихся сельских богатеев, хотя формально речь в ряде наказов шла о крестьянстве вообще.

До сих пор мы рассматривали черносошную деревню, отвлекаясь от ее взаимоотношений с феодально-помещичьим государством. Это необходимо было сделать для того, чтобы иметь возможность выяснить экономический и социальный характер самой деревенской общины в 60-х гг. XVIII столетия. Однако ограничиться только этой стороной вопроса было бы неправильно.

Для того, чтобы уяснить себе процесс развития черносошной деревни во всем его многообразии, следует рассмотреть те отношения, в которых она находилась по отношению к государству.

За последнее время в исторической науке твердо вошло в обиход понятие «государственного феодализма», имевшего место в русской действительности. В ряде работ по аграрному вопросу и государству В. И. Ленин высказывался о наличии в России наряду с помещичьим феодализмом феодализма «государственного», относимый последний к землям, населенным государственными крестьянами¹. При этом ведущую роль В. И. Ленин отводил помещичьей феодальной эксплуатации. Разбирая высказывания В. И. Ленина по затронутому вопросу, акад. Н. М. Дружинин сделал вывод, «... что под чистым типом «государственного феодализма» Ленин разумел систему феодальных отношений, сложившуюся на землях, занятых государственными крестьянами, т. е. систему феодальной эксплуатации, которой подвергались государственные крестьяне со стороны казенного ведомства»².

Выше мы уже видели, что государство рассматривало земли, на которых жили черносошные крестьяне, как свою собственность и, исходя из этого, издавало законы, запрещающие их продажу и заклад.

По праву феодального собственника земли государство взимало с крестьян феодальную земельную ренту.

К. Маркс различал три формы докапиталистической земельной ренты: отработочную, продуктовую и денежную.

В первом случае непосредственный производитель, обладающий средствами производства, работает часть недели на себя и часть недели на собственника земли. Присвоение прибавочного труда крестьянина землевладельцем происходит обязательно путем внеэкономического принуждения.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 140, т. V, стр. 125, т. XI; стр. 421; т. XXIV, стр. 370—372.

² Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I М.—Л., 1946, стр. 37.

Переход к продуктовой ренте, не изменяя существа ренты, происходил на более высокой ступени развития труда непосредственного производителя и общества. В отличие от отработочной формы ренты здесь «... прибавочный труд приходится совершать уже не в его натуральном виде, а потому уже не под прямым надзором и принуждением земельного собственника или его представителя; напротив, непосредственный производитель должен выполнять его под своей собственной ответственностью, подгоняемый силой отношений вместо непосредственного принуждения и постановлением закона вместо плети»¹.

Наконец, денежная рента, возникающая «из простого метаморфоза ренты в продуктах, которая в свою очередь была лишь превращенной отработочной рентой»².

«При денежной ренте традиционное обычно-правовое отношение между зависимым непосредственным производителем, владеющим частью земли и обрабатывающим ее, и между земельным собственником необходимо превращается в договорное, определяемое точными нормами положительного закона чистое денежное отношение»³.

Земельная рента, которую получало от черносошных крестьян помещичье государство, носила денежную форму. Размер денежной ренты был твердо зафиксирован законом. Первоначально оброк был установлен Петром I в размере 40 коп. с одной души м. п., а к 1860 г. он возрос до 1 рубля. Такое увеличение оброчных денег было проведено правительством в целях уравнивания размеров ренты государственных крестьян с той рентой, которую получали помещики со своих крепостных. Интересна мотивировка, которую приводило правительство, обосновывая увеличение оброка. В указе утверждалось, что «ныне... всякие с земли доходы несравненно против тех прежних времен умножились...».

Выше мы видели, в каком жалком состоянии находилась основная масса черносошных крестьян. Все наказания согласно говорят о резком ухудшении положения государственных крестьян к середине XVIII в., за исключением группы богачей, составлявших меньшинство от общей массы хлебопашцев.

Следовательно, вряд ли можно будет согласиться с первой частью правительственного указа, считавшего экономическое положение государственных крестьян значительно улучшившимся к 60-м гг. XVIII в.

Гораздо правдоподобнее выглядит вторая часть указа, где сообщается о том, что «... помещики доходов своих ниже рубля с души почти нигде не получают»⁴. Именно это обстоятельство и было той основной причиной, которая заставила правительство повысить оброк с 40 копеек до 1 рубля. Для класса крепостников в целом и его государства было очень важно, чтобы степень феодальной эксплуатации крестьянства России была равномерной для всех его групп. Ослабление крепостнического гнета для одной из групп крестьянства неизбежно стало бы отрицательным примером, на который могли бы сослаться остальные крестьяне крепостной России.

Наконец, не следует забывать и чисто финансовую сторону дела. Увеличение оброка давало возможность мобилизовать дворянскому государству большие денежные суммы, крайне необходимые для ведения

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, 1936, стр. 699—700.

² К. Маркс. Капитал, т. III, 1936, стр. 701.

³ Там же, стр. 703.

⁴ ПСЗ, т. XV, № 14120.

разорительных войн и содержания дорогостоящего государственного аппарата.

Кроме оброка государственные крестьяне платили также государственный налог (так называемые подушные деньги), взимающийся в размере 70 копеек в год с каждой ревизской души. Тяжелым бременем ложился на плечи черносошного крестьянина многочисленные денежные и натуральные повинности, которыми он обязан был по отношению к землевладельцу-государству.

Подавляющая масса наказов содержит жалобы крестьян на крайнее разорение от уплаты податей. При этом особенно много нареканий было по адресу дополнительно введенного 60-копеечного оброчного сбора. В одном из многих наказов, высказывающихся по этому поводу, говорится: «...наложено на нас, крестьян, сверх прежних окладов, на каждую душу по шестидесяти копеек, и от того пришли во оскудение и разорение»¹.

Крестьяне в своих наказах просят освободить их от нового обложения, наивно полагая, что это спасет их от дальнейшего обнищания. «...Слезно просим, — читаем мы в наказе крестьян Хозминской волости, — от оногo (60-копеечного оброка. — Л. Г.), отягощения накладных денег всемилостивейше освободить и не допустить во всеконечную нищету»².

Чтобы представить, насколько обременительна была для государственных крестьян уплата податей, нам следует выяснить среднюю доходность, которую мог получить крестьянин от продажи зерна (основного продукта своего хозяйства). Для этого возьмем хозяйство среднего крестьянина наиболее южного Тотемского уезда, как сообщают о нем наказы.

Так, в наказе Ихалистского улусца сообщалось, что «у крестьян имеются участки пашенной земли самые малые, ... а высевают в год ржи, у которого пять душ, — четверть, а у которого шесть, — полторы, а у иного и семь, то две четверти, а в урожае бывает вдвое, а и в хороший год втрое»³. Аналогичные данные сообщают наказы Старототемской⁴, Царевской⁵ и других волостей Тотемского уезда.

Выясним размер дохода, приходящегося на одну душу м. п. на примере семьи, состоящей из пяти человек м. п. В трех полях такая семья высевала три четверти зерна. В хороший урожайный год такая семья снимала до девяти четвертей ржи. Если же урожай лишь вдвое превышал посев, что было частым явлением в условиях отсталой техники сельскохозяйственного производства, то земледельцу удавалось собрать всего лишь шесть четвертей ржи.

После вычета трех четвертей зерна, необходимого для посева следующего года, у семьи оставалось в хороший год шесть четвертей и в год малоурожайный — только три четверти ржи. Цены на зерно сообщали в своем наказе крестьяне Стрелецкой волости Тотемского уезда. Они жаловались на сильное вздорожание хлеба, выгодное деревенским богатым, и по этому поводу писали: «...ныне уже покупаем между собой ржи четверть по три рубля и более, овса и по рублю по двадцати копеек четверть, и таких скудных (т. е. бедняков, покупающих хлеб, — Л. Г.)»

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 118.

² Там же, стр. 126.

³ Там же, стр. 295.

⁴ Там же, стр. 201.

⁵ Там же, стр. 304.

наполовину волостей и более: многовладельцы земель продажею земли (т. е. продуктов земледелия. — Л. Г.) пользуются»¹.

Таким образом, стоимость ржи, которая оставалась у крестьянской семьи в 5 душ м. п. после вычета семенного фонда, равнялась от 9 до 18 рублей в зависимости от урожая. Следовательно, при хорошем урожае на одну душу м. п. приходилось 3 руб. 60 коп., а в менее удачный год на долю каждого мужчины оставалось всего по 1 р. 80 коп., т. е. столько, сколько следовало уплатить государству податей. Чтобы уплатить подушные и оброчные деньги, черносошный крестьянин должен был бы продать почти всю рожь, полученную в результате тяжелой работы в течение целого лета.

Но так как крестьянская семья не могла совсем остаться без хлеба, то ни о какой продаже зерна крестьянами среднего достатка и речи быть не могло. Наоборот, многим из средних и тем более обедневших крестьян приходилось самим прибегать к покупке хлеба, особенно в частые малоурожайные годы.

В такие годы «... на пропитание себе у многих крестьян хлеба не достает и много покупают. А подушные деньги платят ныне против прежнего оклада с прибавкой»².

Совершенно ясно, что средства для уплаты податей и прикупки недостающего хлеба черносошные крестьяне Тотемского уезда могли достать только путем приработка вне своего хозяйства. И действительно, значительная часть наказов этого уезда сообщает о распространении среди крестьян промысла по изготовлению досок топорной тески на продажу³. В других наказах говорится о работах по доставке дров к соляным варницам или найме на временные работы. Например, крестьяне Лобановского стана писали: «А промыслы имеем, дрова сечем к соляному промыслу и в работниках срочных живем, тем и окупаемся»⁴.

Таким образом, общий доход черносошного крестьянина складывался из доходов от земледелия и приработков на стороне. К сожалению, наказы не дают точных данных для определения удельного веса доходов среднего крестьянина от промыслов, но в среднем они покрывали до 50 процентов всего бюджета крестьянского хозяйства. Примерно такое же соотношение дается в научной литературе в отношении бюджета тверских крестьян для середины XVIII в.⁵

Перейдем к рассмотрению доходов, которые получали черносошные крестьяне соседнего Устюжского уезда.

В Пермогорской волости этого уезда сеяли «... ржи на каждую ревизскую душу по два четверика»⁶. Следовательно, в трех полях сеяли по 6 четвериков ржи на душу м. п. Считая урожай по лучшему году втрое и вычтя семена, получаем, что крестьянин имел чистого дохода со своего поля 12 четвериков ржи в год. Так как цена четверти ржи в Устюжском уезде равнялась 2 руб. 50 коп.⁷, то доход среднего земледельца от земледелия в год равнялся 3 руб. 75 коп.

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 293.

² Там же, стр. 295.

³ Там же, в наказах крестьян Илеской (стр. 289—290), Старототемской (стр. 302), Куловской (стр. 306) и других волостей.

⁴ Там же, стр. 309.

⁵ См. И. Бак. К вопросу о генезисе капиталистического уклада в крепостном хозяйстве России. Вопросы истории, № 4, 1948.

⁶ Сб. РИО, т. 123, стр. 193.

⁷ Там же, стр. 138.

При урожае же вдвое доход крестьянина снижался до 1 руб. 67½ коп. Неудивительно, что крестьяне этой волости, бывшие экономическими, жаловались на непосильную тяжесть «подушных и экономических сборов»¹.

Наказы черносошных крестьян Ентальской², Орловской³ и других волостей того же Устюжского уезда сообщают о более обширных посевах ржи.

Здесь сеяли «на каждую мужеского пола душу по три четверика». При таком размере посева крестьянин собирал (за вычетом семян) от 9 до 18 четвериков ржи (в зависимости от урожая), что в денежном выражении составляло от 2 руб. 81 коп. до 6 руб. 62½ коп. дохода в год.

Это наибольший размер среднего посева, о котором свидетельствуют указы. В то же время указы Устюжского уезда сообщают о несколько меньшей роли промыслов в хозяйстве крестьян, а в отдельных случаях и о полном отсутствии их.

Например, крестьяне Брусенской волости писали, что у них «...опричь хлебопашества никаких других промыслов не имеется»⁴. О том же говорят указы Рождественского⁵, Будского⁶ погостов и другие.

Таким образом, в среднем крестьяне Устюжского уезда больше высеивали и получали ржи на одну душу м. п. по сравнению с крестьянами Тотемского уезда, зато у последних были больше развиты промыслы.

Для сравнения посмотрим еще, какие доходы от земледелия получал средний крестьянин Яренского уезда. Государственные крестьяне Сайгинской волости сообщали: «А посеву имеем на каждую душу ржи по два четверика с половиною в поле, а в двух потому-ж»⁷. Следовательно, во всех трех полях на одну душу м. п. сеяли 7½ четвериков ржи. Отсюда следует, что в год каждый крестьянин собирал от 15 до 22½ четвериков зерна в зависимости от урожая. После вычета 7½ четвериков семян у него оставалось всего от 7½ до 15 четвериков ржи. В денежном выражении полученный урожай оценивался от 2 руб. 35 коп. до 4 руб. 70 коп. Вернее всего следует предположить, что среднему крестьянину не приходилось продавать зерна, так как его едва ли хватало для питания крестьянской семьи в течение года⁸.

Лишь заработки на стороне давали необходимые средства для уплаты подушных и оброчных денег государству. Те же сойгинские крестьяне, заканчивая наказ, сообщали: «...имеем себе в платеже подушных и оброчных полуторарублевых денег от посторонних из найму работ и наймом впредь в работы»⁹.

Из разобранных примеров видно, что доход от хлебопашества в средней крестьянской семье на одну душу м. п. колебался в урожайный год от 3 руб. 75 коп. до 5 руб. 62½ коп., а в год малоурожайный снижался вдвое, и это в результате тяжелого труда всей крестьянской семьи в течение всего лета.

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 194. Экономические крестьяне платили оброк не один рубль, а 1 руб. 50 коп.

² Там же, стр. 154.

³ Там же, стр. 163.

⁴ Там же, стр. 181.

⁵ Там же, стр. 159.

⁶ Там же, стр. 182.

⁷ Там же, стр. 273.

⁸ 7½ и 15 четвериков соответственно равняются 196,8 и 393 кг. На семью даже в два человека этого количества ржи в год недостаточно. Чаше семья была значительно обширнее.

⁹ Сб. РИО, т. 123, стр. 273.

Только сравнивая доход землепашца, который он мог бы получить от полной продажи собранного зерна, с размером феодальной ренты, становится понятным ее большой размер. Высокая денежная рента, рассчитанная на полное присвоение прибавочного (и отчасти основного) труда государственного крестьянина, ускоряла процесс разложения средней массы крестьян.

Еще тяжелее было положение деревенской бедноты. Только заработки на стороне могли дать необходимые средства для уплаты налога и оброчных денег.

Чем больше беднел крестьянин, тем больше росла эксплуатация его труда. Он попадал под двойной пресс. С одной стороны крестьянин эксплуатировался государством-землеладельцем путем сбора земельной ренты, а с другой стороны, разоряясь, бедняк попадал все в большую зависимость от односельчанина-богатея.

Иначе отражался фиксированный размер ренты на хозяйстве выделявшихся богатеев. Чем больше доходов давало хозяйство, тем меньший процент по отношению к ним занимала феодальная рента и, следовательно, тем больше оставалось чистого дохода в руках богатея. Это способствовало процессу накопления капиталов в руках зажиточных крестьян, которые ими употреблялись на дальнейшее расширение производства (как сельского, так и промышленного) и в торговлю.

Итак, с одной стороны экспроприация бедноты, с другой — рост товаропроизводящего хозяйства «капиталистского» крестьянина, который все больше и больше начинает напоминать фигуру капиталистического арендатора земли.

Но денежная рента не только сама по себе ускоряла процесс имущественной дифференциации крестьянства. Этому способствовал также метод взимания ренты с феодально-зависимых крестьян. Не отдельный землепашец, а вся крестьянская община в целом несла ответственность перед государством за поступление налогов и оброка. В силу установившейся практики круговой поруки община обязана была вносить подати за всех своих членов, независимо от степени их трудоспособности и возраста. Даже за умерших (но числившихся по последней переписи) община должна была уплачивать ренту и налог.

В условиях развивающихся новых производственных отношений, при все ускоряющемся расслоении имущественном и классовом, уплата податей за беспашенных, неимущих, престарелых, увечных и умерших становится настоящим бичом для среднего и бедного хлебопашца.

В наказах крестьяне жалуются на все возрастающее количество тех, за кого приходится платить подушные и оброчные деньги:

«... Неимущие крестьяне и непахотные жители весьма умножились, — читаем в наказе Яренского уезда, Турецкой трети, — за таких неимущих крестьян происходит платеж по окладу миром со ста душ; да после третичной ревизии за умерших со ста пятнадцати душ, от которого крестьяне пришли, по нынешнему платежу в великое несостояние»¹.

Всего в Турецкой трети по третьей ревизии было записано 616 душ м. п. Следовательно, если из общего числа вычтеть 215 неимущих и умерших, то останется всего 401 душа м. п., которым и приходилось платить подати за всю треть. Повидимому, каждому платежеспособному тягелцу приходилось кроме своих 1 руб. 70 коп. вносить дополнительно около 90 коп., что в сумме составляло 2 руб. 60 коп. Это состав-

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 263—264.

яло около 50 процентов от прихода, который получал средний крестьянин на одну душу м. п. от хлебопашества в урожайный год. Сообщая о круговой поруке при уплате податей, наказы показывают в среднем до 10—20 процентов неумищих, калек и умерших, за которых приходится вносить подушные и оброчные деньги.

В отдельных случаях количество неплательщиков доходило почти до половины от общего числа записанных ревизских душ. Например, крестьяне Ковской волости, Кольского уезда¹ сообщают, что из 78 душ, записанных по третьей ревизии, 12 человек умерло и 27 за старостью, бедностью и увечьем платить не могут. Следовательно, здесь мы имеем случай, когда тягло за 78 душ несли 39 человек, т. е. вдвое больше, чем приходилось на одного.

Крестьянам Косланского погоста приходилось платить подушные деньги не только за умерших, больных и престарелых, которых насчитывалось 125 душ м. п., но также за 16 человек, взятых в солдаты, и четырех, отправленных в ссылку. Да, кроме того, за 117 малолетних детей м. п., оставшихся после сосланных и отправленных в солдаты крестьян. От этих дополнительных платежей «... и от платежа за шестигривенный сбор с 760 года стали в такой нищете, — пишут кослановские крестьяне, — что не имеем во дворе скота; и от платежа тех подушных и взятых на пропитание и на посев денег сошли на медеплавильные и железные заводы»².

Таким образом, круговая порука при уплате податей наиболее неблагоприятно отражалась на хозяйстве среднего земледельца и тем самым ускоряла процесс обнищания основной массы крестьян. Обезземельная беднота, как правило, частично или полностью освобождалась от уплаты. Что касается богачей, то дополнительные 1—1½ рубля налога не имели такого большого значения для их хозяйства, как для хозяйства среднего крестьянина.

Именно поэтому в ряде наказов встречаются требования, чтобы сбор податей раскладывался не по душам, а по количеству земельных владений. Крестьяне Стрелицкой волости писали, что «платеж подушных денег... по окладу с душ... а не со владения земли... «выгоден» многоземельным крестьянам»³. Эта же мысль проводится в наказах крестьян деревни Заболотной⁴, Николаевского погоста⁵ и других.

Некоторые крестьяне инстинктивно угадывали развитие новых отношений в черносошной деревне и в соответствии с ними требовали введения иной практики в налогообложении. Вместо устаревшего уравнительного обложения и круговой поруки наказы предлагали взимать налоги в соответствии с размерами земельных владений.

Но такой способ сбора налогов не могло провести дворянское государство, ибо, во-первых, тогда оно должно было бы признать непосредственным собственником земли черносожного крестьянина, сидящего на ней, что противоречило основам основ феодального общества, по понятиям которого крестьянин лишь пользовался принадлежащей государству землей и мог быть вместе с ней в любое время пожалован в крепостное владение дворянину. Во-вторых, это значило признать зарождение деревенской буржуазии и закрепить ее имущественное поло-

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 30.

² Там же, стр. 249.

³ Там же, стр. 299.

⁴ Там же, стр. 319.

⁵ Там же, стр. 311.

жение. Политика же правящего класса была направлена на сохранение поголовной платежеспособности так называемого тяглового населения, и средства для этого оно видело в переделах земли.

Так намечался разрыв между правительственными мерами, проводимыми в деревне, и вновь складывающимися производственными отношениями, стремившимися выйти из сковывающих рамок феодальных ограничений.

Кроме подушных и оброчных денег указы указывают на ряд мелких денежных поборов местного значения. К таким сборам относятся так называемые «куничные деньги», которые собирались с новобрачных в размере 25 копеек в Важеском уезде. В Тотемском уезде крестьяне платили по 1½ копейки с души на содержание церкви.

Разнообразные денежные сборы дополнялись рядом натуральных повинностей, которые выполняли черносошные крестьяне. Эти повинности были также не чем иным, как своеобразной отработочной формой земельной ренты.

Много сил и времени у черносошных крестьян отнимала дорожная повинность. Жителям деревень приходилось постоянно следить за исправным состоянием дорог и мостов. В наказе Спасского погоста Тотемского уезда говорилось о том, что крестьянам приходится дорогу, проходящую по лесу, расчищать по сторонам по пяти саженьей, мостить мосты через реки и ручьи.

Жители Дмитровского погоста Устюжского уезда сообщали, что им приходится поддерживать дорогу на протяжении 75 верст, из которых волокы занимали до 22 верст. Через многочисленные ручьи и речки приходилось строить мосты. Все это «... починка и расчистка и мощение моста повсягдно великие бывают, и стоим у той работы по сто человек и больше дней по десяти»¹.

Там, где были перевозы через реки, их содержание должны были обеспечивать крестьяне. Жители Нижнокойдокурской волости содержали три перевоза через реки Двину, Орлиху и Волочиху. В результате обследования, проведенного чиновником губернской канцелярии в 1754 г., было установлено, что на содержание всех трех перевозов крестьяне затрачивали ежегодно 198 руб. 83¼ коп., им же в счет оброка засчитывали всего по 8 руб. 3 коп. в год.

Прошло 11 лет. За это время крестьяне истратили 2187 руб. 60½ коп., из которых губернская канцелярия зачла в оброк только 88 руб. 33 коп. В конце наказа жители волости просили «... остальные 2098 руб. 83½ коп. ... возвратить или зачесть в подушный платеж»².

Еще более обременительной для черносошных крестьян была так называемая подводная повинность. На севере она была особенно тяжелой, так как приходилось обслуживать большие расстояния, а население, сравнительно с центральной Россией, было малочисленным. Проезжие зачастую брали дополнительных лошадей, требовали провозных, а денег не платили.

В ряде волостей, особенно удаленных от трактов, крестьяне заменяли личное отбывание ямской повинности денежным взносом.

Наказы Тотемского уезда сообщают о таких сборах. Размер дополнительного сбора в Тотемском уезде обычно колебался от 6 до 10 коп. с души. Иногда сборы ямских денег выливались в более крупную сумму. Пяозерские крестьяне, Кольского уезда писали, что они за даль-

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 131.

² Там же, стр. 8.

ностью расстояния «...принуждены наймовать (ямщиков. — Л. Г.); в год найму даем пятьдесят пять рублей, и от того пришли в великое разорение¹. Эти 55 рублей пязерские жители раскладывали на 53 человека, способных к уплате. Им же приходилось платить за 36 человек немущих, увечных и умерших.

Кроме выполнения дорожной и подводной повинностей чернососным крестьянам приходилось выбирать целовальников для продажи соли и вина, счетчиков для приема и отвоза денежной казны и других должностных лиц.

Эта повинность была особенно разорительная для крестьян потому, что выборный отрывался на целый год от своего хозяйства и оно приходило в упадок. Кроме того, неграмотных крестьян, выбранных в целовальники, часто обсчитывали, и потом они вынуждены были расплачиваться с казной за счет своего хозяйства. Количество выборных было значительным и иногда достигало нескольких десятков человек в одной волости.

Так, крестьянам Малопенежского погоста, Кеврольского уезда приходилось посылать на работы поочередно с другими волостями «более семидесяти человек в год». Характеризуя тяжесть выборной службы, крестьяне писали: «Во время той службы лишаемся дворов своих, пашни и промыслов»².

Всякое отвлечение землепашца от своего хозяйства для выполнения государственных повинностей неблагоприятно отражалось на его хозяйственной устойчивости.

Поэтому в условиях развивающихся товарных отношений в деревне 60-х гг. XVIII в. наблюдалось стремление чернососных крестьян заменить натуральные повинности денежными взносами, т. е. наймом рабочих вместо себя.

Новые расходы дополнительным грузом ложились на хозяйство среднего и обедневшего крестьянина. Возмещение этих расходов понуждало чернососного крестьянина все больше перестраивать свое хозяйство в целях расширения производства продуктов для рынка или же искать дополнительных заработков на стороне.

Таким образом, взимание денежной ренты, государственного налога, местных денежных поборов и, наконец, сложившаяся практика замены натуральных повинностей наймом рабочих для их выполнения способствовали разложению натурального хозяйства среднего крестьянина и создавали предпосылки к его товаризации. Однако в рассматриваемый период хозяйство среднего чернососного крестьянина в своей основе сохраняло натуральный характер.

Кроме перечисленных выше денежных сборов и повинностей на обязанности крестьян лежала поставка рекрутов. Рекрутская повинность была крайне неприятна для крестьян, так как пожизненная служба в армии навсегда отрывала солдата от его семьи и деревни. Неудивительно поэтому, что крестьяне всячески стремились избежать солдатской службы.

Экономические изменения, происходившие в государственной деревне в XVIII в., неизбежно приходили в противоречие с господствующими феодальными отношениями.

Всевозможные сословные ограничения феодального государства ме-

¹ Сб. РИО, т. 123, стр. 33.

² Там же, стр. 28.

шли быстрому развитию процесса капитализации деревни. Наказы черносозных крестьян отражают стремление деревни преодолеть эти словесные ограничения.

Быстрое развитие промышленности и торговли деревенских богатеев заставляло, как мы видели выше, крестьян в своих наказах ставить вопрос о свободе торговли и промысла. Выступая в данном вопросе против купечества, крестьянские наказаы по существу выступали против государственного законодательства, поддерживавшего сословные привилегии купцов.

Правительство под влиянием растущей торговли и промышленности богатых крестьян проявляло колебания в решении этого вопроса. То оно допускало возможность свободной торговли (например, указ Петра I от 1714 г.)¹, то издавало под давлением купечества указы, ограничивающие торговлю и промыслы богатеев.

Однако естественный ход исторического развития брал свое. Торговля и промыслы «капиталистических» крестьян неизменно росли, и правительство вынуждено было идти на уступок. Особенно большое значение в этом отношении имел таможенный устав 1775 г., в X главе которого было записано: «Крестьянам позволяется торговать в знатных селах и деревнях, состоящих по большим дорогам, и не в ближнем от городов расстоянии, мелочными товарами, которым при этом уставе и повменный реестр приложен»².

Но наказаы добивались большего. Богатой верхушке черносозной деревни нужно было полное разрешение на торговлю и не только сельскими, но и промышленными товарами. Именно выражая волю зажиточной верхушки и опираясь на многочисленные наказаы, депутат от черносозных крестьян Архангелогородской провинции Иван Чупров³ говорил в комиссии, что купеческие депутаты требуют «...запретить крестьянам торговать между собою крестьянским товаром и одному у другого ничего не покупать. Но такой тягости крестьянам... перенести не возможно»⁴. Заканчивая свое выступление, Чупров считал необходимым не только разрешить торговлю сельскими продуктами, но также допустить крестьян до продажи шелковых и других товаров, не производящихся в собственном хозяйстве.

Развитие товарно-денежных отношений в стране выдвигало еще целый ряд противоречий между экономическим развитием деревни в 60-х гг. XVIII столетия и феодальными отношениями, регламентировавшимися законодательством помещичьего государства.

Одним из таких противоречивых вопросов был вопрос о свободной продаже в закладке земельных участков, который, как мы видели выше, так настойчиво выдвигали черносозные крестьяне в своих наказаах.

Разлагающим фактором для феодальной деревни являлось усиление подвижности крестьянства. Следует заметить, что наибольшей подвижностью отличались крайние группы государственных крестьян, являвшиеся продуктом нарождавшегося общественного уклада.

Зажиточные черносозные крестьяне все чаще отлучаются из пределов своей волости по торговым и промысловым делам. Некоторые из

¹ ПСЗ, т. V, № 2770. По этому закону допускалась торговля крестьян наряду с посадскими людьми в городе Москве.

² ПСЗ, т. XIV, № 10486.

³ Чупров был самым крупным богатеом, эксплуатировавшим в своем хозяйстве труд 70 работников-подвижков.

⁴ Сб. РИО, т. 8, стр. 95—96.

них совсем покидали деревню, переходили в купечество и поселялись на постоянное жительство в городах.

Еще более подвижной частью деревни 60-х гг. XVIII в. было обезземеленное крестьянство и та часть бедноты, которая уже не могла прокормиться со своего мизерного участка земли. Всевозможные отхожие промыслы, наблюдавшиеся нами выше, были обычным и широко распространенным явлением в то время. Больше того, в наказах приводится много случаев, когда ушедшие на заработки крестьяне по 20 и более лет не возвращались обратно. Надо полагать, что они стали постоянными жителями городов и рабочих поселков.

Судя по наказам, среднее крестьянство черносошной деревни менее других групп было заинтересовано в подвижности именно в силу сохранения натурального характера хозяйства. Но необходимость в подвижности, которая вытекала из товарного характера хозяйства богатей, связанного с торговлей и промышленностью, и бедняка, пополнявшего свой бюджет отходничеством, наталкивалась на ряд законодательных ограничений. Широкая подвижность зависимого сельского населения разрушала установленные связи и традиции феодальной деревни и являлась следствием новых экономических явлений.

Наконец, в наказах выдвигались требования и более узкого характера, как, например, отмены так называемых «куничных и убранных денег»¹, взимаемых с женившихся черносошных крестьян и являвшихся пережитком феодального права.

Сделаем краткие выводы:

1. В государственной черносошной деревне 60-х гг. XVIII в. отчетливо прослеживается рост капиталистического уклада, происшедший в условиях существования и дальнейшего развития феодальной системы. Это создавало предпосылки для будущего кризиса всей крепостнической системы в России.

2. В результате быстрого развития товарно-денежных отношений в России крестьянская община северной черносошной деревни претерпевала существенные изменения и к 60-м гг. XVIII столетия уже не представляла собой единого целого организма. Внутри общины формируются новые общественные группы крестьян: деревенских богатеев и сельских наемных работников.

Этот классообразующий процесс шел за счет разложения основной массы крестьян феодальной деревни.

3. Хозяйство выделяющихся новых групп крестьян неразрывно было связано с растущим внутренним рынком.

В то же время хозяйство среднего крестьянина в основном продолжало сохранять натуральный характер.

4. Развитие новых социально-экономических групп крестьян в черносошной государственной деревне происходило в условиях господства феодальных производственных отношений. В силу этого новое неизменно наталкивалось на противодействие старого и вступало с ним в непримиримые противоречия. Классовые противоречия чрезвычайно усложняются. Господствующими остаются отношения между феодалом-государством и зависимыми черносошными крестьянами, отдающими землевладельцу свой прибавочный труд, превращенный в денежную ренту. Но вместе с тем складываются и все резче проявляются новые антагонистические классовые противоречия между нарождающимся эксплоа-

¹ Сб. РНО, т. 123, стр. 76, 77 и др.

таторой-богатеём и эксплуатируемым бедняком. Эти противоречия уже отражают все противоречия будущего капиталистического способа производства (концентрация производства в руках незначительной кучки богачей, разорение и превращение основной массы крестьянства в сельских работников, конкуренция и т. п.).

5. Дворянское государство выступало по отношению к черносошным крестьянам севера в роли феодала — владельца земли, которая находилась в их пользовании.

Формой феодальной эксплуатации труда зависимых черносошных крестьян являлось взимание денежной земельной ренты и принуждение к выполнению ряда натуральных повинностей.

6. Рост феодальной денежной ренты и методы ее сбора (круговая порука) с крестьян наиболее тяжело отражались на среднем и особенно на обедневшем крестьянстве, ускоряя процесс их разорения и экспроприации.

В то же время фиксированный законом размер денежной ренты позволял зажиточным крестьянам накапливать значительные капиталы,

7. В отличие от средневекового разбогатевшего крестьянина, занимавшегося ростовщичеством и возвышавшегося над остальной массой лишь размерами своего капитала, деревенский богатей 60-х гг. XVIII столетия находит применение своим деньгам прежде всего в сфере производства. Он обращает капитал на расширение и улучшение земледелия, на организацию кустарных промышленных мастерских. Однако торговля и ростовщичество продолжали еще играть значительную роль в деятельности разбогатевших крестьян.

8. Развитие торговой и промысловой деятельности богатых крестьян приводило к острой борьбе с купеческим сословием.

Первые выступали за свободу торговли для всех, вторые опирались на свои сословные привилегии исключительного права торговли, установленные феодальным государством, и всеми силами отстаивали их.

А. Х. ХАМРАЕВ

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ
ТВОРЧЕСТВА АЛИШЕРА НАВОИ**

До сего времени в работах отдельных историков и литераторов встречаются неправильные, немарксистские взгляды по вопросу о социальной сущности творчества Алишера Навои. Нередко в литературе протаскиваются буржуазно-объективистические, космополитические взгляды по этому вопросу.

Разумеется, что историки не могут стоять в стороне в этом важном для нас вопросе. В настоящей небольшой статье автор ставит своей задачей вскрыть причины такого рода ошибочных, антинаучных взглядов, опираясь на данные о конкретно-исторических условиях, в которых жил и творил великий поэт Алишер Навои. Основной причиной ошибочных взглядов на социальную сущность творчества Навои является, на наш взгляд, неправильное понимание социально-экономических явлений эпохи Навои.

В эпоху Алишера Навои господствующим был феодальный способ производства.

Процесс феодализации, начавшийся еще задолго до эпохи Алишера Навои, в период его жизни и деятельности достиг того этапа, когда стала господствовать податная налоговая система. Крупные землевладельцы стремились наряду с землями овладеть и водой для искусственного орошения, налогами, которые взимались всевозможными путями с трудового крестьянства и ремесленников. Царевичи, эмиры и феодалы-правители вилайетов не щадили дехкан и ремесленников, обирая их, доводя их до предельной нищеты.

Восхваляемый всеми современниками богатый Герат был полон нищими, о которых, по словам Хондемира, заботился Алишер Навои и ежедневно выдавал через своих доверенных слуг большие денежные средства для раздачи в качестве милостыни.

Расцвет феодальной культуры совершенно не затрагивал широкие массы непосредственных производителей материальных благ, подвергавшихся жестокой эксплуатации.

В «Новом источнике по истории тимуридов» В. В. Бартольд объясняет нам, каким образом могло произойти непослушание внука Тимура.

«Султан Мухаммед слишком много тратил, доходов не доставало на покрытие расходов; в поисках денег чиновники притесняли население. Это вызывало недовольство. Султан Мухаммед и задумал захватить соседние области, которые принадлежали другим членам тимуридского дома»¹.

Для того, чтобы получить урожай, дехканам приходилось превращать «кропотливым трудом мертвые пустынные земли, клочок за клочком, искусственно проводя воду, в цветущий сад»². Но несмотря на это, дехкане вынуждены были удовлетворяться лишь остатками выращенных своим трудом продуктов, лишаясь значительной части урожая после уплаты налогов. В зависимости от категории земельной собственности, налоги взимались или в пользу землевладельца, или в пользу государственной казны. Если земли относились к так называемым харадж-ным, то во все периоды феодализма дехкане, обрабатывающие эту землю, облагались основным поземельным государственным налогом — хараджем, который взимался деньгами или натурой. В среднем дехкане отдавали в казну в виде хараджа 40% своего урожая. В статьях А. А. Молчанова³ и А. Ю. Якубовского дается обширный перечень существовавших в Герате в эпоху Алишера Навои податей и налогов (кроме того, бегар, общественные работы по требованию властей, произвол чиновников в связи с взиманием налогов, барщина и др.).

Феодальное государство эпохи Алишера Навои, как видно из источников, эксплуатировало дехканские и ремесленные массы. Все материальные богатства были сосредоточены в руках эмиров, царевичей, феодалов и верхнего слоя купечества, трудящиеся массы оставались обездоленными.

Социальный контраст феодального общества весьма рельефно выступает в утонченной культуре феодальной верхушки. Вся эта «феодальная культура» базировалась на грабеже и жесточайшей эксплуатации народных масс. Могушественным орудием воздействия и насилия над широкими массами народа был для правящих феодалов ислам.

Народное достояние привлекало феодалов и правителей не только в эпоху Алишера Навои. Уже сыновья Чингиз-хана, следуя примеру своего грозного отца, своей завоевательной политикой неоднократно опустошали Мавераннахр. Их правители, в лице чагатайских ханов, мало интересовались управлением Мавераннахра, заботясь главным образом о доходах. В качестве примера можно привести правление в Мавераннахре откупщика Масудбека. В руки завоевателей чингизидов поступали бесперебойно огромные доходы. Полновластный владетель Масудбек беспощадно обирал дехкан и ремесленников. Этим он обогащал «хозяина» и укреплял свое положение в стране. Такая система взимания налогов и податей, а также управления Мавераннахром в полной мере продолжалась до начала XIV века⁴.

При чингизидах верховная власть принадлежала подставным правителям, а местное управление, особенно в крупных городах, продолжало

¹ А. Ю. Якубовский. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои. Сборник «Алишер Навои», под ред. чл.-корр. АН УзССР А. К. Борновка. М.—Л., 1946, стр. 6.

² Там же, стр. 13.

³ А. А. Молчанов. К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои. Сборник «Родоначальник узб. лит-ры». Ташкент, 1940, стр. 153—159.

⁴ См. А. Ю. Якубовский. Тимур. (Опыт краткой характеристики). «Вопросы истории», №№ 8—9, 1946, стр. 48—49.

оставаться в руках местных правителей — духовных и светских феодальных владетелей.

Жестоко угнетаемые монгольскими завоевателями и местными феодальными правителями, народные массы поднимались на борьбу за свое национальное освобождение. Так случилось в злоху монгольского владычества в городе Самарканде. Население города во главе с сербедарами в 1365 г. подняло восстание и провозгласило своим знаменем: «лучше погибнуть на виселицах, чем гнуть спину перед монголами». Это прогрессивное движение имело своей основной задачей освобождение от ига монголов. Поэтому не случайно, что его поддерживали широкие демократические слои населения городов и деревень.

Движение сербедаров встречало враждебное сопротивление со стороны реакционных кругов феодальной верхушки, интересы которой совпадали с интересами завоевателей монголов.

Народно-освободительное движение в эпоху феодализма продолжало расти и шириться, то тут, то там выливаясь в открытые выступления. Жестокая эксплуатация со стороны тимуридов порождала неоднократные массовые движения не только против завоевателей, но и против господствующего класса феодалов, примером чего может служить восстание в Герате в 1470 году. Поводом для этого восстания было введение чрезмерных налогов.

Не только тяготы ничем не ограниченной налоговой политики, но и отбывание бегара и несение множества общегосударственных и частных феодальных повинностей являлись основой экономического закабаления дехкан.

Привилегированные землевладельцы систематически обогащались также и за счет ханских пожалований и поглощения мелких дехканских земельных участков. Характерным и развитым при тимуридах был особый тип земельного пожалования — «суюргал»¹. Феодальные правители жаловали в наследственные владения—суюргал—земельные участки разных размеров, вплоть до целого округа. Владельцы «суюргала» получали с дехкан, сидевших на пожалованных землях, все виды налога и подати в свою пользу и обязывали дехкан выполнять разного рода другие повинности. Если пожалование касалось административной единицы, то, по заключению А. Ю. Якубовского, лицо, получившее «суюргал», имело право нанимать и сменять чиновников, даже не заявляя об этом центральной власти, ибо это лицо имело от центральной власти особый ярлык, в котором фиксировались его права на пожалованную землю. Все чередовавшиеся один за другим представители центральной феодальной власти из тимуридского дома раздавали в виде «суюргала» своим сыновьям и внукам целые округа и области в феодальное владение. Раздавались и другие чрезвычайные граба на освобождение определенных земельных участков от каких бы то ни было обязательств перед верховной властью. И это право закреплялось за земельным собственником особой «тарханной» грамотой.

Не случайно, поэтому, что представители верховной феодальной власти — тимуриды, как правило, делали «тарханами» как придворных лиц, так и аристократическое духовенство в лице сеидов.

При тимуридах, во второй половине XV в., перевес в крупном землевладении все больше и больше переходил в руки духовенства. Ярким представителем крупных духовных землевладельцев может служить Хо-

¹ О суюргале подробно см. статью И. П. Петрушевского «К истории института суюргала». Советское востоковедение, VI, М.—Л., 1949, стр. 227—246.

джа Убайдулла Ахрар. По словам Джамии, земельные владения Ходжа Ахрара состояли из 1300 участков¹, причем некоторые из них равнялись 3000—ам. джуфтов пашни. За счет широко практиковавшихся раздач земель в «суюргал» число феодальных земельных владений беспрерывно увеличивалось.

Особенно тревожным, по сравнению с предыдущим периодом, было время Алишера Навои в правление одного из тимуридов — Хусейна Байкары. Эти тревожные времена особенно усилились сейчас же после смерти Тимура (1405 г.).

Огромное государство Тимура, как учит товарищ Сталин, было случайным конгломератом групп, мало связанных друг с другом в хозяйственном и политическом отношении. Характерно, что междоусобия разных царевичей из династии Тимура ускорили разложение этого могущественного, но непрочного государства. Поэтому оно скоро распалось.

Междоусобная борьба в государстве тимуридов велась за право на титул «султан» — верховного государя. Примером этого может служить борьба между сыном Тимура Шахрухом и сыном Мираншаха Халилом (1405—1409 гг.), или действия Мираншаха (сына Тимура), начавшего после смерти Тимура войну со своим сыном Умаром (1405), отчего больше всего страдали дехкане. Междоусобная борьба тимуридов способствовала, с одной стороны, ослаблению их власти, а с другой, — ложилась тяжелым бременем на плечи народных масс и без того лишенных минимальных средств существования и обязанных поставлять десятки тысяч тенг на всякого рода укрепления, башни и т. д.

Содержание войск и ханского двора, роскошь придворной жизни вызвали огромную потребность в деньгах. Одним из главных источников пополнения казны в эпоху Навои был поземельный налог — харадж. Кроме хараджа взимались и другие исключительные налоги и сборы: тавджихати-хараджи, аваризат, поземельный налог «кош», не говоря уже о других натуральных налогах, собираемых с дехкан чиновниками, которые не получали никакого государственного вознаграждения и жили за счет дехканских масс, урывая наибольшую долю с их урожаев.

Ответом на жесточайшее угнетение были массовые народные восстания как против феодально-светских властей, так и против феодального духовенства. Эти восстания народных масс обычно происходили под знаменем религии. Энгельс указывал: «Революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье. В зависимости от условий времени, она выступает то в виде мистики, то в виде вооруженного восстания»².

Центр тимуридского государства в эпоху Алишера Навои переместился из прежней столицы Самарканда в Герат, где Алишер родился и прожил большую часть своей жизни.

Эпоха Алишера Навои и господства тимуридов была периодом расцвета феодализма. В этот период усилилась феодальная раздробленность. Даже члены Шахрухова дома, став правителями на местах, мало считались с центральной ханской властью. Феодальное дробление государства еще больше усилилось после смерти Шахруха (1447 г.) и особенно после убийства Улугбека (1449 г.). Ни одному из тимуридов не удалось отстоять целостность государства Тимура. После его смерти государство тимуридов имело два центра: один в Герате во главе с Шахрухом (1404—1447) и другой в Самарканде во главе с Улугбеком:

¹ А. Ю. Якубовский, цит. сбор., стр. 10.

² Собор. соч. Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 128—129.

(1409—1449). Казавшаяся прочной, на первый взгляд, империя Тимура распалась буквально в течение нескольких месяцев после его смерти (1405 г.). Таким образом, утверждение А. А. Молчанова о том, что «Герат в эпоху Алишера был центром крупнейшего государственного образования, которое простиралось от пределов Китая до Каспийского моря и от северных районов Самарканда до Сулеймановских гор—нынешнего Афганистана»,¹ является явным преувеличением.

Этот краткий обзор социально-экономических условий эпохи Навои позволяет нам наиболее правильно понять социальное содержание творчества Навои.

Мир-Алишер Навои, живший в эпоху тимуридов, был свидетелем глубоких классовых противоречий в государстве тимуридов, которые нашли свое отражение в его произведениях.

Однако в работах некоторых востоковедов все еще имеют место грубые искажения в оценке литературного творчества Навои и его современников. Так, например, об известном в мировой литературе поэте таджикского народа Джами проф. А. А. Семенов говорит следующее: «Автор 34 прозаических и 16 поэтических произведений Джами не был оригинальным и самостоятельным поэтом, а только — подражателем своих великих предшественников — Низами, Хосрава и др. Но способы обработки Джами чужих тем чрезвычайно оригинальны, тонки и высоко поэтичны». Безусловно, с таким утверждением А. А. Семенова согласиться нельзя.

Проф. А. А. Семенов вместе с тем не видит исторической обусловленности материальной культуры народов Средней Азии и отрицает ее местное происхождение. Хотя этот вопрос не имеет прямого отношения к разбираемой нами теме, тем не менее на нем необходимо остановиться.

Любопытно, что обрисовка исторических памятников материальной культуры у проф. Семенова носит описательно-повествовательный характер

Проф. А. А. Семенов, характеризуя, например, памятники материальной культуры, ограничивается отдельными фразами: «своеобразная архитектура», «довольно незаурядная архитектура», «довольно оригинален» и т. д. С точки зрения автора, все без исключения памятники материальной культуры на обширной территории Средней Азии являются памятниками иранской культуры².

Проф. Е. Э. Бертельс произведения глубоко образованного, широко эрудированного, признанного еще в свое время передовыми людьми несравненным талантом Алишера Навои считает «типичным продуктом творчества подпавшей под влияние персидской культуры турецкой аристократии». В книге проф. Бертельса «Навои» прежде всего бросается в глаза присущий буржуазным ученым метод описания голых фактов, оторванных от исторической действительности, без какого-либо анализа социально-экономических, классовых отношений эпохи.

Там же, где проф. Бертельс пытается все же объяснить причины тех или иных отдельных исторических событий, его попытки не имеют успеха. Например, причину борьбы за власть между тимуридами он видит в том, что Тимур умер в Отраре «вдали», а не в Самарканде — столице государства. По мнению проф. Бертельса, это и послужило условием, благоприятным для борьбы за власть. Противоречия между Тимуром и

¹ А. А. Молчанов. Родоначальник узбекской литературы. Цит. сбор.

² А. А. Семенов. Материальные памятники иранской культуры Ср. Аз. Стади изд., 1945.

его внуком Халил Султаном проф. Бертельс объясняет личной обидой Тимура на своего внука, без разрешения отца женившегося на красавице Шад-мульк¹. «Смерть его (Шахруха—А. Х.), пишет Бертельс, явилась сигналом к новой вспышке междоусобных войн в Хорасане и Средней Азии. Престол перешел к Улугбеку, но он не сумел проявить достаточной энергии, чтобы сохранить его»².

Получается, что, если бы не умер Шахрух, не было бы междоусобных войн. Безусловно, такое утверждение ничего общего не имеет с марксистской исторической наукой. Междоусобные войны тимуридов были кровопролитными и длительными войнами и являлись большим бедствием для народных масс. Причины этих войн, несомненно, следует искать в системе феодализма, а не в смерти Тимура или Шахруха, как это делает проф. Бертельс.

Что касается Улугбека, то утверждение проф. Бертельса является отрицанием исторической действительности, ибо Улугбек при всем проявлении энергии не мог бы удержать власть перед лицом усилившейся тогда реакционной силы духовно-светских феодалов, которые, воспользовавшись своими успехами, убили Улугбека.

Характерно и то, что проф. Бертельс, считая Улугбека недостаточно энергичным, в то же время приводит выдержки из Саккаки, где последний об Улугбеке говорит положительно.

Проф. Бертельс принужден согласиться с Саккаки, так как исторические факты его обезоруживают.

Остановившись на обзоре литературы эпохи тимуридов, проф. Бертельс приходит к заключению, что она находилась тогда в упадке. Он говорит: «Расцветала техника (т. е. техника стихосложения.—А. Х.), умерла литература». Здесь мы не находим ответа на вполне законный вопрос о причинах такого упадка литературы в эпоху тимуридов, которую проф. Бертельс считает персидской поэзией⁴.

В вопросе о социальной сущности произведений Алишера Навои еще в свое время буржуазные националисты всеми силами пытались искажать действительность. Они пытались при этом использовать даже и тот факт, что Алишер жил в эпоху феодализма и поэтому он, несомненно, был сторонником реакционной феодальной верхушки.

Однако жить в эпоху феодализма отнюдь не означает быть представителем реакционной знати. Для нас, советских людей, вопрос об Алишере Навои не является предметом спора. Мы всегда считали и считаем его поддерживающим угнетенный народ, его деятельность протекала в ожесточенной борьбе с представителями реакционной феодальной знати. Именно эта реакционная феодальная знать добилась высылки Алишера в Астрабад и она окружила поэта шпионами, доносчиками и убийцами. Однако они ничем не могли устрашить выразителя чаяний и надежд трудового народа, поэта-просветителя, гуманиста, который в первый же своей поэме — Хамса (Пятерицы) писал: «Коли ты человек, не называяй человеком того, у кого нет заботы о народе». Даже будучи в Астрабаде, он в письме к Хусейну Байкаре обратился с призывом: «Оказывай помощь стране и народу. Справедливостью добейся его процве-

¹ Е. Э. Бертельс. Навои. (Опыт творческой биографии). М.—Л., 1948 стр. 5.

² Там же, стр. 20.

³ Там же, стр. 55—56.

⁴ Там же, стр. 54.

тания». В поэме «Хайратуль-Аббар» Навои предупреждал: «Распутен ты ночью, а днем жесток. Продлятся ли разврат и насилие на долгий срок?».

Некоторые литературоведы недоумевают, встретив мистицизм в произведениях Навои. Однако этот мистицизм абсолютно не умаляет величия поэта: религиозная реформация даже в мистике всегда отражает определенный социальный протест. Так, например, в эпоху феодализма народные движения (крестьянские войны как в странах Востока, так и в странах Запада) имели религиозную оболочку.

Строго говоря, не только идеология феодального общества в эпоху тимуридов, но и другие основные проблемы феодализма пока еще не разработаны на основе первоисточников и с точки зрения учения марксизма об общественно-экономических формациях. Тем не менее, говоря об Алишере, об его произведениях, мы можем твердо сказать, что Алишер был противником бесправия и насилия, которые присущи всякому классовому обществу. Он призывал к справедливости правящий класс феодалов. И это вполне понятно, ибо Навои тогда не было доступно научное понимание классов и классовой борьбы. Он делил людей на две группы: на «добрых и благодетельных» и на «злонравно-вредных». Алишер Навои причину междоусобиц, смут, грабительских набегов, феодальной раздробленности видел в деятельности этих «злонравно-вредных» людей. А спасение в конечном итоге от всего этого он видел в едином централизованном государстве, во главе со справедливым, единым и всемогущим царем. Таким именно государем он считал Султана Хусейна Байкару до последних лет его правления. Ясно поэтому, что дальше того, что он прославлял труд и знание, переживал за судьбу родной земли и трудового населения, Алишер не мог пойти. Именно в его благородном сердце находили отклик чаяния и мечты непосредственных производителей. Нет сомнения в правоте советского исследователя, когда он рассматривает обусловленные феодализмом произведения Навои, как продукт и отражение эпохи. Поэтому советский историк рассматривает факты, которые содержатся в произведениях Алишера, как источник для истории средневекового Востока. Отсюда понятно, что мы, рассматривая феодальное общество при тимуридах, отдаем должное городам Самарканду и Герату, как культурно-политическим центрам этой династии, одновременно отмечая, что в этих столицах господствовала феодальная культура, отражавшая интересы господствующего класса.

Так как Алишер вел борьбу против реакционной идеологии господствующей знати, то, разумеется, он встречал жестокое сопротивление с ее стороны.

Результат непрочности своего положения среди правящих кругов ясно представлялся ему в конце XV века и это обстоятельство привело его к стремлению удалиться от государственной службы. Правящие реакционные круги, боясь непосредственной и открытой борьбы против Алишера, старались нанести удар его сторонникам и близким ему людям.

Факты и документы свидетельствуют о том, что культурные памятники эпохи Алишера Навои, созданные народом при его непосредственном участии или под его влиянием, как, например, произведения литературы и искусства, архитектуры, музыки, художественной живописи, каллиграфии, а также множество различных построенных им зданий и сооружений, в силу создавшихся неблагоприятных условий в начале XVI в., не получили своего дальнейшего развития, ибо и без того расстроенная в политическом и культурном отношении страна испытала еще

новое нападение Шейбани хана. Хорасан с его столицей Гератом вошел в Иранское государство и враждовал с вновь возникшим узбекским ханством Мавераннахра. вновь разгорелась кровопролитная борьба под видом религиозной борьбы между суннитами и шиитами, которая не прекращалась вплоть до середины XIX века.

Вполне естественно, что сказанного об эпохе Алишера Навои далеко недостаточно. Безусловно, этот вопрос еще требует специального исследования для более или менее полного освещения эпохи феодализма в Средней Азии и культурно-политической жизни XV века.

Позволю себе кратко остановиться на одной небезынересной для нас попытке журнала «Ариана», издаваемого в столице Афганистана, гор. Кабуле, сделать Алишера «своим», «афганским» поэтом.

На страницах этого журнала, в № 30, появилась статья неизвестного автора об Алишере Навои, а в №№ 37, 38, 39—1324 года (хиджры) статья Фикри Сельджуки. В них сквозит явное стремление сделать Алишера «афганским» поэтом. Наряду с этим, даются некоторые сведения о жизни и деятельности Алишера. Например, в № 30 отмечается, что Герат во второй половине IX века (хиджры) являлся крупнейшим культурно-политическим центром Центральной Азии, где собирались ученые, известные поэты, писатели, художники и мастера, которым покровительствовал сам султан Хусейн Мирза. Как главная причина этого, подчеркивается заслуга Алишера Навои. Придавая большое значение Навои, автор отмечает, что Алишер является везиром султана Хусейна и крупнейшим деятелем Афганистана в IX веке (хиджры). Сказано также о годе рождения поэта (844 г. хиджры), о его учителе с 6-летнего возраста, авторе «Зафар-Намэ», Шереф ад-дина Али Иезди и о друге детства Хусейне Мирза. Указан период службы Навои у султана Абуль Касыма Бабура (до 861 года хиджры) и годы управления Астрабадом (892 г. хиджры). Приводятся некоторые данные о стройках и сооружениях Алишера, а также и о его произведениях. Эта статья неизвестного автора заканчивается указанием года смерти Алишера (906 г. хиджры) и описанием церемонии погребения в гробнице, построенной в Герате самим Алишером.

В следующих номерах этого журнала в статьях Фикри Сельджуки приводятся некоторые данные об Алишере: время рождения и имя его отца, данные о его образовании, о годах жизни Алишера в Мавераннахре, о возвращении поэта в Герат и назначении его эмиром в Астрабад, письмо, написанное Алишером Хусейну и ответ Хусейна Алишеру; приводятся материалы об отстранении Алишера от службы, его благодеяниях, о творческих работах и перечисление построенных им зданий и сооружений, а также список его произведений.

Автор статей Фикри Сельджуки также уделяет большое внимание тому, что Алишер родился в Герате и учился с Хусейном Байкарой. Он пишет, что Алишер был в науке и искусстве единственным и непревзойденным, что он обладал каллиграфическим мастерством, был художником и являлся искусным мастером. В области музыки он был на целую голову выше всех. Он был блестящим исполнителем на ряде музыкальных инструментов. Описывая дружбу Алишера Навои с Хусейном Байкарой, автор явно преувеличивает и романтизирует эту дружбу. Представляя Алишера дервишем по природе, автор отличает его, как самого храброго воина. В противоположность этому утверждению мы приводим

Замечание В. В. Бартольда, который говорит: «В начале июля в Герате вступил на престол Мухамед Ядгар, но уже в августе пал жертвой неожиданного нападения. В этом деле принимал участие и Мир-Алишер, и это, — говорит В. В. Бартольд, — повидимому, единственный эпизод в его жизни, в котором упоминается и его сабля, хотя этой сабле и тут не пришлось действовать»¹.

Все неустанные труды, знания и борьба Алишера приписываются лишь его желанию увековечить свое имя. Тот же Бартольд считает, что для Навои жизнь людей являлась конечной, но увековеченное трудом и добром имя — бессмертно. Далее описывается скромность Алишера, скромный образ его жизни, а также благотворительность. Ссылаясь на «Тамут-Таварих», автор говорит о намерениях Алишера построить общим числом 1001 здание и сооружение, из коих, отмечает он, общее число построенных зданий и сооружений — 366, из них 90 были рабаты, остальные медресе, ханака, больницы, мечети, мосты, хаузы и т. д.

Журнал «Ариана» во всех этих четырех номерах в присущей мусульманскому средневековью пышной форме описания рассказывает об Алишере Навои. Статьи отличаются своей тенденциозностью и ошибочными толкованиями. Так например, на основании того, что Алишер родился в Герате, служил везиром у Хусейна Байкары и написал часть своих произведений на языке фарси и умер в Герате, утверждается, что он афганский поэт. Эти доводы журнала чрезвычайно наивны и примитивны, ибо Герат в период Навои и после него далеко еще не Афганистан, а лишь главный город тогдашнего Хорасана, который являлся неотъемлемой частью Мавераннахра, входившего в состав государства Тимура и тимуридов.

Только модернизаторы могут не видеть этого и отождествлять Герат XV века с Афганистаном XX века.

Нынешний Афганистан, как самостоятельный государственный организм, в XV веке еще не существовал. Южная часть его была присоединена к Хиндустану, а северная, населенная узбеками и таджиками, входила в состав Мавераннахра.

Афганские авторы в своих работах ссылаются на первоисточники, следовательно, позволительно напомнить им, также на основе первоисточников, о том, что Афганистан с III по VII век находился во владении Сасанидского Ирана, с VII века — во владении арабов с последующим переходом в руки владельцев Тахиридов, Саффаринов, Саманидов, Газневидов, Сельджукидов, Хорезмшахов, монголов и Тимура.

В XVI веке из рук тимуридов Афганистан переходит во владение Сефевидов, в первой половине XVIII века им владел Надыршах Иранский.

Все эти факты не дают право говорить о существовании самостоятельного Афганистана раньше, чем со второй половины XVIII века, т. е. с того времени, когда стал править глава афганского племени «дуррани» Ахмед-Шах (1747 г.).

И в современном Афганистане чуть ли не 50% населения является тюрко-язычным. Строго говоря, авторы из журнала «Ариана» и сейчас еще не в праве говорить об экономическом и социальном единстве, ибо полукочевой, полуседлый образ жизни и влияние родоплеменного строя еще полностью не изжиты. Следовало бы им помнить,

В. В. Бартольд. Мир-Алишер и политическая жизнь. Сборник «Мир-Алишер», стр. 131 — 132. Л., 1928.

что Советский Союз первым из великих держав признал Афганистан в качестве независимого государства и только благодаря этому они теперь могут говорить об официально-признанном национальном афганском государстве и языке пушту, который призван сменить собой весьма распространенный в Афганистане таджикский язык, не утративший еще своего господствующего положения в стране.

Если Навои написал определенную часть своих стихов на таджикском языке, то на языке пушту им не написано ни строчки. Алишер неустанно боролся за торжество родного узбекского языка и литературы. Больше того, для доказательства богатства узбекского языка он написал свой труд «Прения двух языков».

В статьях, помещенных в журнале «Ариана», имеет место искажение реально-исторической действительности, связанной с жизнью и деятельностью Алишера. Журнал «Ариана» с большим вниманием подчеркивает факты наличия 6000 бейтов, написанных Алишером на языке «фарси». Позволительно в этом случае спросить этот журнал о количестве бейтов, написанных Алишером на родном, узбекском языке. Если у Алишера написано 6000 бейтов на языке «фарси», то ведь в одном только «Чардиване» он написал 47.000 строк на родном староузбекском языке, не говоря уже о многих других его произведениях. Спрашивается, какое тут может быть сравнение. Ведь есть же ученые узбеки, которые писали на арабском языке, не теряя при этом своей национальной принадлежности.

После всего вышесказанного, есть ли надобность в доказательствах абсурдности точки зрения авторов из журнала «Ариана»?

Еще характернее то, что во всех статьях, помещенных в вышеуказанных 4-х номерах журнала «Ариана», ни один факт не обосновывается сколько-нибудь убедительными доводами. Там, где авторы пытаются говорить о причинах тех или иных явлений, выдвигаемые ими толкования вовсе не соответствуют действительности. Примером может служить любая статья в журнале «Ариана».

Отметая прочь зарубежную фальсификацию исторических событий, необходимо со всей категоричностью подчеркнуть, что великий Алишер Навои был и остается достойным великим сыном узбекского народа, сыгравшим большую роль в развитии культуры на Востоке.

А. М. МАТВЕЕВ

**К ВОПРОСУ О РУССКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
В ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ИРАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

(Россия и мятеж экс-шаха Ирана Мохаммеда-Али,
июль 1911 — март 1912 гг.).

I

В то время как позиция Ирана во время первой мировой войны и ряд смежных вопросов, а также положение Ирана в период второй мировой войны за последнее время изучены довольно подробно¹, история русско-иранских отношений в период иранской революции (1905—1911 гг.) все еще не получила достаточно обстоятельного освещения. Работ, которые освещают или затрагивают этот вопрос, можно насчитать очень немного².

¹ Т. С. Короткова. Иранский вопрос в начале первой мировой войны. Изв. АН СССР. Серия истории и философии, т. IV, № 6, 1947; Т. С. Короткова. Германо-турецкое вторжение в иранский Азербайджан (1914—1915 гг.). Вопросы истории, 1948, № 1; Т. С. Короткова. Иран накануне первой мировой войны. Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. Выпуск восьмой, 1948; М. В. Попов. Экспансия США в Иране в годы второй мировой войны (Миссия Мильспо). Изв. АН СССР. Серия истории и философии, т. IV, № 4, 1949. Его же рецензия: Мильспо. Американцы в Персии. Вопросы истории, 1949, № 10; его же. Начало агрессии США в Иране в годы второй мировой войны. Вопросы истории, 1949, № 11.

² В. Гурко Кряжин. Краткая история Персии. М., 1925; М. П. Павлович. Очерки политической борьбы в Персии. Сборник «Персия в борьбе за независимость». М., 1925; Л. Вакс. Очерки истории национально-буржуазных революций на Востоке (1905—1914 г.). Персия, Турция, Китай. М.—Л., 1931; А. Ерусалимский. К истории Постдамского соглашения. Красный Архив, 1933, т. 58; Г. М. Петров. Иранская революция 1906—1911 гг. Сборник «Пробуждение Азии». Л., 1935; Г. Н. Ильинский—Иран—гл. XXIV в Новой истории колониальных и зависимых стран. М., 1940; Е. Бор-Раменский. К вопросу о роли большевиков Закавказья в Иранской революции 1905—1911 гг. Историк-марксист, 1940, № 11. Его же. Иранская революция 1905—1911 гг. и большевики Закавказья. Красный Архив, 1941, № 2 (105); М. С. Иванов. Влияние русской революции 1905 г. на иранскую революцию 1905—1911. Ученые записки ЛГУ. Серия Востокведческих наук, выпуск 1. Л., 1949. Иванов. Январско-февральский кризис 1907 г. в Иране. (Из истории иранской революции 1905—1911 гг.). Вопросы истории, 1951, № 4 и др.

В настоящей статье поставлена задача рассмотреть один из вопросов русско-иранских отношений в последний период иранской революции, а именно, отношение царского правительства к попытке экс-шаха Мохаммеда-Али вернуть себе трон (июль 1911 — март 1912 гг.).

Выбор для изучения именно этого вопроса был подказан следующими соображениями: 1) Слабым и неточным освещением фактической стороны вопроса в литературе. Г. Н. Ильинский, Г. М. Петров, Г. В. Шитов, В. Гурко-Кряжин и др. некритически приняли и перенесли в свои работы мнение, господствующее в западной буржуазной литературе (Морган Шустер, Сайкс, Берар и др.) о том, что организатором мятежа экс-шаха Ирана Мохаммеда-Али было правительство царской России. Эта точка зрения иностранных авторов, не подтверждаемая источниками русского происхождения, в данном конкретном вопросе являлась выражением определенной тенденции скрыть истинную реакционную роль Англии и других империалистических государств по отношению к иранскому освободительному движению и переложить всю ответственность за его подавление на Россию.

Что касается Моргана Шустера и его книги «Удушение Персии», в которой, пожалуй, больше чем в других подобных книгах отведено места мятежу Мохаммеда-Али, то о ней нужно сказать следующее. Автор ее, американский финансовый советник, приглашенный в 1911 году в Иран для реорганизации его финансов, сознательно искажает факты, касающиеся в особенности политики России. Его книга написана в американском рекламном духе и не может быть использована как заслуживающий доверия источник. Без ложной скромности Морган Шустер превозносит свое «американское бескорыстие» и «заслуги» в деле финансовой, политической и военной реконструкции Ирана. Все эти фальсификации призваны замаскировать тот беспорядный факт, что Морган Шустер являлся агентом государственного департамента США. Деятельность Моргана Шустера и его миссии совершенно правильно была охарактеризована М. В. Поповым, как политическая и экономическая разведка, как попытка внедрения американского капитала в иранскую экономику¹.

2) Недооценкой, в части существующей литературы, значения борьбы империалистических держав за Иран во время иранской революции (1905—1911 гг.) в международных отношениях того времени². Такая недооценка противоречит указанию И. В. Сталина, который специально подчеркивал роль Востока в международных отношениях: «Империалисты всегда смотрели на Восток как на основу своего благополучия. Этим, собственно, и объясняется, что воюя в Европе и болтая о Западе, империалисты никогда не переставали думать о Китае, Индии, Персии, Египте, Марокко, ибо речь шла, собственно говоря, все время о Востоке. Этим, главным образом, и объясняется то рвение, с которым они поддерживают в странах Востока «порядок и законность»: без этого глубокий тыл империализма не был бы обеспечен»³.

¹ М. В. Попов. Экспансия США в Иране в годы второй мировой войны. (Миссия Мильспо). Автореферат кандидатской диссертации. Изв. АН СССР. Серия истории и философии, т. VI, № 4, 1949, стр. 364. См. также его рецензию: М. В. Попов. Мильспо Л. Американцы в Персии. Вопросы истории, 1949, № 10, стр. 134.

² Например, в томе II «Истории дипломатии», М.—Л., 1945, рассматривается только англо-русское соглашение 1907 (стр. 179—180). Об англо-русском соперничестве в Персии после заключения соглашения нет ни слова. Ничего нет о соперничестве после 1907 года и в «Новой истории колониальных и зависимых стран». М., 1940, стр. 542, 543 и след.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 4, М., 1947, стр. 172—173.

Исход революции и гражданской войны в Иране живо задевал интересы империалистических хищников, в первую очередь старых соперников на Востоке — Англии и России. В этот же период Германия, а также США активизируют свое экономическое и политическое проникновение в Иране¹. Поэтому попытка реставрации Мохаммеда-Али, совершенно очевидно, не только по времени совпала с важнейшими международными событиями 1911—1912 гг., она выходила за рамки кризиса местного «восточного» значения. 3) Возможностью в связи с изучением политических и военных событий, происходящих в Иране в 1911—1912 гг., подвести своеобразный итог как политике и роли царской России во время иранской революции, так и поведению в этот же период империалистической Англии.

Борьба Англии и России вокруг вопроса о реставрации бывшего шаха и ряда других последовательно возникавших вопросов показывает, с одной стороны, насколько близка была по своим методам и целям деятельность русских и английских дипломатов, а с другой, кто был сильнейшим соперником в этой борьбе.

II

Прежде чем обратиться к рассмотрению поставленного в статье вопроса, совершенно необходимо, хотя бы в самых общих чертах, высветить, как освещается проблема внешней политики царской России на Востоке и в Иране в интересующий нас период в трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина.

На рубеже XIX—XX веков русский капитализм вступил в империалистическую стадию. Тем не менее, техническая и социально-экономическая отсталость России, полуколониальная зависимость ее от передовых империалистических держав сохранилась. Отсталость русского капитализма наложила особый отпечаток на возможности царизма в области внешней политики.

В вывозе капитала Россия плелась в хвосте экспортирующих держав; она могла вывозить капитал только в более отсталые страны (Иран, например)². Русские монополистические объединения принимали участие в разделе сфер влияния, но только как зависимые и подчиненные компаньоны³.

В борьбе за передел мира царская Россия играла, главным образом, роль союзника Англии и Франции: «Царизм был сторожевым псом империализма на Востоке. Царизм был вернейшим союзником империализма по дележу Турции, Персии, Китая и т. д.»⁴.

Англия и Франция использовали союз с царизмом в первую очередь в своих целях. Интересы самой России часто встречали сопротивление

¹ Т. С. Короткова. Иран накануне первой мировой войны. Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. Выпуск восьмой, 1948, стр. 10—14; М. В. Попов. Экспансия США в Иране в годы второй мировой войны (Миссия Мильсо). Изв. АН СССР. Серия истории и философия, т. VI, № 4, 1949, стр. 364. Его же. Начало агрессии США в Иране в годы второй мировой войны. Вопросы истории, 1949, № 11, стр. 38.

² В. И. Ленин. Империализм как высшая стадия капитализма. Соч. Изд. 3, т. XIX, М.-Л., 1931. См. II. Банки и их новая роль, стр. 93—107; III. Финансовый капитал и финансовая олигархия, стр. 107—119, и особенно — IV. Вывоз капитала, стр. 119—124.

³ В. И. Ленин. Указ. соч. см. V. Раздел мира между союзами капиталистов, стр. 124—131. См. также Н. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, Л., 1948, стр. 222—226.

⁴ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11, М., 1945, стр. 5.

«друзей» по «сердечному соглашению»¹. В Сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)» положение и роль России в ряду сильнейших империалистических хищников мира характеризуется следующими словами: «Прямая последствием хозяйственной и политической отсталости России являлась зависимость как русского капитализма, так и самого царизма от западно-европейского капитализма»². И. В. Сталин указывает также, что хозяйственная и финансовая зависимость царской России от стран Антанты перед войной 1914—1918 гг. «приковала царизм к англо-французскому империализму»³. В силу всех этих обстоятельств царизм перестал быть «последней твердыней» европейской и азиатской реакции⁴. И. В. Сталин подчеркивает, что в конце XIX и начале XX вв. «центр тяжести контрреволюции... перемещен от русских помещиков к англо-французским банкирам империалистам»⁵.

Иранская революция 1905—1911 гг. явилась непосредственным откликом и продолжением русского революционного движения⁶. В. И. Ленин считал, что проблема оценки отношения империалистических государств к освободительному движению на Востоке, к революции в Персии является вопросом сложным и многосторонним. В ленинских работах довольно отчетливо выделяется необходимость учитывать, по крайней мере, три обстоятельства:

1) Европейская буржуазия обнаруживает открытую враждебность к демократическому движению в Азии, она поддерживает там реакцию и эта поддержка свидетельствует о гниении всей европейской буржуазии⁷. Англия, Франция, Германия, Россия составили активную коализацию для борьбы с революцией на Востоке⁸.

2) Страх европейских капиталистов перед освободительным движением на Востоке совсем не устраняет борьбы империалистов в той или другой полукOLONиальной стране. Желание «урвать кус» и боязнь самостоятельного демократического движения идут рука об руку⁹. Национально-освободительная борьба на Востоке доставляет возможность конкурирующим державам использовать революционное движение друг против друга¹⁰. Союзы капиталистических держав не смягчают соперничества и борьбы между их членами. Присоединение России к англо-французской Антанте (англо-русское соглашение 1907 года) совсем не уничтожило англо-русского соперничества в Персии и др. местах¹¹.

3) Считая, что социалисты должны самым решительным образом поддерживать национально-освободительное движение в полукOLONиаль-

¹ В. И. Ленин. О сепаратном мире. Соч. Изд. 3, т. XIX М.—Л., 1931, стр. 231.

² История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938, стр. 95.

³ Там же, стр. 156.

⁴ И. В. Сталин. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Большевик. 1941, № 9, май, стр. 4—5.

⁵ И. В. Сталин. Соч., т. 5, М., 1947, стр. 73.

⁶ В. И. Ленин. Пробуждение Азии. Соч. Изд. 3, т. XVI, Партиздат, 1935, стр. 383. Доклад о революции 1905 года. Соч., т. XIX, М.—Л., 1931, стр. 356.

⁷ В. И. Ленин. Отсталая Европа и передовая Азия. Соч., Изд. 3, т. XVI, Партиздат, 1935, стр. 395. См. также И. В. Сталин. Не забывайте Востока. Соч. т. 4 М., стр. 171—172.

⁸ В. И. Ленин. События на Балканах и в Персии. Соч. Изд. 3, т. XII, Партиздат, 1936, стр. 358.

⁹ В. И. Ленин. События на Балканах и в Персии. Соч. Изд. 3, т. XII, Партиздат, 1936, стр. 358.

¹⁰ В. И. Ленин. Социалистическая революция и право наций на самоопределение. Соч. Изд. 3, т. XIX, М.—Л., 1931, стр. 41.

¹¹ В. И. Ленин. О сепаратном мире. Соч. Изд. 3, т. XIX, М.—Л., 1931, стр. 281. В. И. Ленин. Тетради по империализму. М., 1939, стр. 621.

них странах *против* угнетающих империалистических держав»¹. Ленин беспощадно клеймил позором душителей революционных движений. Отмечая, что царизм играет «едва ли не решающую роль» в подавлении персидского национально-освободительного движения, В. И. Ленин подчеркивает, что Россия делает это дело с благословения держав, которые охотно предоставили ей грязную работу палача². В. И. Ленин прямо указывает на Англию, которая несет полную ответственность за действия царизма и реакционеров в Иране: «Что Англия, фарисейски умывая руки, держит явный дружеский нейтралитет по отношению к персидским реакционерам и сторонникам абсолютизма, — это явление несколько иного рода. Либеральные английские буржуа, раздраженные ростом рабочего движения у себя дома, испуганные под'емом революционной борьбы в Индии, все чаще, все откровеннее, все резче показывают, какими зверями становятся самые «цивилизованные», прошедшие самую высшую школу конституционализма, европейские политические «деятели», когда дело доходит до пробуждения масс против капитализма, против капиталистической колониальной системы...»³. В другом месте В. И. Ленин особое внимание обращает на то обстоятельство, что английские империалисты «...побили рекорд не только по количеству награбленных колоний, но и по утонченности своего отвратительного лицемерия»⁴.

Характеризуя отношение Англии к революционным движениям, И. В. Сталин пишет: «Английский капитализм всегда был, есть и будет наиболее злостным душителем народных революций... начиная с великой французской буржуазной революции конца XVIII века... английская буржуазия всегда стояла и продолжает стоять в первых рядах громителей освободительного движения человечества»⁵.

На протяжении иранской революции 1905—1911 гг. Англия много раз проявляла свое «отвратительное лицемерие», стремилась переложить ответственность за удушение иранского освободительного движения только на царскую Россию, которая зависела от стран Антанты в целом и поэтому, естественно, не могла проявить особой самостоятельности в своих действиях в Иране⁶.

Благодаря особому международному и внутреннему положению перед первой мировой войной (последствия поражения в войне с Японией, страх перед революционным движением, опасность со стороны Германии и, главное, зависимость от стран Антанты) царская Россия была вынуждена действовать с большой осторожностью в своих колониальных предприятиях, где ее интересы продолжали скрещиваться с интересами Англии; в свою очередь Англия нуждалась в союзе с Россией. Эти обстоятельства, не прекращая соперничества в Иране, влияли на политику России и Англии в этой стране.

¹ В. И. Ленин. Социалистическая революция и право наций на самоопределение. Соч. Изд. 3, т. XIX, М.—Л., 1931, стр. 44.

² В. И. Ленин. События на Балканах и в Персии. Соч. Изд. 3, т. XII, Партиздат, 1936, стр. 357 и 365.

³ В. И. Ленин. Горючий материал в мировой политике. Соч. Изд. 3, т. XII, Партиздат, 1936, стр. 304.

⁴ В. И. Ленин. Письмо к американским рабочим. Соч. Изд. 3, т. XXIII, Партиздат, 1935, стр. 180.

⁵ И. В. Сталин. Соч., т. 9, М., 1948, стр. 324.

⁶ И. В. Сталин в статье «О политической стратегии и тактике русских коммунистов» пишет: «...настоящие жандармы Европы, располагающие достаточными силами и средствами для того, чтобы быть жандармами, сидели не в Петрограде, а в Берлине, Париже, Лондоне». Соч., т. 5, М., 1947, стр. 72, 73.

Рассмотрим некоторые события и обстоятельства в Иране, предшествующие мятежу Мохаммеда-Али.

В результате успешного похода на Тегеран гиланских фидаев из г. Решта и бахтиарских отрядов, подошедших к столице с юга Ирана, в июле 1909 г. Мохаммед-Али вынужден был отречься от престола; вскоре он уехал в Россию. Шахом Ирана был провозглашен его 14-летний сын Султан-Ахмет-Мирза. Регентом был назначен каджарский принц — Наср-оль-Мольк.

На гребне революционной волны к власти пришли феодалы, находившиеся в оппозиции к свергнутому шаху, и бахтиарские ханы (Сепехдар, Сердар Асад и др.). Начальником столичной полиции был назначен член армянской буржуазно-националистической контрреволюционной партии «Дашнакцутюн» — Ефрем (Давидянц), «революционная» деятельность которого была разоблачена Серго Орджоникидзе, проводившим с осени 1909 года по поручению Бакинской организации большевиков огромную работу в Гиляне¹.

В ноябре 1909 года в Тегеране начал свою работу второй меджлис². По своему составу и деятельности он значительно отличался от первого. В нем увеличилось число депутатов крупных землевладельцев; большую роль стали играть представители чиновничьей бюрократии. В то же время уменьшилось число представителей более революционно настроенной мелкой буржуазии.

Наиболее влиятельной фракцией меджлиса второго созыва стали так называемые «умеренные» во главе с Мошир-эд-Доуле, Теба-Тебан и др., представлявшие интересы феодалов-помещиков, бюрократии, богатого купечества. Промежуточные группы — «коалиционная» и «прогрессивная» — составляли своеобразное «болото» иранского парламента. Небольшая и очень неустойчивая группа депутатов, представителей буржуазно-националистической «партии» «демократов» — была его левым крылом³.

¹ Е. Бор-Раменский. К вопросу о роли большевиков Закавказья в иранской революции 1905—1911 гг. Вопросы истории, 1940, № 11, стр. 97 и след. М. С. Иванов. Влияние русской революции 1905 г. на иранскую революцию 1905—1911 гг. Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Выпуск I, Л., 1949, стр. 263—265.

² Первый меджлис, созданный в октябре 1906 г. и разогнанный по приказу шаха Мохаммеда-Али 23 июня 1908 г., «по своему составу характеру деятельности был наиболее демократическим и прогрессивным из всех последующих созывов меджлиса». Связано это было с тем, что «почти все революционные события в Иране... исходили или были очень тесно связаны с северными прилегающими к России провинциями Ирана. Через эти провинции — Азербайджан и Гилян — осуществлялось революционизирующее воздействие русской революции 1905 г. на весь остальной Иран». М. С. Иванов. Указ. соч., стр. 238 и 242. Очевидно, что во второй половине 1909 г. и позже размах революции стал ослабевать.

³ Это описание составлено, главным образом, по Турко-Кряжину (Краткая история Персии, М., 1925, стр. 59 и след.), и Г. Н. Ильинскому (Новая история колониальных стран. Т. I, М., 1940, стр. 549) и др. Следует подчеркнуть, что изучение деятельности иранского меджлиса времен иранской революции 1905—1911 годов далеко от сколько-нибудь удовлетворительных результатов. М. С. Иванов в своей работе, не называя имен, дал характеристику деятельности азербайджанских депутатов в первом меджлисе. М. С. Иванов. Влияние русской революции 1905 г. на иранскую революцию 1905—1911 г. Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Выпуск I, Л., 1949, стр. 240, 241. См. также его статью: Январско-февральский кризис 1907 г. в Иране. (Из истории иранской революции 1905—1911 гг.). Вопросы истории, 1951, № 4.

Социал-демократические организации, на формирование которых, как и других революционных организаций Ирана—энджуменов (революционные общества, комитеты, клубы), муджахидов (общество борцов за революционное дело) и фидаев (отряды вооруженных людей, готовых пожертвовать жизнью за революцию)¹, русская революция и закавказские большевистские организации оказали огромное влияние, оставались тем не менее еще очень слабыми в теоретическом и организационном отношении. Иранские социал-демократы были связаны с шиитским духовенством и в своих воззваниях оправдывали необходимость борьбы за революционные преобразования религиозными соображениями.

Наиболее радикальные члены в демократической «партии», так называемые «революционные демократы» (в 1911 году они под влиянием широких народных масс возглавили борьбу с мятежом Мохаммеда-Али), видели в конституции конечную цель своей политической деятельности. «Умеренные» же демократы открыто стали выступать за прекращение революции. Кроме того, буржуазные националисты-демократы, не верившие в творческие силы иранского народа и боявшиеся его и видевшие в Англии и России главных врагов Ирана, легко поддавались немецкой агитации и нередко превращались в агентов германского империализма².

Таким образом, в результате свержения Мохаммеда-Али в июле 1909 г., которое являлось одним из кульминационных моментов иранской революции³, власть в стране захватили реакционеры, прикрывающиеся революционными лозунгами, но ничего общего с революцией не имеющие. Один из старших бахтиарских ханов Сердар Асад сделался главой правительства, крупнейший гилиянский помещик Сепехдар, пробравшийся к руководству рещтских революционных отрядов, — военным министром и генерал-губернатором столицы. Выходец из Гиляна, крупный землевладелец Восуг-эд-Доуле вскоре сделался министром иностранных дел. Другие высшие посты расхватили бахтиарские ханы, феодалы, бюрократы. Не обошлось без обид. Брат Сердар Асада—Самсам-эс-Салтане некоторое время оставался без места. В это же время в правительственных сферах Тегерана стал с успехом подвизаться брат Восуг-эд-Доуле, небезызвестный советскому читателю Мирза-Ахмед-Хан-Кам-эс-Салтане и многие другие⁴.

Состав правительства был очень неустойчив: менялись премьеры, менялись министры, но сущность политики правительства оставалась прежней. Сепехдар, ставший главой правительства вместо Сердар Асада, сменивший его на этом посту в июле 1911 года Самсам-эс-Салтане и члены их кабинетов — все они были реакционерами, ориентировались по большей части на Англию или Россию (или, во всяком случае, брали взятки у той и у другой страны), боялись иранского народа, стремились всеми средствами расправиться с его подлинными революционными организациями и вождями. Меджлис оказывает правительству во всех этих реакционных начинаниях полную поддержку.

¹ См. М. С. Иванов. Указ. соч., стр. 244—250 и др.

² Т. С. Короткова. Иран накануне первой мировой войны. Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. Выпуск восьмой, 1948, стр. 11—15.

³ В. И. Ленин. Речь о войне 22 (9) июня 1917 г. на I Всероссийском съезде Советов Р. и С. Д. Соч. Изд. 3, т. XX, стр. 498.

⁴ М. Попов. Начало агрессии США в Иране в годы второй мировой войны. Вопросы истории, 1949, № 11, стр. 41—42.

Борцы за революцию муджахиды были удалены из Тегерана. Фидай, возглавляемые «персидским Пугачевым», героем обороны Тавриза Саттар-ханом и Багиром, разоружены после кровавого столкновения в парке Атабека (август 1910)¹. В разгроме этой преданнейшей части вооруженных сил иранской революции особенно «отличился» глава полиции дашнак Ефрем². Начинается наступление на революционные энджумены, закрываются прогрессивные газеты, в столице происходят политические убийства³. Лагерь революции изнутри разлагали агенты английского империализма космополиты-бехаисты.

Правительство и меджлис усиленно наступают на политические и экономические права трудящихся. В этой своей деятельности им постоянно приходит на помощь царская Россия и Англия. Английские и русские посланники, консулы и др. агенты интригуют в столице и в провинциях, стараются создать себе опору в тех или иных политических деятелях, не жалеют для этой цели взятки, подарков, обещаний.

Как уже неоднократно говорилось выше, общее умаление международного престижа России в первом десятилетии XX в. сказывалось и в Иране.

Англия не без успеха борется с экономическим преобладанием России на иранском рынке, не стесняясь средствами подрывает ее политический престиж, выставляет себя в качестве «защитницы» иранской свободы.

Правители Ирана, вместо того чтобы опереться на народ и повести решительную борьбу с иностранным, прежде всего англо-русским, вмешательством, капитулируют перед ним, соглашаются на унижительные требования, руководствуются в своей политической деятельности очень часто одним правилом: получать изрядный куш при каждой продаже интересов страны.

Бахтиарские ханы, Самсам-эс-Салтане, некоторые министры его кабинета считались твердыми сторонниками Англии. Восуг-эд-Доуле, сивавшийся русскими дипломатами сторонником русского влияния, на самом деле был тайно связан с английской миссией. Справедливости ради надо упомянуть и о том, что перед началом первой мировой войны он способствовал уже и германскому проникновению в Иран⁴. Его брат — Кавам-эс-Салтане, впервые ставший министром летом 1911 года и числившийся англофилом, показал себя на деле сторонником американской ориентации. Это он был инициатором приглашения в Иран миссии Моргана Шустера, а в 1921-22 годах за крупную взятку пытался дать концессию на разработку нефти в северных, пограничных с Советским Союзом, областях страны двум американским компаниям⁵ и т. д. и т. п.

Выступая как соперник России, Англия должна была проводить и проводила по отношению к иранскому революционному движению политику несравненно более реакционную, чем Россия. Ведь в случае победы

¹ Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. Выпуск V, СПб., 1912 г., стр. 32—40; 48—55.

² М. С. Иванов. Указанное сочинение, стр. 265.

³ Сборник дипломатических документов... Выпуск V, СПб., 1912, стр. 190—191; 195—196 и дальше.

⁴ Т. С. Короткова. Иран накануне первой мировой войны. Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. Выпуск восьмой, 1948, стр. 9.

⁵ М. Попов. Начало агрессии США в Иране в годы второй мировой войны. Вопросы истории, 1949, № 11, стр. 41—42.

национально-освободительного движения в Иране Англия теряла очень много и в ближайшей перспективе могла потерять еще больше. Всерьез опасаться возможности захвата большей части Ирана Россией она уже не могла — слишком неравны были теперь силы этих соперниц в Азии. В Иране английский империализм стремился преградить дорогу также не мифическому русскому продвижению в сторону Индии¹, а реальной опасности проникновения в эту «жемчужину британской короны» освободительных идей русской революции 1905—1907 гг. Вот именно эти идеи русской революции, разбудившей Восток, были страшным врагом английского господства в Азии. Поэтому западно-европейские капиталисты так щедро оказывали царскому правительству финансовую помощь для подавления революции 1905 г.² По этой же причине английскому империализму нужно было во что бы то ни стало задуть революцию в Иране: слишком близка от его границ была Индия. Поэтому Англия выступает как главный и наиболее опасный враг иранской революции. Опасный потому, что она всеми способами маскировала свою истинную политику. В особенности, когда дело доходило до открытых карательных действий против революционного Ирана, она предпочитала предоставить «грязную работу» России, с тем, чтобы позже, пожав плоды ее действий, через продажную печать выразить свое сочувствие пострадавшим. Естественно, что у английского правительства ничего не могло быть общего с настоящими революционными деятелями Ирана. Англия опиралась на таких же реакционеров, как и царская Россия. Только ее дипломатические представители и др. агенты умели выбирать для своих целей не просто оголтелых и лишенных политического чутья врагов свободы иранского народа, а прожженных политиканов, которые умели лучше маневрировать, умели надевать на себя личину революционеров и демагогически, в интересах Англии, использовать антипатии населения Ирана к русскому царизму³.

Не в отсутствии гибкости и способностей у русских дипломатов было дело, как это считает Т. С. Короткова⁴, а в удельном весе тех сил, которые стояли за этими дипломатами. Так, например, англичане не смогли «сработаться» с русским посланником в Тегеране Коростовцевым в добилась его отозвания в марте 1915 года. Царизм не сумел сохранить его на посту своего посланника, хотя он активно защищал интересы царской России⁵.

Таково было, разумеется в самых общих чертах, положение в Иране перед началом мятежа экс-шаха Мохаммеда-Али.

В силу всех вышеперечисленных причин и обстоятельств царское правительство не могло рассчитывать на то, что восстановление власти сторонника русской ориентации Мохаммеда-Али приведет к установлению решительного преобладания России в Иране. У Англии было до-

¹ См., например, Е. Л. Штейнберг. Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX—XX вв. Исторические записки. № 33. 1950. Его же. История британской агрессии на Среднем Востоке. М., 1951.

² История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938, стр. 89.

³ Красный Архив, 1934, № 65—66, стр. 95.

⁴ Т. С. Короткова. Указанное сочинение, стр. 9.

⁵ Красный Архив, 1934, № 65—66, стр. 86—87.

статочию сил и средств давления для того, чтобы заставить царское правительство отказаться от тех политических и экономических выгод, которые могли явиться результатом реставрации Мохаммеда-Али и прихода к власти его сторонников. Что «стоили» политические убеждения этих русофилов, так же как и англофилов, — мы уже выяснили выше.

Поэтому царской России не было никакого смысла организовывать или по-настоящему поддерживать мало перспективное для ее интересов предприятие экс-шаха. Но использовать его мятеж для того, чтобы потеснить Англию в Иране, для того, чтобы сделать правящую проанглийскую клику Ирана более сговорчивой в отношении России — было можно. И царская Россия это действительно делает.

IV

Мохаммед-Али, после вынужденного отречения от престола в 1909 г., жил в Одессе и подготавливал почву для своего возвращения¹.

Министерство иностранных дел России, отвечая отказами на просьбы его сторонников о помощи (главным образом деньгами) и даже делая экс-шаху предупреждения о необходимости прекратить интриги в Иране, в то же время не мешало использованию русской территории для подготовки мятежа. Деятели русского министерства иностранных дел, почти не сомневаясь в неудачном исходе попытки реставрации Мохаммеда-Али, опасались, что она может скомпрометировать царское правительство, но считали невыгодным для себя препятствовать бывшему шаху в предполагаемом предприятии².

Мохаммед-Али и его сторонники, подготавливая мятеж, рассчитывали прежде всего на внутренние силы контрреволюции, на разброд и предательства в лагере конституционалистов. Главные военные силы восстания должны были составить многочисленные кочевые в полукочевые племена Северного Ирана. Очень активную агитацию вели агенты экс-шаха в местные реакционеры среди туркмен Астрабадской провинции.

Сторонники Мохаммеда-Али знали, что благожелательный нейтралитет России им обеспечен. Но для внушения уверенности в успехе подготавливаемого восстания они сами распространили слухи о том, что

¹ Международные отношения в эпоху империализма (в дальнейшем МО) Серия II, т. XVIII, ч. I, 1938. Секр. телеграмма от 17 августа 1911 г. № 783. Послания в Тегеране Поклевский — Управляющему МИД—Нератову, стр. 351. Телегр. от 16/3 мая 1911 г. № 374 Поклевский — Нератову, стр. 8.

ЦГИА УзССР. Фонд 1 с/2, опись 1. Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе. Д. № 442. Секретное донесение консула в Астрабаде Иванова — Поклевскому от 12 мая 1911 г. № 4. лл. 232, 233. Копия секретного отношения пограничного в Персии комиссара Лаврова — чиновнику для пограничных сношений при нач. Закаспийской области от 17 мая 1911 г. № 143, л. 244 и др.

² МО. Серия II, т. XVIII, ч. I, 1938. Весьма секретное письмо от 27/14 июля 1911 г. № 449 Нератов — Поклевскому, стр. 143—146. Телеграмма от 2 июля /19 июня 1911 г. № 498 Поклевский — Нератову, стр. 166. Телеграмма от 16/3 мая 1911 года № 558 Нератов — состоящему при экс-шахе ротмистру Хабаеву, стр. 56, 57. Письмо от 27/14 мая 1911 г. № 48. Хабаев — пом. зав. отделом Среднего Востока Персианин, стр. 57. Телеграмма от 16/3 июля 1911 г. № 900. Нератов — послу в Вене Н. Гирсу, стр. 214. Телеграмма от 16/3 июля 1911 г. № 28 Гирс — Нератову, стр. 214 и др.

якобы экс-шах пользуется активной поддержкой царского правительства¹.

17/4 июля 1911 г. брат Мохаммеда-Али — Салар-эд-Доуле выступает против правительства в Курдистане. Сам экс-шах, с мая 1911 года живший в Австро-Венгрии, тайно проехал через Россию вместе с другим своим братом Шоа-эс-Солтане, высадился в Гюмиш-Тепе и поднял мятеж среди туркмен Астрабада.

Документы, находящиеся в нашем распоряжении, дают возможность полагать, что если царское правительство было осведомлено о подготовке мятежа, то о его сроках и о факте проезда Мохаммеда-Али через пределы России оно ничего определенного не знало².

Происходят также восстания в Мазандеране, Луристане, Азербайджане. Мятежники с разных сторон стали продвигаться к Тегерану.

К начавшейся гражданской войне в Иране Англия и Россия относились весьма своеобразно. Англия, успешно использовавшая революцию для укрепления своего влияния среди новых правителей Ирана³, предложила России поддержать конституционное правительство против Мохаммеда-Али⁴. Предложение Англии, выглядевшее на первый взгляд очень бескорыстно и благожелательно по отношению к Ирану, было не чем иным, как стремлением опять найти в царском правительстве «дураков, готовых таскать для нее из огня каштаны»⁵.

Дело в том, что гражданская война происходила в основном на севере страны. Поэтому подавлять восстание, естественно, должны были бы царские войска. Это усилило бы неприязнь иранского народа к царской России и, в конечном счете, способствовало бы дальнейшему укреплению влияния Англии в ущерб России.

Руководители русского министерства иностранных дел (Нератов и др.) по достоинству оценили английское предложение⁶. Продолжая благожелательно относиться к притязаниям Мохаммеда-Али, но не считая возможным действительно поддержать его притязания, царское правительство выдвигает наиболее выгодный для интересов и возможностей России в Иране принцип невмешательства держав в начавшуюся гражданскую войну⁷.

¹ ЦГИА УзССР. Ф. 1 с/2, опись 1. Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе. Дело № 442. Секретное донесение Иванова — Поклевскому от 12 мая 1911 г. № 14, лл. 232, 233. Дело № 448. Копия секретного отношения Лаврова — чиновнику для пограничных сношений при начальнике Закаспийской области от 2 сентября 1911 года. № 268, лл. 4—5 и др.

² ЦГИА УзССР. Ф. 1 с/2, оп. 1. Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе. Д. № 442. Копия секретного донесения Иванова — Поклевскому от 20 июля 1911 г., № 29, л. 180; Секретное отношение Лаврова — чиновнику для пограничных сношений при в-ке Закаспийской области от 13 июля 1911 г. № 202, л. 196; Телеграмма чиновн. для пограничных сношений — дипломатическому чиновнику от 7 июля 1911 г. № 299, л. 255 и другие.

³ В. И. Ленин. Соч. Изд. 3, т. XIX, М.—Л., 1931, стр. 41.

⁴ М. О. Серия II, т. XVIII, ч. 1, 1938. Телеграмма от 19/6 июля 1911 г. № 154. Посол в Лондоне Бенкендорф — Нератову, стр. 237. Телеграмма от 20/7 июля 1911 г. № 926 Нератов — Бенкендорфу, Поклевскому, стр. 246, 247 и др.

⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 9, М., 1948, стр. 325.

⁶ М. О. Серия II, т. XVIII, ч. 1, 1938. Телеграмма от 20/7 июля 1911 года. № 925 Нератов — Бенкендорфу, стр. 246. Телеграмма от 20/7 июля 1911 г. № 926, Нератов — Бенкендорфу, Поклевскому, стр. 246, 247 и др.

⁷ М. О. Серия II, т. XVIII, ч. 1, 1938. Телеграмма от 19/6 1911 г. № 913 Нератов — Бенкендорфу, стр. 236, 237. Телеграмма от 20/7 июля 1911 г. № 926 Нератов — Бенкендорфу, стр. 246 и др.

После дипломатической борьбы английское правительство вынуждено было принять русское предложение¹. Принятие решения о нейтралитете в гражданской войне окончательно развеяло легенду об Англии, как о покровительнице и защитнице иранской свободы².

В августе и первой половине сентября 1911 года мятежники достигают наибольших успехов. Их вооруженные силы, состоявшие преимущественно из кочевников, достигают внушительной цифры — около 30 тысяч человек. Астрабад, Мазандеран, часть Азербайджана, Курдистан, Керманшах, Хамадан, Луристан контролировались сторонниками Мохаммеда-Али³. Однако эти первые успехи не могли привести к конечному успеху, т. к. социальная и материальная база восстания была слишком слаба. Контрреволюционерам — сторонникам Мохаммеда-Али удалось увлечь за собой, главным образом, отсталые кочевые племена. Иранский народ в целом (крестьянство, рабочие, мелкая буржуазия) враждебно встретил попытку реставрации, активно выступил на борьбу с его грабительскими отрядами, дезорганизовал тыл мятежников своими партизанскими действиями и т. д. и т. п.

Тегеранские сторонники Мохаммеда-Али вели себя очень своеобразно. Они, конечно, искренне желали его реставрации — она вернула бы их к теплым местечкам в столице и в провинциях, от которых они были теперь оттеснены другими. Поэтому в своих письмах к экс-шаху в Одессу они не жалели слов для выражения своих вероподданнических чувств и заверений в активной поддержке, если он вернется в Иран и начнет борьбу за отвоение престола. Но когда Мохаммед-Али действительно появился в Иране и отряды его сторонников — кочевников двинулись к Тегерану, а правительство, находившееся почти в непрерывном кризисе, и меджлис после первых недель растерянности, консультаций с английскими и русскими миссиями под напором народных масс Ирана стали предпринимать первые робкие шаги для организации отпора мятежникам (посылка против них правительственных и бахтиарских отрядов, привлечение, или лучше сказать допущение фидаев к борьбе против экс-шаха и т. д.), когда в Тегеране было арестовано несколько явных сторонников экс-шаха, то они больше не стали раздумывать. Боясь дальнейших репрессий, не имея никакого желания рисковать своими головами, они укрылись в летней резиденции русской миссии (Зергенде) и из этого добровольного заключения стали наблюдать за дальнейшим развитием гражданской войны. Тем более, что у этих «преданнейших» слуг Мохаммеда-Али в сущности не было принципиальных разногласий с Сепехдаром, Сердар Асадом, Самсам-эс-Салтане и другими тогдашними правителями Ирана. Они могли надеяться на возвращение хороших для себя времен, т. е. на возвращение к власти.

Разумеется, из Зергенде они не сумели ни наладить отношений с бахтиарскими ханами и теми членами правительства и меджлиса, которые не прочь были перейти на сторону Мохаммеда-Али, ни организовать регулярной связи с экс-шахом и предводителями его отрядов для доставки им военной и политической информации.

Разношерстные военные силы мятежников (кочевники) не могли

¹ М. О. Серия II, т. XVIII, ч. I, 1938. Телеграмма от 21/8 июля 1911 г. № 157 Бенкендорф — Нератову, стр. 247. Телеграмма от 2 августа — 20 июля 1911 г. № 635 Поклевский — Нератову, стр. 276.

² М. О. Серия II, т. XVIII, ч. I, 1938. Весьма конфиденциальное письмо 23/10 августа 1911 г., Поклевский — Нератову, стр. 367.

³ М. О. Серия II, т. XVIII, ч. II, 1938. Весьма конфиденциальное письмо от 4 октября, 21 сентября 1911 г. Поклевский — Нератову, стр. 73, 74.

вести сколько-нибудь продуманной тактической борьбы с войсками правительства. Отряды мятежников двигались вперед в случае успеха и часто рассеивались при неудачах. Вожди отдельных крупных отрядов нередко действовали наперекор интересам восстания в целом. Кашкайский ильхани Соулте-эд-Доуле, вместо того, чтобы идти на Исфаган для отвлечения бахтиарских отрядов к югу, несколько раз пытался овладеть Ширазом. Шоджа-эд-Дауле вместо выгодного для мятежников движения к Зенджану и Казвину, терял время в тщетных попытках взять Тавриз¹. Межплеменная грызня, особенно среди туркменских племен, также существенно отражалась на результатах военных операций мятежников².

Восстание имело очень слабую материальную базу. Мохаммед-Али на протяжении мятежа крайне нуждался в деньгах³. Многочисленные отряды восставших были очень плохо вооружены по сравнению с отрядами бахтиар и фидаями, которыми командовал Ефрем-хан. Российский пограничный в Персии комиссар-полковник Лавров (живший в пределах Персии, хорошо знавший обстановку и потенциальные возможности борющихся сторон) писал уже в октябре 1911 г., что Мохаммед-Али несомненно добьется успеха, если доставить ему «всего тысяч пять скорострельных ружей при миллионе патронов, 2—3 пулемета и тысяч 50 туманов»⁴.

В первые месяцы мятежа в правительственных кругах Тегерана царяла растерянность. Многие деятели иранского правительства тайно сочувствовали Мохаммеду-Али (Сепехдар, некоторые бахтиарские ханы и т. д.) или колебались (премьер-министр Самсам-эс-Салтане)⁵. Командиры войск и бахтиарские ханы, отправляемые против мятежников, пользуясь затруднениями правительства, вымогали у него крупные суммы денег⁶. Однако наиболее решительные из членов меджлиса — демократы, опираясь на народные массы, выступили за сохранение конституции, против реставрации Мохаммеда-Али. Подталкиваемые решительными действиями иранского народа, демократы взяли фактическое руководство борьбой с восстанием в свои руки. Они сумели преодолеть саботаж некоторых министров в Тегеране. По их инициативе было соз-

¹ МО. Серия II, т. XVIII, ч. II, Л., 1938. Весьма конфиденциальное письмо от 4 октября — 21 сентября 1911 г. Поклевский — Нератову, стр. 73, 74.

² ЦГИА УзССР. Фонд I с/2, оп. I. Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе. Дело № 442. Секретная телеграмма и-ка Закаспийской области — туркест. ген.-губ. от 17 мая 1911 г. № 182, л. 212. Копия секретного отношения Лаврова — чиновнику для пограничных сношений при и-ке Закаспийской области от 21 июля 1911 г. № 209, л. 187.

³ ЦГИА УзССР. Фонд I с/2, оп. I. Диплом. чинов. при туркестанском генерал-губернаторе. Дело № 442. Копия секретного донесения от 20 июля 1911 г. № 39. Иванов — Поклевскому, л. 183. Копия секретного отношения от 21 июля 1911 г. № 209. Лавров — чиновнику для пограничных сношений при начальнике Закаспийской области, л. 187.

⁴ ЦГИА УзССР. Фонд I с/2, оп. I. Дипломат. чинов. при туркестанском генерал-губернаторе. Дело № 442. Копия весьма секретного отношения от 29 сентября 1911 г. № 284 Лавров — чиновнику для пограничных сношений при начальнике Закаспийской области, л. 147. Дело № 448. Копия секретного отношения от 2 сентября 1911 г. № 268 Лавров — чиновнику для пограничных сношений, л. 4, 5. Дело № 442. Копия секретного рапорта от 30 августа 1911 г. № 461 начальника Красноводского уезда — начальнику Закаспийской области, л. 157 и другие.

⁵ М О. Серия II, т. XVIII, ч. I. 1938. Секретная телеграмма от 17/4 августа 1911 г. № 683, Поклевский — Нератову, стр. 350, 351. ЦГИА УзССР. Фонд I с/2, оп. I. Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе. Дело № 442. Копия секретного донесения от 20 июля 1911 года № 29. Иванов — Поклевскому, л. 184—185 и др.

⁶ Морган Шустер. «Удушение Персии». 1912, стр. 129 (из англ. яз.).

дано нечто вроде комитета общественного спасения; в столице вводилось военное положение; сторонники Мохаммеда-Али арестовывались и предавались военному суду. За голову экс-шаха была объявлена награда. Демократы отправляют против мятежников отряды бахтиар и фидаев¹. Многочисленные донесения русского посланника в Тегеране Поклевского в министерство иностранных дел свидетельствуют о том, что организацией отпора мятежникам руководили, используя народные массы Ирана, демократы, регент Ирана принц Наср-оль-Мольк и др., а не Морган Шустер, как это он утверждает в своей книге².

Как уже говорилось выше, в августе и первой половине сентября мятежники достигли наибольших военных успехов. 5 сентября 1911 года крупный отряд туркмен под командованием Сердар Аршада (Аршад-эд-Доуле), отбрасывая правительственные заслоны, подошел к Верамину (50 верст от Тегерана). Здесь его атаковал неожиданно подошедший из столицы отряд фидаев и бахтиар. Пулеметным огнем туркмены были обращены в бегство, а раненый Сердар Аршад взят в плен и после допроса расстрелян.

В конце сентября, не поддержанные действиями других отрядов, в Багитшахе были разгромлены крупные силы курдов под командой брата Мохаммеда-Али Салара-эд-Доуле, на которого мятежники возлагали большие надежды³.

Мохаммед-Али, после поражения Аршада-эд-Доуле, был вытеснен из Мазандерана в Астрабад и, обосновавшись в аулах Ходжа Нефес и Гюмиш-Тепе, продолжал борьбу. Но теперь восстание перестало угрожать Тегерану, хотя у иранского правительства не было сил, чтобы окончательно добить его в провинциях.

Выше мы уже выяснили, что даризм не считал для себя возможным и выгодным выступить на поддержку экс-шаху. Поэтому содействие правительства царской России Мохаммеду-Али в общем не выходило за пределы благожелательного нейтралитета. Как свидетельствуют многочисленные секретные документы, лица русского подданства, действительно находившиеся в окружении экс-шаха (Амираджиби, Бузов, Серебряков, Лиховидов и др.), которые вербовали ему волонтеров на Кавказе, переправляли их через границу (в конце 1911 г. — начале 1912 г.), старались помогать в организации военных сил и т. п., не были агентами русского правительства, хотя они сами стремились нередко выдавать себя за таковых. Это были авантюристы, примкнувшие к Мохаммеду-Али в надежде на жалование, добычу и различные выгоды в будущем.

Пограничные власти препятствовали (насколько это было в их силах при тогдашнем состоянии пограничной охраны) переходу через гра-

¹ М. О. Серия II, т. XVIII, ч. I, 1938. Телеграмма от 21/8 июля 1911 г. Поклевский — Нератову, стр. 253, 254. Телеграмма от 25/8 июля 1911 г. № 599 Поклевский — Нератову, стр. 261—262 и другие.

² Морган Шустер, указанное сочинение, стр. 112.

³ М. О. Серия II, т. XVIII, ч. II, 1938. Весьма конфиденциальное письмо от 4 октября — 21 сентября 1911 г. Поклевский — Нератову, стр. 73, 74. Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. Вып. VII, СПб, 1913, стр. 163.

вищу наемников и различных авантюристов, пополнявших отряды Мохаммеда-Али¹.

Благожелательное отношение консулов северного Ирана (Похитонов, князь Дабижа, Иванов, Миллер, Некрасов и др.) к Мохаммеду-Али, выражавшееся часто в содействии и разной помощи его сторонникам, противоречило совершенно определенным инструкциям правительства о невмешательстве и вызывало отрицательную реакцию русского посланника в Тегеране Поклевского и в министерстве иностранных дел. Кроме того, содействие консулов мятежникам не могло оказать сколько-нибудь заметного влияния на исход борьбы в Иране, потому что царское правительство, несмотря на неоднократные предложения своих агентов в Иране (консулов, пограничного комиссара), не оказывало ему материальной помощи².

В конце октября, начале ноября Мохаммеду-Али удалось снова собрать вокруг себя туркмен, разбить под Бендер-Гязом правительственные войска Сердара Мути (Мухи) и вновь занять город Астрабад. Эта победа не изменила и не могла изменить хода гражданской войны. Туркмены, ограбив Бендер-Гяз, раз'ехались по своим кочевьям³.

Контрреволюционный мятеж, не получивший достаточно активной поддержки в самом Иране, имевший слабую социальную, военную и финансовую базу, не поддержанный материально царской Россией, потерпел поражение, которое в конце 1911 года окончательно определилось.

¹ ЦГИА УзССР. Фонд I с/2, опись I. Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе. Дело № 442. Телеграмма от 21 июля 1911 г. Военный министр Сухоминов — временному командующему войсками ген. Покотило, л. 200. Копия рапорта от 10 января, 1912 г. № 595 Начальник Красноводского уезда — начальнику Закаспийской области, л. 136. Копия донесения от 10 декабря 1911 г. № 1235. Управляющий Гасан-Кулинской таможенной заставой — начальнику туркестанского таможенного округа, л. 87. Копия секретного донесения от 12 декабря 1911 г. № 1237 Управляющий Гасан-Кулинской таможенной заставой — начальнику туркестанского таможенного округа, лл. 3—4. Экстренное секретное отношение от 19 декабря 1911 г. № 106. Начальник туркестанского таможенного округа в канцелярию генерал-губернатора, л. 86. Секретное распоряжение от 21 декабря 1911 г. № 802. Туркестанский генерал-губернатор — начальнику Закаспийской области, л. 91. Письмо от 24 октября 1911 г. Туркестанский генерал-губернатор — министрам военному и иностранных дел, лл. 5—9. Секретная телеграмма от 3 января 1912 г. Министр иностранных дел — туркестанскому генерал-губернатору, л. 72. М. О. Серия II, т. XIX, ч. I. 1938. Телеграмма от 13 января 1912—31 декабря 1911 г. № 1373 Поклевский — Сазонову, стр. 313.

² М. О. Серия II, т. XVIII, ч. II. 1938. Личная телеграмма от 27/14 октября 1911 г. № 992. Поклевский — Нератову, стр. 260. Телеграмма от 8 окт. 25 сентября 1911 г. № 35 Похитонов — Нератову, стр. 260. Личное письмо от 8 ноября 26 октября 1911 г. Бенкендорф — Нератову, стр. 334. ЦГИА УзССР. Фонд I с/2, опись I. Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе. Дело № 306. Копия письма от 30 марта 1913 г. № 176. Сазонов — доверенному в делах в Персии, л. 61. Дело № 442. Копия телеграммы от 15 июля 1911 г. № 3402. Столыпин (пред. сов. министров) — туркестанскому генерал-губернатору, л. 209. М. О. Серия II, т. XVIII, ч. I. 1938. Телеграмма от 18/5 июля 1911 г. № 562 Поклевский — Нератову, стр. 235. Т. XIX, ч. I, 1938. Телеграмма от 10 января 1911/29 декабря 1911. № 1359 Поклевский — Нератову, стр. 309, 310. Т. XIX, ч. II. 1938. Телеграмма от 24/11 января 1912 г. № 30 Поклевский — Ардебильскому вице-консулу, Сазонову, стр. 43. Телеграмма от 26/13 января 1912 г. № 75 Сазонов — Поклевскому, стр. 43.

³ ЦГИА УзССР, Фонд I с/2, опись I. Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе. Дело № 442. Секретное донесение от 13 ноября 1911 г. № 81. Иванов — Поклевскому, лл. 112—115 и мя. др.

Не оказывая материальной помощи мятежу, министерство иностранных дел России, тем не менее, в октябре и ноябре 1911 г. разработало план практических мероприятий по вывозу Мохаммеда-Али из пределов Ирана¹. Однако экс-шах, надеясь на изменение обстановки в свою пользу, не обратился в это время к содействию русских властей.

В связи с окончательно выявившимся теперь поражением мятежа Мохаммеда-Али, обращает на себя внимание то обстоятельство, что английское правительство со времени появления экс-шаха на иранской территории вынуждено было сделать русской дипломатии ряд уступок. Эти уступки, разумеется, не уничтожили преобладающего положения (по сравнению с Россией) Англии в Иране, но нанесли ему несколько чувствительных ударов. Выше уже говорилось, что, заставив Англию занять нейтральную позицию в отношении гражданской войны, Россия решительно отказывалась быть орудием в руках английской дипломатии. Кроме того, принятие русского предложения наносило сильнейший удар престижу Англии, т. к. показывало иранскому народу, что демагогические демарши английской дипломатии и заявления английских политических деятелей в «защиту» Ирана прикрывают откровенные колонизаторские намерения². Это «грехопадение» английского правительства способствовало последующим, каждое из которых срывало последние fig-вые листы с «защитницы» иранской революции.

Желая скорее покончить с революционным движением в стране, Англия переходит к открытым насильственным действиям. Когда в связи с конфискацией имущества принца Шоа-эс-Солтане и других сторонников Мохаммеда-Али (заложенного в русском Учетно-судном банке) произошел открытый конфликт между персидской жандармерией и русским генеральным консульством в Тегеране, английское правительство выступает против Ирана единым фронтом с царской Россией и деятельно поддерживает все ее требования.

Рассмотрение этого столкновения Ирана с русскими и английскими претензиями выходит за рамки настоящей статьи и, несомненно, должно явиться предметом специального изучения. Однако необходимо обратить серьезное внимание на следующее обстоятельство. Если использование царской и английской дипломатиями этого конфликта для того, чтобы произвести очередной нажим на меджлис и правительство, не вызывает никаких сомнений, то и провокационные действия в организации и развитии этого конфликта американца Моргана Шустера (агента государственного департамента США), в распоряжении которого находилась персидская жандармерия, также вырисовываются достаточно отчетливо.

¹ ЦГИА УзССР. Фонд I с/2, опись I. Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе. Дело № 442. Секретная телеграмма от 5 сентября 1911 г. № 159. Начальник Закаспийской области — туркестанскому генерал-губернатору, л. 159. Телеграмма от 8 октября 1911 г. № 1559 Нератов — туркестанскому генерал-губернатору Самсонову, л. 150. Секретная телеграмма от 10 октября 1911 г. № 589. Самсонов — Нератову, л. 149. Секретная телеграмма от 26 октября 1911 г. № 1723 Нератов — Самсонову, л. 139 и др.

² М. О. Серия вторая. Том XVIII, ч. I, 1938. Конфиденциальное письмо от 23/10 августа 1911 г., Поклевский — Нератову, стр. 367. Том XIX, ч. I. Телеграмма № 303 от 1 декабря/18 ноября 1911 г., Бенкендорф — Нератову, стр. 118. Телеграмма без № от 4 декабря 21 ноября 1911 г. Персидский посланник в Петербурге — Али-Гольи-хан — министру иностранных дел Персии Восу-эд-Доуле, стр. 131 и др.

Царское правительство, полностью согласовав с английским текст ультиматума¹, предъявляет его (6 ноября 1911 г.) иранскому правительству. Меджлис отклоняет этот ультиматум. Тогда русские войска двигаются в пределы северного Ирана, а англичане производят ввод своих войск на юге страны под предлогом увеличения консульских конвоев. В то же время английская и русская миссии оказывают деятельное содействие тегеранской правительственной клике в разгоне меджлиса, который мешал ей капитулировать перед иностранными требованиями. В декабре 1911 года 2-й меджлис был разогнан.

Теперь совершенно не нуждаясь в Мохаммеде-Али, как средстве давления на Иран и Англию, царское правительство не дает ему возможности использовать происходившие события для новой попытки захватить власть.

В конце января, начале февраля министр иностранных дел России Сазонов, после консультации и переговоров с министром иностранных дел Англии Греем и иранским правительством, поручает русскому консулу в Асграбаде Иванову передать Мохаммеду-Али, что правительство Ирана соглашается возобновить уплату ему пенсии и даровать амнистию его приверженцам, если он распустил свои отряды, а сам покинет страну. Русское правительство, со своей стороны, дружески советует ему принять эти условия². Мохаммед-Али предпринимает отчаянные меры, чтобы получить поддержку России: он предлагает подписать документ, формально передающий весь Иран под единоличный протекторат России³. Сазонов решительно отказывается даже обсуждать это предложение и поручает заявить Мохаммеду-Али, что «решение имперского правительства бесспоротно»⁴. После бесцельных просьб и переговоров об увеличении пенсии экс-шах вынужден был согласиться на предложенные ему условия.

10 марта (26 февраля) 1912 года Мохаммед-Али на русской канонерской лодке «Геок-Тепе» покинул пределы Ирана.

V

Гражданская война в Иране, вызванная контрреволюционным мятежом Мохаммеда-Али и других реакционеров, благодаря ожесточенному англо-русскому соперничеству и попыткам Германии и США именно в это время укрепить свои позиции в этой стране (Багдадская железная дорога и миссия Моргана Шустера), далеко вышла из рамки кризиса местного значения. Поведение России и Англии в Иране в этот период

¹ М. О. Серия II, т. XIX, ч. I. 1938. Примечание к телеграмме от 16/3 ноября 1911 г. № 1798. Нератов — Бенкендорфу, стр. 16 и др.

² М. О. Серия II, т. XIX, ч. I. 1938. Телеграмма от 10 января 1912 г. 29 декабря 1911 г. Поклевский — Сазонову, стр. 309, 310, т. XIX, ч. II. 1938. Телеграмма от 27/13 января 1912 г. Сазонов — Бенкендорфу, Поклевскому, стр. 44. Нота министерства иностранных дел России английскому послу в Петербурге Бьюкенену от 29/16 января 1912 г., стр. 54—56. Памятная записка Бьюкенена — Сазонову от 29/17 января 1912 г., стр. 56. Телеграмма от 1 февраля 19 января 1912 г. Сазонов — Поклевскому, стр. 72. Телеграмма от 9 февраля/27 января 1912 г. № 9 Иванов — Поклевскому, Сазонову, стр. 86. Телеграмма от 9 февраля 27 января 1912 г. № 179 Сазонов — Поклевскому, стр. 98.

³ Там же. Личная телеграмма от 13 февраля 31 января 1912 г. Иванов — Нератову, стр. 127.

⁴ Там же. Телеграмма от 14/1 февраля 1912 г. № 210. Сазонов — Поклевскому, Иванову, стр. 128.

полностью подтверждает мнение В. И. Ленина об англо-русском соглашении: «Договор России и Англии (1907 г.) о разделе «сфер влияния» обеих держав в Персии не удовлетворил («применение договора 1907 г. не достигло цели...»), их — драка и недоверие («англо-русское соперничество...») между ними продолжались»¹...

Изучение позиции России по отношению к мятежу экс-шаха Мохаммеда-Али убеждает в том, что царизм не был организатором этого мятежа, не содействовал ему материально и открыто, как это считают некоторые наши историки. Во время мятежа царское правительство прибегает к более удобным и выгодным для его интересов формам вмешательства. Благожелательное отношение к подготовке мятежа на русской территории, содействие экс-шаху с помощью дружеского и выгодного ему нейтралитета, помощь, которую оказывали консулы по собственной инициативе и др. были различными видами такого вмешательства, но все это не подходит под определение организации мятежа и открытое содействие ему.

Нам кажется, что позиция царской России во время мятежа соответствует характеристике, данной И. В. Сталиным поведению империалистических держав в первой четверти XX века в Китае и может быть определена как интервенция, но интервенция не обычного типа, а интервенция «...путем гражданской войны внутри зависимой страны... путем моральной поддержки...» сил контрреволюции в этой стране².

В заключение следует подчеркнуть следующие очень важные обстоятельства.

Революционный Иран имел дело только с одной Англией, Англией официальной, проводившей в жизнь колониальную политику британского империализма. Демагогическое поведение и демарши английской миссии в Тегеране, сочувственные заявления членов английского парламента, заседательская деятельность обществ «содействия» иранской революции в Лондоне — все это нисколько не помогало иранскому народу в его борьбе за свободу. Наоборот, эта кампания, умело отражавшаяся в прессе, дезориентировала наиболее доверчивую часть его и в целом способствовала закабалению страны английским империализмом. Правда, к концу революции английское правительство и английское общественное мнение своими действиями успели разоблачить себя в глазах иранского народа.

Совершенно по другому обстояло дело с Россией. Когда иранский народ выступил на борьбу с собственными и иностранными угнетателями, то он столкнулся не только с царскими дипломатами и войсками.

Иранский народ уже давно завязал дружеские связи с народами царской России (прежде всего в Закавказье). Во время революции 1905—1911 гг. революционный Иран получил разностороннюю поддержку и помощь от той России, которая стала центром мирового революционного движения, той России, в которой выковывалась большевистская партия, — России В. И. Ленина и И. В. Сталина. Эта передовая Россия посылала в Иран сражаться против иранских, английских и царских душителей революции своих сынов, многие из которых отдали свою жизнь за освобождение иранского народа³.

¹ В. И. Ленин. Тетради по империализму. М., 1939, стр. 656.

² И. В. Сталин. О перспективах революции в Китае. М.—Л., 1927, стр. 9.

³ Г. М. Петров. Иранская революция 1905—1911 годов. Сборник «Пробуждение Азии». Л., 1935. Е. Бор-Раменский. К вопросу о роли большевиков Закавказья в иранской революции 1905—1911 годов. Историк-марксист, 1940, № 11. См. особенно М. С. Иванов. Влияние русской революции 1905 г. на иранскую революцию 1905—1911 гг. Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Выпуск 1, Л., 1949.

М. Е. МАССОН

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВИЗАНТИИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ ПО ДАННЫМ НУМИЗМАТИКИ

Вопрос о взаимоотношениях Византии и стран современной Советской Средней Азии еще ни разу не был темой специального исследования и его приходится считать совершенно неразработанным. Характерно, что по нему нет никаких высказываний даже в обобщающем труде В. В. Бартольда «История культурной жизни Туркестана» (Л. 1927). Лишь в работе А. Н. Бернштама «Культура древнего Киргизстана» (Фрунзе, 1942) кратко отмечено, что территория Семиречья в VI веке попадает в орбиту «византийских влияний»¹. Возникновение широких связей Джеттысу с Византией А. Н. Бернштам относит к поре расцвета западно-тюркского каганата, т. е. к самому концу VI — началу VII вв.², но нигде не указывает ни изначального момента, ни продолжительности, ни того предельного срока, после которого они перестают быть ощутимыми.

Установление признаков так называемого «византийского антика» на восточно-туркестанских фресках Кызыла и Кум-Тура Кучарского оазиса и ряд археологических находок, начиная от серебряных предметов у с. Покровского близ Фрунзе³ и кончая неопубликованным еще кладом многочисленных золотых бляшек с изображениями бога «духа-святого» в виде голубя, Христа в виде агнца и пастыря, найденных близ второй станции железной дороги, западнее Ашхабада, наглядно подтверждают наличие культурных связей Византии в далеком прошлом со Средней Азией. Постановка на разрешение этой проблемы во всей ее широте очень своевременна и чревата интересными результатами как при выявлении отдельных фактов, так и при получении обобщающих выводов. В качестве же первой лепты своего участия в этой работе, я ставлю на

¹ Об этом автор упоминал в своей докторской диссертации 1942 года.

² Бернштам А. Н., Историко-культурное прошлое северной Киргизия по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943, стр. 17—18.

³ Городецкий В. Д., Серебряные сосуды из курганов с. Псковского, Пишпекского уезда. Известия Средазкомстариса, в I. Ташкент, 1926, стр. 77—81. Предложение считать эти предметы греко-бактрийскими, изготовленными в конце II — в начале I в до н. э. частично м. б. в Фергане, см. Тревер, К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л. 1940, стр. 110—114.

данном этапе скромную задачу привлечения впервые в качестве довольно полноценного сырого материала и первоисточников нумизматических объектов, обращавшихся некогда на территории Средней Азии.

Вопреки установившемуся представлению прежде всего необходимо констатировать известную насыщенность Средней Азии в раннем средневековье византийской монетой, что или совсем не отмечалось моими предшественниками или ставилось под сомнение даже в отношении золотых солидов. Так, В. В. Бартольд в своих лекциях указывал, что ни сасанидские динары, ни византийские солиды, по всей вероятности, не проникали в Туркестан.

Это явилось результатом искаженной перспективы истинного положения дела и объясняется исключительно неудовлетворительной постановкой регистрации нумизматических находок в дореволюционном прошлом вообще. Кроме того, все внимание сосредотачивалось или на местном чекане или на объектах так называемой «восточной нумизматики», в состав которой входили монеты греко-бактрийские, кушанские, сасанидские и другие, но выпадала продукция византийских, римских и даже многих греко-азиатских монетных дворов¹. Последняя не привлекала почему-то серьезного внимания коллекционеров-туркестанцев, не пользовалась с их стороны спросом на местных антикварных рынках и, будучи вывозима тем или иным путем за пределы Средней Азии, утрачивала документацию, теряла связь с местом находки и рассматривалась в дальнейшем сама по себе на основании заключающихся в ней выпускных данных.

Проводившийся мной многолетний учет монетных находок на территории Средней Азии, прошедшие за тридцать три года через меня массы монет, хранившихся на руках у населения, наблюдения за былым «нумизматическим рынком», который слагался как из лавок торговцев-антикачи, так и из мастерских ювелиров-заргаров, наконец, знакомство с нумизматическими собраниями всех среднеазиатских музеев позволили мне вынести некоторые общие представления о подлинном составе различных монетных групп, некогда обращавшихся здесь в качестве денег. Показательно, что самыми обычными и наиболее часто попадавшимися среди золотых монет, выпущенных до арабского завоевания, были именно различные византийские солиды². Русские крестьяне Семиречья хорошо знали «медальоны-иконки», за каковые принимались ими медные византийские монеты с изображениями окруженного нимбом бюста Христа. Местные антикачи в Самарканде и Бухаре византийские монеты обозначали термином «Даки-Юнуси», по имени римского даря язычника Даки Юнуса, вынудившего спрятаться в пещеру семь преследовавшихся им отроков, которые, проспав там триста лет и выйдя на базар, не могли ничего купить на свои прежние деньги с изображением даря, так как в обращении была уже новая монета³. Впрочем антикачи обычно не дела-

¹ Что именно подразумевается под понятием «Восточные нумизматические древности» наиболее полно отображено в труде J. de Morgan. *Manuel de Numismatique Orientale de l'antiquité et du Moyen age*, t. 1, Paris, 1923—1936.

² В январе 1923 года, во время командировки в Самарканд, на тамошнем антикварном рынке одновременно мной было отмечено свыше десятка различных золотых византийских монет. Выдержка из моего отчета по этому вопросу приведена в Известиях Среднеазиатского комитета, в. I. Ташкент, 1926, стр. 272.

³ Эта в основе своего сюжета христианская легенда широко известна на мусульманском Востоке, в том числе и в Средней Азии, благодаря 18 суре Корана («Пещера»). Ср. Коран, пер. Г. Саблукова, изд. второе. Казань, 1894, стр. 246, а также Катанов, Н. Ф. Татарские сказания о семи спящих отроках. Записки восточного отделения русского археологического общества, т. VIII, в. 3—4, СПб., 1894, стр. 223—245.

ли в своей упрощенной классификации особой разницы между византийским и предшествовавшим ему римским чеканом¹.

Состав продукции последнего в Средней Азии значительно разнился от первого. Количественно он несравненно скромнее византийского. Золотые римские ауреусы мне самому не пришлось отмечать ни разу, хотя они не так уже редки среди находок к югу от Амударьи в пределах земель, составлявших ядро государства кушан. Это обстоятельство можно расценивать как показатель, если и не отсутствия, то все же крайней редкости проникновения римского золота во владения, входившие некогда в состав Кангюйского государственного образования. Собственный чекан некоторых из этих владений был основан на серебряной системе, и арсакидская драхма легко получала доступ на местные рынки. Она, в отличие от Передней Азии, казалось бы могла и не встречать здесь соперничества с римским денарием уже в силу относительно небольшой потребности на месте в монете. Во всяком случае, римские денарии в Средней Азии попадаются не так уже часто, а находок кладов их неизвестно. Но, вместе с тем, приходится констатировать одновременно чрезвычайную ограниченность находок арсакидских драхм к северу от Амударьи, где они отмечались мной в Фергане и Семиречьи. Кочусульские римские денарии встречались мне редкими единичными экземплярами. Выбитый в массе около I в. до н. э. и широко распространенный между прочим, в Грузии, Армении и отчасти Азербайджане² денарий Августа достиг Средней Азии, где денарии I и II вв. н. э. составляют основную группу римских монет. Чаше других попадаются от долины Зерафшана до Иссык-куля чекан Веспасиана (69—79), Домитиана (81—96), Траяна (98—117), Адриана (117—138), Антонина Пия (138—161), Марка Аврелия (161—180). Как известно, на протяжении этого времени металл римского серебра систематически ухудшается и в III в. становится довольно низкопробным. Тем не менее, в Средней Азии находятся в небольшом количестве также денарии III в. н. э. и в том числе Аврелиана Августа (270—275), обнаружение одной монеты которого в 1933 году на даче по Малой Алматинке, благодаря неправильной расшифровке легенд и несерьезному подходу к оценке факта, привело к ряду в свое время на шумевших сенсационных выводов, начиная с признания Казахстана в древности провинцией Рима³.

¹ О применявшейся на среднеазиатском «нумизматическом рынке» терминологии местных антикачей см. Массон, М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 г. по 1927 г. Известия Среднеазиатского музея, в. III. Ташкент, 1928, стр. 282—283.

² Пахомов, Е. А. Монетные клады Азербайджана. Труды общества обследования в изучении Азербайджана, в. 3. Баку, 1926, стр. 18. О римских монетах с берегов Иссык-куля см. Массон, М. Е. Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Киргизской ССР до 1947 года. Труды ИЯЛИ Кир. ФАН СССР. Фрунзе, 1948, стр. 141—142.

³ Легенда римского денария была расшифрована в Казахстане институтом национальной культуры в городе Алма-Ата, как якобы заключающая в себе сокращенный текст *imperator cavet elinorum mundum Sapavaq*, что переводилось как «император хранит мир эллинов. Санабар». Последний был признан римским наместником первой половины I в. н. э. по аналогии с тезкой индо-парфянского правителем. Этим устанавливалось: распространение власти римлян на Казахстан от Аральского моря до предгорий Тянь-Шаня, введение здесь в обиход административных учреждений латинского языка взамен будто бы бывшего в употреблении до того греческого, размещение центра провинции на территории города Алма-Ата, а расположение дворца наместника и других правительственных зданий указывалось в районе домов №№ 10—20 по Дачной улице. Попутно утверждалось употребление 2000—1500 лет назад в Казахстане клинписи, несколько осложненной по сравнению с ассирийско-вавилонской и персидской.

Что касается византийского чекана, то в составе несомненных находок, сделанных на территории Средней Азии, в моем распоряжении до сих пор нет серебряных миллиарсиев. Это несколько странно, так как после проведенной в самом конце IV в. в Византии реформы по замене биллонных денариев последних римских императоров высокопробным серебром отмечается появление буквально волны византийской монеты из этого металла в соседних с нею владениях, в частности на Кавказе. При одинаково высоком качестве пробы и при удобном отношении с персидскими дирхемами, как 1:1,5 они несомненно являлись серьезными конкурентами на рынках не подчиненных стран. В этом отношении очень показателен тот факт, что византийские и сасанидские серебряные монеты на территории Кавказа до самого конца VI века не сходятся в одних кладах, а встречаются изолированно¹. Считаясь же с фактическим положением дела, в суждениях о распространении византийских монет в Средней Азии приходится исходить пока в основном из золотых монет полных солидов, *semisses*, *tremisses*, так называемых «взрварских» подражаний им и отчасти из отгиснутых по их образцам золотых же брактеатов. При этом, несмотря на количественную ограниченность самого нумизматического материала, в рыночном обращении здесь византийской монеты может быть установлено несколько этапов разной значимости.

1-й этап

Исторический обзор. Первый этап охватывает период от разделения Римской империи на западную и восточную в 395 г. и до установления владычества тюрков в Средней Азии в середине VI века.

Непрекращающееся соперничество между Византией и Персией, то эпизодически обострявшееся, то на некоторое время ослабевавшее, не проходило бесследно во взаимоотношении последней с соседившими с севера народами. Уже Феодосий II в 422 г. обязался уплачивать Персии определенную сумму денег на охрану «Дарьяльского ущелья». При Иездегерде II (438—457) укреплялся «Дербентский проход» и, по свидетельству Гевонда, в этом принимали участие римские мастера². Совершенно самостоятельно укрепляли персы свою среднеазиатскую границу, где на правом берегу Гюргена, от самого Каспийского моря, на протяжении свыше 100 километров появилась стена, остатки которой сохранились доныне, под наименованием Кизыл-Алана. Тот же Иездегерд II основал, между прочим, к северу от Гюргена у Чола (или Чора) крепость «Шархариан-и Иездегерд», служившую ему в течение двух лет резиденцией в период борьбы с хионитами. Северная Гюргенская стена и упомянутая крепость поддерживались в правление Фируза (459—484), унаследовавшего от своих предшественников тяжелую борьбу с эфталитами и павшего в битве с ними. При нем они вырыли в борьбе с персами некий ров, который упоминают Прокопий Кесарский и Лазарь Парнаци. Расцвет могущества эфталитов начинается с 80-х годов V века, после чего они владели некоторое время землями Хотана, Кара-

См. статью профессора Кораблева «Казахстан в древности был провинцией Рима». Казахстанская правда, 1935, № 144. Разобранная мной по фото-отпечаткам легенда заключает в себе в действительности следующий текст: *impravaulianusaug*, т. е. *Imperator caesar Avrelianus August*.

¹ Пахомов, Е. А., цит. соч., стр. 19.

² Бартольд, В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925, стр. 22.

шара и Кашгара на востоке, Кабулом, Мервом, Гератом и Дахистаном на юге. В эту пору эфталиты выступали иногда даже союзниками персов против Византии, например, в начале VI века при Каваде, который им же был обязан возвращением ему в самом конце V века (498/9) Ктесифонского престола. В первые годы своего правления прославленный Хосров I Ануширван (531—578) выплачивал эфталитам дань, но появление в Средней Азии тюрков сразу изменило политическую ситуацию. Уже в 554 году персы отняли у эфталитов Тохаристон, и Хосров, победивший византийские армии на Каспийском море, в Лазистане и заставивший державу-соперницу платить дань на содержание Дербентской стены, хвастался в 562 году перед Константинополем, говоря, по словам Менаандра Протектора, что он разрушил власть эфталитов. Это произошло при участии тюрков, хан которых, Сильсвул, привел эфталитов в вассальную зависимость и постепенно между 563 и 567 годом подчинил себе все земли Средней Азии до Амударьи.

Для этого периода характерное явление составляет усиление процесса проникновения в Среднюю Азию христианства в виде учения православных мелькитов и различных толков, особенно несториан и яковитов. Основанная еще в 334 г. в Мерве епископия в 420 г. преобразована в митрополию. Через десять лет появляется епископ в Герате, и в V же веке христианство проникает в Самарканд, где в следующем столетии учреждается уже епископия. К середине V века относятся, между прочим, создание «у подножья великой пустыни, на пределах Туркестана и Дахистана» христианских колоний из насильственно выведенных с родины и поселенных там, по свидетельству Себеоса, армян-монофизитов, что явилось одним из последствий подавления Иездегердом II восстания в Армении 451 года.

Состав монеты на среднеазиатских рынках. Что касается состава монеты на среднеазиатских рынках V — первой половины VI веков, то на нем не могло не сказаться уменьшение потребности в монете, наступившее в период кризиса рабовладельческого общества, после чего приходится отмечать наличие в Средней Азии ограниченного количества медного чекана. Повидимому, в государстве эфталитов в связи с ростом торговли потребности эти увеличиваются, и их правители начинают чеканить собственные монеты. Известно, что эфталитский государь, современник Фируза, уже в середине V века выбивает монеты со своим изображением и именем. Подражающие сасанидским драхам и выпускавшиеся как из серебра, так и из меди монеты эфталитов представляют большую редкость среди находок к северу от Амударьи, значительно чаще встречаются к югу от этой реки, в Афганистане и Северной Индии (лишний довод против допущения, что центр государства эфталитов находился в пределах Советской Азии).

Во много раз больше имеется в Средней Азии серебряных сасанидских драхм V века и особенно чекана Фируза, Клады монет последнего, иногда довольно крупные по своему составу, принадлежат к числу наиболее обычных среди местных находок сасанидского чекана, и обнаружение одного из них в 1910 году в Джизаке привело к резкому снижению их цены на самаркандском антикварном рынке, где фирузовские драхмы долгое время ходили после того по цене 70 копеек за экземпляр¹. Это исключительное обилие в Средней Азии находок серебряных монет Фируза несомненно должно быть поставлено в зависимость от стра-

¹ Об обычности среди местных находок монет Фируза см. Массон, М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 г. Известия Среднеазиатского археологического комитета, в. III, Т. 1927, стр. 286, прим. 19.

вого погрома, нанесенного Ахшунваром после гибели сасанидского царя в 484 году всему Восточному Ирану, по которому эфталиты пронесли грозной волной, грабя богатые города и опустошая селения. Огромный прилив в виде добычи массы фирузовских драхм, насытивших среднеазиатские рынки, имел одним из своих последних выгук в дальнейшем ряда установленных мной местных подражаний и низкопробных фальсификатов их, некоторые из которых, как например, найденные в 1941 году при раскопках на Актепе под Ташкентом, изготовлены техникой литья.)

Значительно реже попадаются сасанидские драхмы Кавада I (489—531) и Хосрова I (531—579). В чекане сасанидских монет этого периода известны монетные кружки, где, наряду с пехлевийской легендой, имеются и эфталитские надписи, что невольно наталкивало на мысль, не принадлежали ли они к числу тех, которыми Персия уплачивала дань эфталитам.)

Что касается сасанидского золота, то оно чеканилось в ограниченном количестве и за пределы Персии обычно выходило не часто. Во всяком случае, для рассматриваемого периода мне известно, приобретение Б. Н. Кастальским в Самарканде золотой монеты Иездегерда I (399—420), а в 1920 г. мной была зарегистрирована на нумизматическом рынке Самарканда золотая монета Варахана IV (388—399).

Византийские монеты. Таким образом, у византийских солидов в Средней Азии, как и в других восточных странах, равного им по качеству эквивалента не было. Они распространялись не только в сопредельных с границами Византии странах, как например, к северу и к югу от Кавказа, где Византии долгое время принадлежала часть Армении, но уходили значительно дальше от своей метрополии. В этом отношении очень характерно сведение, приводимое Косьмой Индикопловом и относящееся к первой половине VI века, что для торговли с Цейлоном византийские купцы туда привозили отборные, хорошего чекана, лучшие экземпляры солидов¹. Интересно с этим сопоставить то обстоятельство, что подавляющее большинство виденных мной в Средней Азии византийских солидов до VIII в. н. э. представлено было прекрасной сохранности кружками хорошего чекана.

Учитывая все сказанное, можно допускать вероятное проникновение в Среднюю Азию византийских солидов в небольших количествах в течение V века. Сюда могла попасть, между прочим, часть того золота, которое Византия дала Фирузу на осуществление его второго похода против эфталитов, окончившегося захватом всей ставки персидского царя. Более усиленный прилив солидов имел место в VI столетии, особенно в результате войны с Византией, которую Кавад начал в 502 году с помощью эфталитских войск, участвовавших, между прочим, в осаде Эдессы и Харрана. По заключении мира в 506 году эфталитам была выдана часть византийского золота, полученная ими как доля контрибуции с греков и как уплата за военную помощь персам. Очевидно, что такое массовое единовременное поступление византийских солидов в Среднюю Азию носило эпизодический характер. Какую-то более постоянную роль участников в их распространении могли играть некоторые местные христианские колонии.)

¹ Известие это заключено в рассказе греческого купца Сонатра, как он при дворе цейлонского правителя путем сопоставления солида с персидской драхмой сумел наглядно продемонстрировать «большее величие» византийского государя по сравнению с персидским шахом и тем «посрамил персидского посланника». Успенский, Ф. И. История Византийской империи, I. СПб. (1913), стр. 556.

Из монет этого периода в Средней Азии встречаются солиды Феодосия II (403—450), несколько штук которых отметил в Бухаре еще в 1870 году Л. Ф. Костенко¹. Многочисленны также солиды Маркиана (450—457), чье имя было упомянуто в надписи созданного с участием византийских строителей укрепления Дербентского прохода. Очень любопытна также находка 1889 года в Самарканде золотого брактеата с варварской передачей изображаемого на Av византийских солидов бюста императора. Этот брактеат был обнаружен на участке Фузайлова в еврейском квартале при рытье бадраба в 8 метрах от места, где были встречены шесть ящичной формы оссуариев и на большей, чем они глубине. Прототипом для изображения, по-моему, служила монета Феодосия II². Из более поздних монет мне известны солиды Юстиниана I (527—565), один из которых имеется в нумизматической коллекции Ташкентского музея. У На их известное распространение в Средней Азии указывает наличие местных подражаний, к каковым относится, между прочим, золотой кружок, найденный в 1938 году на городище древнего Самарканда близ могилы Даньяра и хранящийся ныне в Самаркандском музее. На Av — слегка повернутый вправо бюст государя. На Rv — изображение крылатой Победы, одетой в хитон и хламиду. Фигура повернута влево так, что видно справа собственно только одно левое крыло. Правой рукой она держит крест с длинным древком. Слева и справа грубо скопированные знаки легенды, обозначающей «Victoria Augustorum». Кружок подражает, судя по размерам, полусолидам Юстиниана варварского чекана³, хотя по Rv можно отметить сходство также с монетами Анастасия (491—518) и Юстина I (518—527). На настоящих солидах Юстиниана Победа «двукрылая», т. е. крылья видны и справа и слева от ее фигуры. Наконец, мне встречались у самаркандских антикачей медные монеты Юстина I и Юстиниана I.

В том же 1938 г. в Джамбуле, на территории древнего Тараза был найден золотой солид, фото с которого было прислано мне на определение А. Н. Бернштамом. На Av — погрудное изображение государя шлеме прямо с лицом, слегка повернутым к левому плечу. В правой руке копье, положенное на плечо. Левая рука прикрыта верхней частью шита. На Rv — стоящая влево богиня Победы, держащая длинный и широкий крест. Легенды Av и Rv заставляют относить этот солид к категории монет «варварского чекана». Как установлено, многочисленные солиды Юстиниана I чеканились не только в разных частях империи, но и за ее пределами. По мнению И. И. Толстого, «варварский чекан мог появиться в результате привлечения византийскими чиновниками местных монетариев к работе во вновь присоединенных областях или проникновения греческих мастеров в «варварские» страны⁴.

¹ Костенко, Л. Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. СПб., 1871, стр. 66—67.

² Изображение брактеата см. Веселовский, Н. И. Еще об оссуариях. ЗВО. XVII, ч. IV, стр. 0180. Автор считает, что брактеат является варварским подражанием монетам Аркадия (395—408), или Феодосия и ошибочно утверждает, будто он был найден при оссуариях.

³ Толстой, И. И. Византийские монеты, в. IV, СПб., 1913, стр. 378, изображ., таб. 26. № 521. О находках в Средней Азии монет Юстиниана I и подражаний им см. Массон, М. Е. По поводу нескольких монетных находок, зарегистрированных на территории Казахстана до 1947 г. Вестник АН КазССР, 1948, № 7, стр. 57—58.

⁴ Толстой, И. И. Византийские монеты, в. III, СПб., 1913, стр. 289—290.

Упоминание солида из Джамбула без определения см. Бернштам, А. Н. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского казала. Фрунзе, 1943, стр. 17.

Исторический обзор. Второй этап начинается с момента утверждения власти тюркского каганата в Средней Азии, длится вторую половину VI века, все VII столетие и завершается в начале VIII века прочным вхождением Мавераннахра и Ферганы в состав арабского халифата.

Наиболее кровавая борьба Персии и Византии осталась уже позади. Но середина VI века знаменует собой время наибольшего могущества сасанидской Персии, становящейся особенно опасной для Византии, пытающейся теперь найти себе союзников в лице тюрков, с которыми Константинополь обменивается несколькими посольствами.

Они начались по инициативе, исходившей от Средней Азии, имели первоначально целью разрешение вопросов, связанных с торговлей шелком, но в дальнейшем поддерживались Византией в основном, повидимому, из интересов военного союза против персов.

В свою очередь усиление тюрков, вплотную придвинувшихся к границе Персии, вынудило персов отказаться от долины Гюргена и вывести южнее ее новую оборонительную стену между Табаристаном и Джурджаном. При распадении тюркского государства на Восточный и Западный каганаты Бахрам Чубину удалось разбить тюрков и эфталитов, овладеть частью земель правобережья Амударьи до Каспия в долине Кашкадарья (588/9 г.) и даже на короткое время оккупировать долину Зерафшана. Но затем результаты этих побед были утрачены, и около 600 года наступает кратковременный период расцвета западно-тюркского каганата, одновременно подчинившего себе и Мавераннахр и Восточный Туркестан. В 602 г. отправленные Хосровом II на СВ границу Ирана армянские дружины изменили персам и перешли на сторону вассала тюрков эфталистского царя Перновка. Вскоре китайцам ненадолго, путем внесения раскола в орду, удалось заставить тюрков признать протекторат, но уже при Тун-ябгу (правление которого началось в 616 г.) господство западных тюрков было восстановлено. В 618 г. после смерти Смбага Багратуни армянские нахарары, находившиеся в войсках Хосрова, перешли на сторону тюрков и были отправлены кружным путем на Кавказ. Последствием же заключенного Тун-ябгу с Ираклием (610—641) союза явилось выступление тюрков против Персии, и их отряды участвовали в движении хазар на Закавказье в VI в. Обмен дипломатическими посольствами, установление непосредственных сношений между Константинополем и ставкой тюркского каганата, совместные военные действия против Персии — все это не могло не сказаться на установлении между Византией и Средней Азией более прочных торговых связей по путям, пролежавшим к северу от Каспийского моря. К этому периоду относятся серебряные предметы с подражаниями византийским клеймам из клада, найденного в селе Покровском. Показательно, что в эту же пору китайский император Гао-цзу (618—626) мог получить из Турфана в подарок собачку фолинской, т. е. византийской породы, причем по замечанию китайского летописца, именно с этого времени византийские собаки завелись в Китае.

Последующие изменения сложившейся ситуации связаны с начавшимся во второй четверти VII в. выступлением на мировую арену арабов, закончившимся в середине этого столетия полным разгромом сасанидского Ирана и сложением халифата, оказавшегося не менее опасным соперником Византии, чем Персия, и прочно подчинившим в начале VIII века большую часть культурных земель Средней Азии, выдержав при этом борьбу с энергичной экспансией на запад Китая эпохи династии Тан.

На этом 2-м этапе в Средней Азии серебряная монета обращалась в очень небольшом количестве и была представлена довольно ограниченной монетной эмиссией Хорезма и узко-локализованным чеканом бухархудатов, начавшимся или, вернее, возобновившимся сравнительно поздно, а именно с 633/4 г. (12 г. х.) Зато при тюрках был довольно широко распространен в Шаше и в долине Зерафшана медный чекан, представленный разнообразными монетами разных размеров с изображением на *Rv* чаще всего тамгообразных знаков в окружении еще не прочитанных легенд и с помещением на *Av* одного или двух лиц в фасе, реже одного лица с поворотом то влево, то вправо¹. Бюсты иногда даны в головных уборах, иногда представлены без них. У некоторых на голове показан полумесяц с точкой. Особенно характерны при этом спаренные бюсты мужчин и женщин, в чем я усматриваю определенное копирование современного им византийского чекана. В последнем изображенья на монетах государя и императрицы в фасе появляются впервые на медных монетах Юстина II (565—578), который показан там рядом с царицей Софней. Именно к нему было отправлено из владений тюрков от Дизабула первое посольство с участием купца-согдийца Маниаха, которое прибыло в столицу Византии не ранее 568 года². Изображение этого византийского императора на монетах дано без бороды. Без бороды показаны мужские бюсты и на медных монетах тюрков. В VII веке погрудные изображения государя и наследника появляются в чекане Ираклия (610—641) с его сыном Ираклием Константином, а государя и государыни в чекане Константа II (641—668). Позднее подобные же спаренные изображения известны на византийских монетах VIII—IX вв. Небезынтересно отметить, что поворот головы государя на три четверти дан, между прочим, на монетах Константина I^р Погоната (668—685).

Позднее, с распространением владычества Китая на некоторые северные области Средней Азии в ряде среднеазиатских владений упомянутый медный чекан с изображениями лиц правителей с конца VII века сосуществует с появившимися литыми китаеподобными монетами, несущими легенды, выполненные тюрко-согдийским алфавитом.

Что касается наличия в местном обиходе золотой монеты, то это засвидетельствовано письменными известиями китайских летописей, незаслуженно подвергавшимся сомнению в их правдоподобности. Я имею в виду показание китайского посла Вей-цзе, отправленного императором Ян-ди (605—617) в конце его царствования в западные страны

¹ Изображение этих монет из Самаркандской коллекции Петрова-Борзны см. в работе Tiesenhausen, W. Notice sur une collection de monnaies orientales de m. le comte S. Stroganoff. St. Petersburg, 1800, p. 4—7.)

По поводу всей группы этих нумизматических памятников В. Г. Тизенгаузен, не давая своего определения времени и приуроченья приадажности определенному народу, привел лишь мнение Штинкеля, относившего их к категории монет под названием „Parthische feuerebetende vassalenfürsten“.

² По Менадру Византийцу, посольство это прибыло в Константинополь в начале 4-го года царствования Юстина II. Так как последний вступил на престол в 565 г., то среднеазиатская делегация, очевидно, появилась в столице Византии в 568 году, а не в конце 567, как это обычно принято указывать. Ср., например, Варгольд, В. В. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 18.

и описавшего празднование нового года в Самарканде. В 1-й день 6-го месяца, т. е. в середине лета, там, к востоку от города, начиналось соревнование в стрельбе из лука, длившееся целую неделю, причем в последний день на лист бумаги клали золотую монету, и кто попадал в нее, считался царем на протяжении одного дня¹. Из всего этого рассказа в свое время В. В. Бартольд считал наименее правдоподобным упоминание именно золотой монеты, которой, как ему казалось, не было в VII веке в Средней Азии².

Между тем, в качестве мишени для стрельбы могли использовать сасанидские золотые монеты, которые хотя и не часто, но встречаются среди находок в Средней Азии единичными экземплярами. Один динар, принадлежащий чекану Шапура II (309—379), был вывезен А. Борнсом из Бухары, как найденный в развалинах Хаджиобан к СЗ от Бухары (вероятно, городище Варахша)³. Прекрасный динар Иездегерда, как упоминалось выше, был приобретен в дореволюционное время в Самарканде Б. Кастальским. В разное время комиссионеры нумизматических торговых фирм (в частности, особенно много покойный Ратнер) вывезли из Средней Азии ряд золотых сасанидских монет. В конце двадцатых годов В. Л. Вяткину одним из жителей Самарканда было показано свыше двадцати прекрасной сохранности сасанидских динаров, вероятно, принадлежащих составу одного клада, быть может, связанного своим происхождением с временной оккупацией долины Зерафшана войсками Бехрам Чубина. Прекрасный экземпляр динара Варахрана был зарегистрирован мной на Самаркандском антикварном рынке в 1920 г., а динар Иездегерда III там же в 1924 году⁴.

С другой стороны, на упоминавшуюся выше бумажную мишень в Самарканде VII века могли накладывать византийские золотые монеты и даже местные золотые же подражания им.

Если на Кавказе с конца VI века в связи с вторжением греческих войск в Иверии, Армении и в Азербайджане отмечается интенсивный ввоз византийского серебра, продолжающийся затем при Ираклии (610—641) и его преемниках, то оно в это же время в Средней Азии, где, как указывалось, серебряная монета не была широко распространена, попадает исключительно редко и известна мне в виде единичных экземпляров Ираклия и Ираклия-Константина. Значительно чаще встречаются и для этого этапа золотые византийские монеты. В числе их мной зарегистрирован солид Ираклия, изготовленный в первой Константинопольской мастерской. Он был найден в 1931 году геологом И. А. Анбоевым в озере Иссык-куль, у островка «Китай-город», близ Койсары, где под водой лежат развалины поселения городского типа, дающие археологический

¹ Извлечение из отчета Вейтце помещено в энциклопедии Туи-ден второй половины VIII века, откуда попадало в позднейшие компиляции, например, *Ma-tsan-li* (XII в.), и неоднократно цитировалось в переводах на европейские языки.

² Бартольд, В. В. (Лекции по истории Туркестана). Машинопись. ИИМК АН СССР, стр. 129.

³ См. Борнс, А. Путешествие в Бухару, ч. III, М., 1849, изображение, таб. 11, № 10. Принсеп дал определение монеты условно: «думают Сапора» (там же, стр. 614). Вильсон определил ее, как принадлежащую одному из сасанидских государей (там же, стр. 601).

⁴ Массон, М. Е. Археологический и нумизматический рынок в Самарканде. Известия Средазкомстариса, в. I, Т., 1926, стр. 272.

материал VII—VIII и XI—XII веков¹. Из других монет мне известен в Средней Азии солид Константина IV Погоната (669—685) и грубой работы другой, более ранний византийский солид, а может быть подражание ему, считавшийся найденным к северо-западу от Бухары на упоминавшемся уже городище Хаджиобан². По типу он близок к монетам Маврикия (582—602), который помог в 591 году бежавшему к нему от Бехрам Чубина Хосрову I вступить в Ктесифон и укрепиться на престоле. Наконец, в Ташкентский музей в начале двадцатых годов поступил солид Юстиниана II и Тиберия IV (705—711).

Византийская монета начала VI века могла быть ввезена в Среднюю Азию одновременно в более или менее значительном количестве после возвращения тюркских отрядов из набега на Кавказ вместе с хазарами в виде захваченной военной добычи и возможной оплаты за помощь со стороны византийского командования, поскольку среднеазиатские войны выступали там по договору в качестве союзников против персов. Более систематически солиды проникали сюда мирным путем через официальные посольства, иноземных и местных купцов, а также членов христианских общин. Но к числу безусловно местной продукции следует относить чрезвычайно интересные находки 1941 года, сделанные при проглатывании Большого Чуйского канала на Сукулукском городище и состоящие из двух односторонних тонких электроновых брактеатов, являющихся подражанием византийским монетам. Для одного из них образцом послужил солид Ираклия Средовека, для другого — Константина Погоната³.

В небольших количествах на руках у населения в северных районах попадается медная византийская монета середины VI — начала VII вв.

III этап

Третий этап в обращении византийской монеты в Средней Азии характеризуется резким падением ее проникновения и исчезновением из широкого рыночного обращения. Он приходится на время с начала VIII века и продолжается до наступления серебряного монетного кризиса во всех мусульманских странах в XI столетии.

Уже в VIII веке в Мавераннахре и Фергане установилось господство основанного на серебре арабско-мусульманского чекана. Лишь в северных районах Киргизстана⁴ и в Южном Казахстане обращаются медные кружки, подражающие китайским монетам 707—709 гг., так называемые са-чжан-цзянь, а с середины этого столетия китаеподобная местного из-

¹ Массон, М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 году. Материалы Узкомстариса, в. 5 Т. 1933. стр. 9—10.

² Принсеп считал возможным относить солид из Хаджиобана или к чекану Марсиана или вероятнее Маврикия. Борнс, А. Путешествие в Бухару, ч. III М. 1849 стр. 614—615.

³ Бернштам, А. Н. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943 стр. 17. В тексте неверно указаны года правления Ираклия, как 611—629. вместо 610—641, и Константина Погоната 641—662, вместо 668—685.

⁴ Отчет Археологической Комиссии, 1891, стр. 115.

готовления собственно тюргешская монета, отливавшаяся в течение кратковременного господства тюргешей (длившегося с 711 по 766 гг.) и, по мнению А. Н. Бернштама, бытовавшая там некоторое время и после их низвержения¹.

В государстве саманидов (IX—X вв.) обращается обильный и разнообразный местный чекан, не считая монет общегосударственного образца, из которых высокопробные серебряные дирхемы массами уходят за пределы государства в северо-западном направлении в связи с оживленной торговлей с областями Восточной Европы. При таком положении, учитывая к тому же, что вся монетная система покоилась на серебре, едва ли существовали предпосылки для ввоза в Среднюю Азию византийской монеты. Должно быть, к тому же в самом государстве саманидов постепенно сократились числом те протоки в виде местных христианских общин, через которые прежде проникала часть греческих солидов. Возможно, на почве рыночной конкуренции здесь начинает нарастать процесс некоторого утеснения христиан-мелькитов. По ан-Н с д и м у, жители Согда в первые времена арабского завоевания были христианами и зороастрийцами. Вскоре после прочного вхождения Бухары в состав Хорасанского наместничества ее христианская церковь за улицей Риндан была обращена в мечеть племени Бану Ханзала. Саманид Исмаил при занятии Таласа в 893 году обратил в мечеть главную церковь христиан. Арабские географы сообщают, что соборная мечеть в Мерке раньше была христианским храмом. Особенно показателен в этом отношении засвидетельствованный М а к д и с и к концу X века факт, что в государстве саманидов было тогда много евреев и мало христиан. Должно быть остававшиеся в Мавераннахре немногие христианские селенья и общины принадлежали к тому же адептам гонимых в Византии толков. В более благоприятном положении находились их единоверцы в северных пограничных районах Средней Азии.

Во всяком случае приходится констатировать, что в Средней Азии почти не встречаются византийские монеты, принадлежащие чекану, охватываемому пределами времени третьего этапа, и только для северных районов (Южного Казахстана и Северной Киргизии), не входивших в состав саманидского государства, в виде исключения, как будто приходится признать наличие небольшого числа византийских монет X в., попадающих теперь на руках у тамошнего современного населения.

IV этап

Нумизматически новый этап интенсивного прилива в Среднюю Азию византийской монеты отмечается для XI, отчасти XII веков, когда страны мусульманского Востока были охвачены серебряным монетным кризисом, распространившимся с востока на запад и охватившим всю «мусульманскую» Азию со включением входившей в ее состав исповедывавшей христианство Грузии.

По нумизматическим объектам признаки этого кризиса улавливаются уже с конца X столетия, но полностью он разражается со второго десятилетия XI века. Внешне это нашло отражение на первом этапе в порче

¹ Бернштам, А. Н. Тюргешские монеты. Государственный Эрмитаж. Труды отдела Востока, II. Л., 1940. Автор считает возможным даже, что тюргешская монета была в ходу вплоть до появления в конце X века чекана илеков, каковое предположение основано на отсутствии зарегистрированных для Джеттысу находок саманидских монет (стр. 110).

пробы и уменьшения веса серебряных дирхемов, что имело своим последствием приостановку их потока в Восточную Европу.

Каждое из государств делало попытки по-своему выйти из создавшегося затруднительного положения. В Средней Азии уже во втором десятилетии XI века прибегли к постепенной замене серебра свинцом при основной добавке меди, отчего дирхемы получили тусклый серый цвет поверхности, утратили звонкость, а кружок их стал мягким и ломким. Такие низкопробные дирхемы выпускались до четвертой четверти XI столетия (446 г. х. = 1073/4 г. н. э.), постепенно заменяясь, и при этом ранее всего в северных областях, монетой из меди с незначительной добавкой серебра. Эти бронзовые дирхемы имеют правильную форму, бывают крупных размеров, но представляют уже чисто кредитную монету; хождение которой зависит от установления курса. Затем в северных районах, отчасти и в Фергане (Ахсыкент), перешли на выпуск толстых монетных кружков небрежной чеканки, неправильной формы, далеко не всегда даже овальной и с частично выходящей легендой. Они не имеют строго определенного стандарта и должно быть их брали на вес. Одновременно в южных районах и на большинстве ферганских монетных дворов выбивали сперва бронзовые, а затем почти медные дирхемы «правильной» чеканки, крупные, но довольно изящные, варьиовавшие в размере и весе в разных местах и в разные десятилетия. Среди них встречаются выпущенные в одном пункте и в один год кружки различного веса, но кратные в отношении друг друга.

Следуя примеру наиболее экономически мощных владений, государства газневидов, «великих» сельджуков, хорезмшахов, перешли на золотую валюту. В значительно более скромном масштабе это практиковалось в Мавераннахре при караханидах. И вот в этот период неустойчивой валюты, исчезновения серебра и обращения кредитных бронзовых и медных дирхемов отмечается вновь широкое распространение византийской монеты в Средней Азии, преимущественно в северных ее областях и при этом впервые в виде медного чекана в относительно больших количествах.

Основную массу их составляют медные анонимные монеты, появившиеся в конце X века и имевшие в XI—XII веках огромные эмиссии. Они известны из Восточного Туркестана¹, с берегов Иссыккуля, из Ферганы, а единичные экземпляры были в свое время в коллекции священника Зампаева, составившейся им в Термезе. Особой популярностью у русских крестьян Семиречья в конце XIX — в начале XX вв. пользовались кружки с грубым изображением бюста Христа, который обязательно помещался на византийских монетах после приказа Иоанна Цимисхина в 975 году в течение многих десятков лет, и лишь при Исааке-Комnene (1057—1059) эта исключительность была отменена². Едва ли случайным совпадением является тот факт, что медная анонимная византийская монета в основном распространена в тех же северных районах Средней Азии, где были в ходу медные дирхемы «неправильной» чеканки. Это является лишним доводом в пользу высказанного выше предположения, что последние в то время там брались именно на вес, чем и можно объяснить проникновение туда и византийской меди. Возможно, что в эту же

¹ О пересылке Н. Ф. Петровским из Кашгара Археологическому обществу «византийских монет и варварских подделок под них греко-бактрийского происхождения» (sic!); см ЗВО т. VIII, в. III—IV, стр. VI.

² Лик Христа появляется на византийских монетах со времени Юстиниана II (685—695 и 705—711). Затем был перерыв в 130 лет, после чего вместе с восстановлением иконопочитания изображение бюста «спасителя» впервые чеканится на монетах Михаила III (842—867), но без нимба.

пору были завезены в Среднюю Азию и некоторые медные византийские монеты более раннего чекана.

Наряду с медью в Среднюю Азию попадало и византийское золото, встречающееся здесь в виде выгнутых кружков (*nummi sc. phati*) бледно желтого цвета, которые начали чеканиться с X века и получили, по наблюдениям Е. А. Пахомова, широкое распространение на Кавказе. Среди них мне пришлось отмечать несколько раз солиды Михаила IV (1034—1041), два экземпляра которых, между прочим, в разное время поступили в нумизматическое собрание Ташкентского музея.

Заключение

Для последующего времени в распоряжении науки нет пока никаких объектов византийской нумизматики, связанных своим обнаружением со Средней Азией. Едва ли это случайное явление и вызвано оно не только тем, что на протяжении некоторого времени в Византийской империи чеканят низкопробную монету. События конца XII века, взятие Константинополя крестоносцами в 1204 году, создание латинской империи при сохранении в виде остатка бывшей Византии так называемой Никейской империи — сами по себе не могли не определить некоторого перерыва в проникновении в Среднюю Азию византийского чекана. К тому же и здесь с XIII века сложилась новая политическая и экономическая ситуация, определявшаяся завоеванием страны монголами и изжитием в течение XIII века серебряного монетного кризиса в результате интенсивной инфляции европейского серебра через торговые фактории Венеции и Генуи. Да и позднее, в последний период истории Византии при Палеологах, никогда уже не слагалось таких условий, которые могли бы привести к сколько-нибудь заметному притоку на среднеазиатские рынки византийской монеты. В этом отношении, повидимому, почти бесследными оказались даже, отсрочившие на полстолетия гибель Византии, далекие походы на запад Тимура, местные клады эпохи которого содержат в себе в качестве примеси лишь монеты различных «мусульманских» владений и изредка Грузии. Агонии Византии положило конец взятие Константинополя османскими войсками 29 мая 1453 года.

Нумизматические объекты представляют собой несколько специфическую группу материальных памятников, которые отображают более или менее непосредственные экономические и отчасти дипломатические связи между различными странами, как это имело место одно время у Византии со Средней Азией, установивших взаимное общение по северным путям, минуя конкурирующую и враждебную Персию.

Торговые отношения во многих случаях могут протекать без заметного отражения в обращающихся монетных запасах на рынках тех или иных областей, особенно если они очень далеки друг от друга. Тем не менее, при современном состоянии вопроса о взаимоотношении Византии и Средней Азии было бы нерациональным оставлять в стороне рассмотрение объектов византийской нумизматики в составе среднеазиатских монет, как бы скромны пока ни были количественно накопленные в этом отношении наблюдения. Думается, что некоторые наметившиеся при этом положения окажутся небезразличными при дальнейшем разрешении проблемы — взаимоотношений стран, входящих теперь в состав СССР, с Восточной римской империей.

Е. А. ДАВИДОВИЧ

ДВЕ ДЕНЕЖНЫЕ РЕФОРМЫ В ГОСУДАРСТВЕ ШЕЙБАНИДОВ

Довольно многочисленная дореволюционная нумизматическая литература, касающаяся монетного чекана Средней Азии, переживала период количественного накопления знаний и фактов, ограничиваясь большей частью простым каталожным определением и описанием монет и в лучшем случае используя данные чекана для решения некоторых частных вопросов политической истории, исторической географии и т. д.

Марксистская историческая наука ставит перед нумизматикой новые и широкие задачи — использование монет как источника для изучения экономической истории, в первую очередь одной из сторон экономики — денежного обращения. Под этим углом зрения был проработан и прочтен профессором М. Е. Массоном на кафедре археологии Средней Азии САГУ курс лекций по нумизматике Средней Азии, в котором описание и классификация монет явились не самоцелью, а источником для общих характеристик денежного обращения эпох, периодов и этапов рабовладельческого и феодального обществ Средней Азии.

Одна из эпох среднеазиатского средневековья — XVI век — явилась объектом дальнейшего и специального изучения автора. Разносторонний анализ серебряных и медных, преимущественно неопубликованных, монет и актового материала XVI в. позволил в частности, выявить три денежные реформы трех шейбанидских государей. Первая реформа основателя государства шейбанидов, Мухаммед-Шейбани-хана, хотя и упомянута письменными источниками, однако в столь краткой и неясной формулировке, что характер и назначение ее могли быть установлены лишь анализом самих медных и серебряных монет. В данной работе реформа Мухаммед-Шейбани-хана во всей полноте не рассматривается и привлекаются только те уже готовые выводы по ней, которые необходимы для характеристики финансовых мероприятий других шейбанидских государей.

Предметом же настоящей работы являются две другие реформы — Кучкунчи-хана (916—918 гг. х. — 936/1529 г.) и Абдулла-хана II (991/1583 — 1006/1598), относительно которых — в отличие от первой — в письменных источниках нет уже вовсе никаких упоминаний.

Изучение причин и следствий этих реформ на основании указаний классиков марксизма-ленинизма по вопросам экономики, особенно денежного обращения, позволило установить, что Средняя Азия дважды переживала серьезные кризисы денежного обращения, потребовавшие, в частности, в от государственной власти различных мероприятий для их ликвидации.

Эти две странички из истории экономической жизни Средней Азии, скрытые молчанием восточных историков, оставили, однако, своих собственных правдивых, но скупых на рассказы свидетелей — монеты с их весом, легендами, рисунками. Заставить их заговорить задача настоящей работы.

Пользуюсь случаем принести искреннюю благодарность за консультацию профессору М. Е. Массону и доценту Д. Д. Столярову.

Денежная реформа Кучкунчи-хана

Не касаясь здесь во всей полноте чрезвычайно продуманной реформы Мухаммед-Шейбани-хана, следует, однако, отметить две ее стороны, существенные для понимания мероприятий в области чекана и обращения Кучкунчи-хана.

Одним из мероприятий Мухаммед-Шейбани-хана было установление равного общегосударственного обращения серебра, вне зависимости от места его выпуска. Практически это было достигнуто сведением всех обращающихся серебряных монет в две группы с твердо установленным отношением между ними и определенным курсом для каждой. Первую группу составили все одномискальные тимуридские монеты, вне зависимости от разницы в их внешнем оформлении, получившие один общий курс, отличный от тех курсов, по которым они обращались до Шейбани-хана. Вторую группу составили монеты нового чекана с именем самого Мухаммед-Шейбани-хана, для которых был назначен одинаковый внешний вид, одинаковый вес и особый курс.

Вторым мероприятием Мухаммед-Шейбани-хана было установление чекана серебра не из металла частных лиц, а только из государственного металла. Это заключение явилось результатом анализа весового и курсового соотношения старых тимуридских и новых шейбаниханских тенег. Согласно новому установлению Мухаммед-Шейбани-хана курс тимуридских монет был приведен в соответствие с их металлическим содержанием, курс же монет нового выпуска оказывался завышенно-принудительным, т. е. выше их металлического содержания. Правда, последнее было замаскировано частичным повышением веса новых монет по сравнению с одномискальными тимуридскими, что создавало иллюзию правильности и соответствия курса обеих групп монет. Но на деле в каждой шейбаниханской тенге недоставало 0,56 гр. металла, т. е. с каждой новой выпущенной монеты казна получала доход около 2,5 медных динаров, что при низком уровне цен XVI в. составляло крупную сумму¹. Часть этой суммы шла на оплату мастеров и на покрытие угра металла при чекане, но чистая прибыль также была не менее 1,5 динаров с каждой монеты.

Уже сам этот факт принудительности курса на шейбаниханские монеты в указанной форме исключает возможность свободного чекана и делает несомненным высказанное положение об организации при Шей-

¹ Давидович, Е. А. По поводу южнотуркменистанского клада серебряных монет Мухаммед-Шейбани-хана. Материалы ЮТАКЭ, т. 1. Ашхабад, 1949, стр. 167—168, прим. 18.

бани-хане выпуска серебряных монет именно из государственного металла.

Это мероприятие, несомненно, стало возможным лишь вследствие большой военной добычи, полученной при завоевании Хорасана, когда в казне Шейбани-хана скопилось большое количество серебра. Достаточно сказать, что на один Герат была наложена контрибуция в сто тысяч шестидинаровых тимуридских теньгачей. В этой связи показательно также, что за четыре года пореформенного чекана (913—916 г. х.) только один год — 914/1508-9 г. — показал исключительно обильный выпуск монет, когда, видимо, и была использована основная масса серебра, скопившегося при завоевании, запасы которого, однако, быстро истощились, так что эмиссия 915—916 г. х. представлена единичными монетами.

При переходе на чекан из государственного металла Шейбани-хан сохранил многие монетные дворы, хотя наибольший выпуск, несомненно, принадлежал Герату. Но уже по имеющимся монетам зафиксирован чекан серебра также в Нишапуре, Мешхеде, Мерве, Балхе, Бухаре, Самарканде и одном неотожествленном городе¹. Но при чеканке из государственного металла с изъятием доходов в общегосударственную казну такая децентрализация не могла служить препятствием правительственного контроля за выпуском и обращением монет, что практически видно по совершенно однотипным монетам разных городов и за все годы².

Этот порядок (т. е. равное общегосударственное обращение серебра при децентрализованном государственном его чекане) сохранялся до смерти Мухаммед-Шейбани-хана, но при последующих государях несомненно претерпел значительные изменения. И прежде всего это коснулось веса серебряных монет, характера их обращения и организации их чекана.

Обращение серебра после смерти Мухаммед-Шейбани-хана и в первые годы правления Кучкунчи-хана отличалось большой сложностью хотя бы уже потому, что на рынке имели хождение самые разнообразные и по весу и по внешнему виду серебряные монеты. При этом новые выпуски и надчеканы старых монет еще больше усложняли положение.

После смерти Мухаммед-Шейбани-хана в 916/1510 г. для шейбанидов наступил трудный период борьбы с Бабуром и кызылбашами, а также некоторых внутрдинастических неурядиц, когда среди шейбанидских султанов образовалось по крайней мере три группировки, одна из которых провозгласила хаканом Кучкунчи-хана, другая — Сиянджи-хана, а представителем третьей явился сын основателя государства шейбанидов, Мухаммед-Тимур-султан. Именно этими-то внутренними раздорами объясняется то обстоятельство, что уже для 916 г. х. известны серебряные теньги Кучкунчи-хана, а для 918 г. х. — чекан от имени умершего Мухаммед-Шейбани-хана³.

Эти усобицы и отсутствие всеми признанной более или менее авторитетной центральной власти в лице хакана нашли отражение также в разное весового стандарта для серебра. Теньга, битая с именем

¹ Давидович, Е. А. — По поводу южнотуркменистанского клада серебряных монет Мухаммед-Шейбани-хана. Материалы ЮТАКО, т. I. Ашхабад, 1949, стр. 167—168. прим. 18.

² Можно даже допустить, что штампы для чекана резались где-нибудь в одном месте и потом рассылались по всем монетным дворам / Ср., например, у Михалева, Ф. И. Очерки истории денег и денежного обращения т. 1. Госфиниздат, 1948, стр. 192.

³ Давидович, Е. А. По поводу... цит. раб., стр. 161—165.

покойного Мухаммед-Шейбани-хана в 918/1512-13 г., весит 5,09 гр.¹ т. е. в пределах веса, установленного реформой Мухаммед-Шейбани-хана в 913/1507 г. и засвидетельствованного реальным весом его монет. С другой стороны, еще до того выпущенные теньги с именем провозглашенного одной группировкой Кучкунчи-хана показывают совсем иной весовой стандарт. Для датированной монеты 916 г. х. с его именем, опубликованной А. К. Марковым, вес не приведен². Однако три неопубликованные монеты Государственного исторического музея (ГИМ) удалось взвесить. И хотя сами они не имеют или не сохранили (легенды поля частично стерты) дат их выпуска, они могут быть датированы надчеканом 917 г. х., имеющимся на одном из этих трех монет. Наличие надчекана 917 г. х. говорит о том, что сами монеты выпущены в 916 г. х. или в самом начале 917 г. х., т. е. примерно в середине 917 г. х. Мавераннахром овладел Бабур. Вес их — 4,0 гр., 4,47 гр. и 4,49 гр., т. е., округляя — 4,0 гр. и 4,5 гр. При среднеазиатском мискале XVI в. (установленном взвешиванием большого количества серебряных и медных монет в сопоставлении со свидетельствами юридических документов XVI в.) в 4,8 гр.³ вес этих трех тенег Кучкунчи-хана следует признать равным именно мискалю со случайным отклонением от среднего и законного веса у одного экземпляра и обычным отклонением у остальных двух.⁴

Таким образом, установление одномискальной по весу теньги после периода выпуска более полновесного серебра принадлежит именно Кучкунчи-хану и было произведено еще до вторичного, окончательного провозглашения его хаканом в 918 г. х. А отсюда следует, что после смерти Шейбани-хана одновременно выпускались монеты разного веса, не говоря уже о старых разновесных чеканах серебра.

Сложность обращения разновесных групп монет усугублялась еще и надчеканами. Так, в 917 г. х. было произведено надчеканение серебра по приказанию Бабура, в период его владычества над Мавераннахром. Этот надчекан изменил курсовое соотношение монет или же произвел очередную перегруппировку серебра вокруг старого курса.

Аналогичное мероприятие было проведено и Кучкунчи-ханом уже после окончательного провозглашения его хаканом. Надчекан Кучкунчи-хана вновь произвел курсовую перетасовку в массе разнообразного обращающегося на рынке серебра.⁵

Таким образом, ко времени реформы Кучкунчи-хана на рынке имелись самые разнообразные по весу и по внешнему виду серебряные монеты: 1) тимуридские одномискальные теньги и их кратные; 2) тимуридские же монеты, но надчеканенные Шейбани-ханом; 3) более высокого веса монеты Шейбани-хана, выпущенные при его жизни; 4) одномискальные монеты с именем Кучкунчи-хана; 5) монеты, надчеканенные Бабуром; 6) монеты, надчеканенные Кучкунчи-ханом; 7) более высокого веса монеты, битые после смерти Шейбани-хана, но с его именем.

1. Tiesenhausen, W. Notice sur une collection de monnaies orientales de M. le comte S. Stroganoff. St. Pet., 1880, p. 40, № 69.

2. Марков, А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб. 1896, стр. 637, № 7.

3. Давидович, Е. А. К вопросу о размерах мискаля и батмана в Самарканде и Бухаре XV — первой половины XVIII веков. Доклады АН УзССР, 1951. № 5, стр. 51—52.

4. Документальные свидетельства, легенды некоторых динаров и выявленный средний вес разных групп монет позволили заключить, что ремедиум XVI в. равнялся нузуду или полудангу. т. е. был в пределах 0,2—0,3 гр.

5. Давидович, Е. А. К вопросу о курсе и обращении серебряных монет в государстве Шейбанидов Труды САГУ. Новая серия, в. 11. Гуманитарные науки, кн. 3. Ташкент, 1950, стр. 145.

Именно как следствие сложности обращения и курсового соотношения серебряных монет на рынке следует понимать тот факт, что в вакуфной грамоте медресе Шейбани-хана в Самарканде, первой четверти XVI в. (20-е гг. X в. х.) все денежные исчисления приведены в медных динарах (чекан и обращение которых ко времени составления вакф-намэ были уже упорядочены), причем медные динары сопоставлены не с монетами из серебра, а серебром-металлом, ибо для контроля указано равенство определенного числа упомянутых медных динаров и мискаля чистого серебра.¹

Поскольку на рынке ходили разновесовые группы монет и не было уверенности, что возвращение Кучкунчи-хана к одномискальному стандарту окажется прочным установлением (тем более, что и после этого выпускались теньги более высокого веса) — не было смысла исчислять денежные установления, рассчитанные на долгий срок, в каких-то определенных монетных единицах. При всех в дальнейшем еще могущих последовать изменениях (на возможность которых указывали обе весовые реформы Шейбани-хана и Кучкунчи-хана с промежутком между ними не более 4—5 лет) прочнее было иметь дело с серебром-металлом. При любом курсе и весе будущей теньги к ней легко было сделать пересчет от мискаля серебра.

Для понимания денежной реформы Кучкунчи-хана и условий ее определивших, еще более показательно и интересно обращение меди после Мухаммед-Шейбани-хана. Анализ неопубликованных кладов медных монет показал, что медь на этом этапе особенно усиленно и самыми разнообразными способами эксплуатировалась для извлечения доходов и из ее чекана и из ее обращения, что привело впоследствии к серьезно му кризису денежного обращения.

Прежде всего в 917/1511-12 г. резко был понижен вес медных монет. Факт проведения этой весовой реформы демонстрируется самими медными очень многочисленными монетами 917—919 гг. х. преимущественно по двум крупным неопубликованнымкладам — т. н. «самаркандскому кладу» и «ташкентскому кладу»². Большое количество медных динаров этих лет позволило автору установить их средний и законный вес и проследить его изменения особенно четко по чекану Бухары и Самарканды. Чекан 917 г. х., в частности, хорошо представлен монетами Бухары (табл. № 1, рис. 1), вес которых колеблется в пределах 2,6—3,4 гр., но наибольшее число экземпляров показывает вес в 3,1—3,2 гр., каковой и следует поэтому считать установленным в этом году законным весом медных динаров Бухары. При пересчете на восточные метрические единицы этот вес соответствует четырем дангам или двум третям («сульсани») мискаля (исходя из вышеупомянутого мискаля в 4,8 гр.).

918/1512-13 г. великолепно просматривается по чекану уже в Бухары и Самарканды. Самаркандские медные динары этого года дают несколько типов по внешнему оформлению (картушу, орнаменту, легенде), причем все они по весу делятся на две группы. Первая группа (табл. № 1, рис. 4) дает вес в 3,1—3,2 гр., как и бухарские медные дина-

¹ Вакф-намэ-и хазрет-и Шейбани-хан, рукопись ИВ АН СССР, рукописный отдел, № е. 574, аг. л. 106 а—б.

² «Самаркандский клад» был найден в 1925 г. в Самарканде и ныне хранится в самаркандском Музее истории культуры узбекского народа (заявлено и описано И. А. Сухаревым в порядке краткого каталожного описания). Он содержит около трех тысяч медных и три серебряных монеты. «Ташкентский клад» найден в районе Ташкента, хранится в кабинете кафедры археологии Средней Азии САГУ. Он содержит 74 медных монеты.

ры предшествующего года. Т. е. тип медных самаркандских динаров, изображенный на рис. 4, примыкая по весу к 917 г. х., является по времени выпуска ранним типом второго, 918 года х. среди всех остальных типов этого года. Вторая группа, включающая в себя 6 типов (табл. № 1, рис. 5—10), показывает новое небольшое понижение веса до 2,8 гр., т. е. на 0,3—0,4 гр., причем из всех типов этой весовой группы наиболее поздним по времени выпуска его в 918 г. х. является тип, изображенный на рис. 10, т. к. он же дает основную массу монет следующего, 919/1513-14 г.

Медные динары Бухары 918/1512-13 г. также дают две весовые группы, однако обе они отмечаются в пределах одного и того же типа (табл. № 1, рис. 2). Бухара вообще была консервативна в этом отношении и много реже Самарканда меняла типы своих медных монет. Также и в 918 г. х. она обильно и долго чеканила один и тот же тип, но, подобно Самарканду, внутри 918 г. х. пережила новое небольшое снижение веса медных динаров. Чеканенный в этом же году в Бухаре еще один тип представлен единичными экземплярами, почему с уверенностью приурочить его к одной из двух названных весовых групп пока не представляется возможным.

Следующий 919/1513-14 г. представлен чеканом Самарканда, причем нормальный вес медного динара (2,8 гр.) примыкает ко второй весовой группе монет 918 г. х. Из двух типов медных динаров 919 г. х. тип, изображенный на рис. 10, является ранним по времени чекана его в этом году. Второй тип (рис. 11), представленный немногочисленными экземплярами, сменил первый и по весу соответствует второй группе.

Таким образом, за 917—919 гг. х. вес медного динара бы резко понижен, более чем на два грамма по сравнению с весом, принятым в предшествующем чекане, причем двумя приемами, сначала до 3,1—3,2 гр., а затем еще на 0,3—0,4 гр., так что в 918—919 гг. х. достиг минимального для всего раннего чекана XVI в. веса в 2,8 гр.

Выявление веса медного динара за рассматриваемые годы позволило датировать некоторые типы медных монет (обильно представленные в «самаркандском кладе», а также среди разрозненных монет разных музейных собраний), датировка которых до этого казалась затруднительной, т. к. в их легендах год выпуска не указан. Сравнение же их типа с типами датированных монет само по себе, не подкрепленное еще какими-либо данными, не могло бы считаться убедительным аргументом для определения года их выпуска, т. к. в чекане медных монет иногда много лет спустя возвращались к уже ранее употреблявшемуся типу (т. е. картушу и орнаменту). Однако сочетание рассмотрения и типов и веса дает совершенно бесспорную картину. Из таких недатированных монет именно к 918 г. х. точно приурочиваются четыре типа (табл. № 2, рис. 1—4).

Всего, следовательно, для чекана Самарканда за один лишь 918 г. х. уже выявлено 11 типов, из которых два составляют первую, раннюю весовую группу (в. 3,1—3,2 гр.), а остальные девять — вторую группу (в. 2,8 гр.).

При наблюдении за весом бросается в глаза, что для каждого данного отрезка времени вес этот по разным городам был строго определенным и одинаковым. Следовательно, медный чекан, как и серебряный, находился в руках и под контролем государства, которое само для всех входящих в его состав городов устанавливало вес монет и все изменения этого веса. Т. е. во всем государстве чекан даже меди производился на основе единой общегосударственной монетной стопы. А поскольку

ЧЕКАН БУХАРЫ
МЕДНЫЕ ДИНАРЫ

917г.

рис. 1

918г.

рис. 2

918г.

рис. 3

ЧЕКАН САМАРКАНДА
МЕДНЫЕ ДИНАРЫ

918г.

рис. 4

918г.

рис. 5

918г.

рис. 6

918г.

рис. 7

918г.

рис. 8

918г.

рис. 9

918-919г.

рис. 10

919г.

рис. 11

Таблица 1
Реконструкция типов.

все весовые изменения не были стихийными, осуществляясь государственной властью, — это уже само по себе говорит о характере и значении весовых колебаний. Значительное снижение веса медных монет против привычного и установленного за предшествующее время при необычайно обильной эмиссии в сочетании с курсом, также устанавливаемым го-

ЧЕКАН САМАРКАНДА

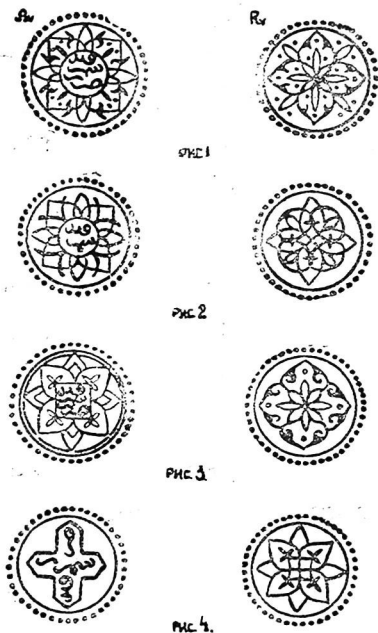

Таблица 2
Реконструкция типов.

сударством, должно было внести свою лепту в доходы от монетного чекана. А историческая обстановка была такова, что, несомненно, из монетной регалии всеми возможными путями выжимали фискальные доходы. В этой связи нужно отметить два момента. Во-первых, эти годы были неблагоприятны в смысле внешнеполитическом. После гибели в 916/1510 г. Мухаммед-Шейбани-хана началась борьба между шейбанидами, с одной стороны, и Бабуром и кызылбашами, с другой. Некоторое время Бабур даже владел Мавераннахром, причем центром его

был Самарканд. После битвы при Куль-Мелике в сафаре 918/1512 г. и победы узбеков произведен был раздел областей, и Самарканд достался Кучкунчи-хану с Мухаммед-Тимур-султаном, а Бухара — Убайдулла-хану. А именно 918 г. х. в Бухаре и Самарканде дал особенно обильный чекан меди (даже по сравнению с 917 г. х. и 919 г. х. для тех же городов), а по Самарканду к тому же многообразию в большинстве случаев последовательно сменявшихся типов. Несомненно, Бабур, а затем узбеки интенсивно использовали монетную регалию, как один из источников доходов, в которых одинаково нуждались оба враждующие лагеря. Второе обстоятельство, которое должно было приводить к аналогичным результатам — уже упомянутое внутреннее неустойство в государстве шейбанидов и несогласия, связанные с вопросом престолонаследия.

При рассмотрении чекана за 917—919 гг. х. подчеркивалось, что резкое, более чем на 2 гр., снижение веса медных динаров произошло именно в 917 г. х., а в весовом отношении монеты всего этого периода делятся на две группы:

- 1) 917 г. х. — 918 г. х. — 3,1—3,2 гр.
- 2) — 918 г. х.—919 г. х.—2,8 гр.

Бабур овладел Мавераннахром примерно в середине 917 г. х., и изгнан был в сафаре 918 г. х. (т. е. на втором месяце этого года), после чего окончательно воцарились узбеки. Поэтому обе весовые группы великолепно укладываются в рамки двух периодов владычества над Мавераннахром сначала Бабура, а потом узбеков. Отсюда сам напрашивается вывод, что резкое снижение веса медных монет, произведенное в целях фикса в 917 г. х., явилось результатом распоряжения именно Бабура, который по этой же им установленной монетной стопе продолжал чеканить и в начале 918 г. х. После прихода к власти узбеков они не только не вернулись к старому высокому весу, но даже еще несколько понизили вес Бабура. По этой, еще более заниженной, монетной стопе медные динары чеканились остальную часть 918 г. х. и 919 г. х. Этот вывод любопытно подтверждается и типами самаркандских динаров 918 г. х. Из 11 сейчас выявленных типов этого года только два типа принадлежат первой весовой группе этого года, соответствуя краткому двухмесячному в 918 г. х. владычеству Бабура. В остальные более чем десять месяцев этого года выбиты были 9 других типов с новым весом. Таким образом, деление меди 918 г. х. в весовом отношении на две столь неравные по количеству типов группы великолепно укладывается в хронологические рамки политических событий этого года, подтверждая высказанное положение.

Однако политическая обстановка этих лет, объясняя резкое изменение монетной стопы поисками новых средств дохода сначала Бабуром, а потом узбеками, не дает вместе с тем прямого объяснения второму, связанному с этим явлением — обилию чекана за эти годы, притом такому, какого не знал весь период конца XV, начала XVI веков.

Необычайный по сравнению с другими периодами количественный выпуск меди, особенно в 918 г. х., прекрасно иллюстрируется простыми цифровыми данными по двум упомянутымкладам — «самаркандскому» и «ташкентскому». В «самаркандском клада» всего 1308 медных кружков чекана Самарканда, но из них 1196 монет, т. е. 91,4% биты в 917—919 гг. х.; бухарских монет всего 680, из них 580, т. е. 85% также относятся к чекану 917—918 гг. х. За один 918 г. х. по этим двум городам наличествует 1442 монеты, т. е. более 80% чекана за период 917 — 919 гг. х.

По «ташкентскому кладу» из 45 датированных монет 34 экземпляра

(т. е. более 77%) чеканены в 918 г. х. В музейных собраниях среди разрозненных медных монет XVI в. преобладают экземпляры также именно этих годов чекана, а особенно 918 г. х. Наконец, среди зарегистрированных, но не сохранившихся кладов медных монет преобладают клады также с монетами этих трех лет.

Однако произвольно увеличенный количественный выпуск меди не дал бы положительных результатов, т. к. рынок просто не поглотил бы излишки чекана, ибо масса денег, обращающихся на рынке, не может быть определена сверху, а зависит от трех факторов: движения цен, суммы обращающихся товаров и быстроты обращения денег, причем «Вариации различных факторов могут взаимно компенсировать друг друга таким образом, что, несмотря на их постоянную изменчивость, общая сумма товарных цен, подлежащих реализации, остается постоянной, а потому остается постоянной и обращающаяся масса денег». Исключение составляют периоды сильных потрясений¹. Следовательно, и в рассматриваемом случае необычайно увеличенный выпуск меди (притом поглощаемый рынком, т. к. выпадение ее в клады началось значительно позже) уже сам по себе свидетельствует о как-то изменившемся экономическом положении страны. И очень интересным подтверждением этому является свидетельство В о с и ф и о необычайном голоде и нужде в Самарканде, вызванных, якобы, снежной зимой 918 г. х.² Несомненно, трудности суровой зимы также могли оказать известное влияние на жизненный уровень масс, что, как легко бросающееся в глаза, и поставил в прямую и единственную зависимость восточный автор. Однако отмеченный им сильный голод и несомненное подорожание жизни должны были иметь и более глубокие основания.

Естественно, одной из причин явилась разорительная для населения непрекращающаяся после смерти Мухаммед-Шейбани-хана борьба между Бабуром, кызылбашами и узбеками, причем — что особенно в этой связи существенно — на территории самого Мавераннахра. Несомненно эти внешнеполитические (а также отмеченные выше внутрдинастические) осложнения, создавая неуверенность положения и прямо разоряя население, вызвали рост цен. Рост же цен и потребовал нового притока средств обращения, необходимых для обмена в новых условиях, т. к. именно товарные цены — по словам К. Маркса — определяют количество обращающихся денег: «Если мы предположим, что масса товаров дана, то масса находящихся в обращении денег будет увеличиваться и уменьшаться вместе с колебаниями в ту и другую сторону товарных цен. Она растет и падает в зависимости от того, повышается или понижается сумма цен товаров вследствие изменения величины цен. При этом нет никакой необходимости в том, чтобы одновременно повышались или понижались цены всех товаров. Повышения цен известного числа ведущих товаров в одном случае, понижения их цен в другом случае достаточно для того, чтобы заметно повысить или понизить подлежащую реализации сумму цен всех обращающихся товаров, а следовательно и для того, чтобы привлечь в сферу обращения больше или меньше денег. Отражает ли изменение цен товаров действительное изменение стоимости их

¹ Маркс, К. Капитал, т. 1, Госполитиздат, 1949, стр. 129.

² Болдырев, А. Н. Мемуары Зайн ад-дина Восифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI веков. Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. II, Л., 1940, стр. 226—227. Глава эта в разных рукописях датируется различно, но автор по ходу событий и пр. устанавливает, что это могло быть только в 918 г. х.

или представляет собой просто колебание рыночных цен, влияние на массу средств обращения в обоих случаях одинаково»¹.

Таким образом, обильный чекан меди в 917—919 г. г. х., особенно в 918 г. х.; поглощение рынком всего множества выпускаемых денег; отмеченный в письменном источнике для того же 918 г. х. голод в Самарканде; несомненно разорительные для населения военные действия 917—918 г. г. х. на территории самого Мавераннахра — все это вместе взятое, подтверждая друг друга, свидетельствует о том, что этот период для Средней Азии был временем более или менее серьезных экономических потрясений, понижения жизненного уровня и роста цен во всяком случае на основные виды продуктов, результатом чего и явилось установленное анализом кладов и монет значительное количественное увеличение выпуска меди.

К сказанному нужно добавить, что на этом же отрезке времени медный чекан и обращение особенно интенсивно с фискальной целью эксплуатировались не только путем уменьшения веса монет (что при обычно обильном выпуске должно было принести порядочные доходы), но и путем различных махинаций с курсом медных монет. Анализ упомянутых кладов и всего обращения меди в целом показал, что медь на рынке XVI в. обращалась по тем же законам, что и серебро, почему и эксплуатация медной регалии осуществлялась в тех же формах, что и серебряной. А это значит, что основным приемом извлечения доходов из обращения меди были обычно перегруппировка разнотипных монет по признаку «старых» и «новых» (без изменения самого законного курса «новых», выраженного равенством динара определенному числу самых мелких медных монеток — пулов и обратно отраженного в серебре) и реже — изменение самого курса. Практическим критерием разнокурсных групп меди (как и в серебре) служил внешний вид монет или надчекан.

Особенно показателен в этом отношении самаркандский чекан 918/1512—13 г. За один этот год в Самарканде было выпущено 11 типов медных динаров, из которых только четыре типа с орнаментом вместо даты на обратной стороне чеканились скорее всего одновременно со сходными по А датированными типами (табл. № 1, рис. 4—6,9), так что за 918 г. х. минимум семь раз внешний вид монет менялся с фискальной целью. К этому нужно добавить еще и надчеканы. За эти годы в том же Самарканде медные монеты были надчеканены минимум дважды, причем разнотипными, т. е. разновременными надчеканами, зарегистрированными по тем же двум кладам.

Первый надчекан в округлой шестилепестковой розетке оказался на разнородных медных монетах, в том числе на самаркандских экземплярах 914 г. х. и на бухарских 917 г. х., что позволяет датировать этот тип надчекана концом 917 г. х. или скорее 918 г. х. Второй надчекан в четырехлепестковом картуше совсем других легко отличимых очертаний также оказался на разнородных монетах, в том числе на бухарских 918 г. х., что позволяет этот надчекан отнести к более позднему времени — уже к 918 г. х. или даже 919 г. х. На последовательность и разновременность этих двух типов надчеканов указывает и наличие их иногда на одном и том же монетном кружке.

Из всего сказанного следует, что рассматриваемые годы в целом характеризовались двумя факторами: серьезными экономическими затруднениями, ростом цен на товары, подорожанием жизни и соответственно обильным выпуском средств обращения; и исключительно интенсивной

¹ Маркс, Н. Капитал, т. I. Цит. раб. стр. 125.

и разнообразной по формам эксплуатацией чекана и обращения медных монет.

С 919 г. х., особенно в начале 20-х гг. X в. х., начинается неуклонное выпадение вклады до того обращавшихся медных монет. Это свидетельствует о том, что в связи с улучшением и упорядочением внешне и внутривосточного положения в стране Средняя Азия начала выходить и из своих внутривосточных затруднений, что выразилось в падении цен на товары и привело к тому, что часть средств обращения оказалась излишней и ненужной. Однако улучшение экономического положения в виде падения цен до какого-то нормального уровня еще более усилило и расширило кризис денежного обращения, который не мог прекратиться стихийно, а потребовал от государственной власти ряда мероприятий, которые также выясняются анализом самих монет и юридических документов.

Кризис денежного обращения охватил и медный и серебряный чекан. В силу того, что медь в государстве шейбанидов, несмотря на несомненную и значительную разницу между ее курсовым и металлическим содержанием, обращалась по всем законам, характеризующим валютный металл, — отношение медных и серебряных монет не было произвольным, а пропорционально отражало рыночное отношение этих двух металлов¹. Поэтому резкое уменьшение веса медных монет в 917—919 гг. х. (почти в два раза по сравнению с ранее установленным) должно было привести к падению покупательной способности медных динаров, к резкому расхождению рыночного и законного курсового отношения медных и серебряных монет, к недооценке серебра в меди и к тезаврации серебра.

Исчезновение серебра из обращения несомненно должно было ускориться после 919 г. х., когда, вследствие выхода из экономических затруднений, цены на товары стали падать, излишки обильно начеканенной меди уже не поглощались рынком, медь большими массами начала выпадать из обращения, что еще больше дискредитировало ее в глазах населения, т. е. еще более значительной делало недооценку серебра. Не случайно поэтому, что среди всех серебряных монет Кучкунчи-хана (27 неопубликованных и 26 опубликованных) ни одна не принадлежит чекану 918—920 гг. х., хотя в 918 г. х. Кучкунчи-хан был окончательно провозглашен хаканом, так что выпуск монет с его именем получал не только экономическое, но и политическое значение признания его всеми султанами (табл. № 3).

Отсутствие серебряных монет Кучкунчи-хана за первые три года его хаканствования во всяком случае говорит за то, что если даже выпуск и имел место, то был крайне малочисленный. (А судя по другим примерам, в XVI в. выпуск именно в первый год провозглашения нового хакана обычно был самый обильный). Кажется, что причиной этого были не какие-то политические соображения, а именно исчезновение серебра из торгового оборота. При этом условии если бы даже сам Кучкунчи-хан (подобно Шейбани-хану) обладал достаточным количеством металла, чтобы организовать выпуск тенег, это мероприятие сразу потерпело бы крах, ибо выпущенные серебряные монеты, в силу того, что причины исчезновения серебра не были ликвидированы, тоже быстро исчезли бы и не вернулись в казну. Да, кроме того, ни Кучкунчи-хан, ни другие удельные владетели уже не обладали достаточным количеством металла, чтобы обойтись без свободного чекана.

Полное расстройство денежного обращения, пагубно влиявшее на

¹ Давидович, Е. А. К вопросу о курсе... цит. раб., стр. 137 и сл. Также автореферат диссертации автора на тему: «К денежному обращению в государстве шейбанидов (XVI в.)». Ташкент, 1949, стр. 6, 12.

Чекан Кучкунчи-хана
(серебряные тениги)

Таблица 3

Год хиджры.	Самар- канд	Куфин	Бухара	Хисар	Балх	Урду	Герат	Мешхед	Исфе- раин	Без города
916	○									
917										
918										
919										
920										
92 . .			○							
921			○							○
922										
923								○		
924		○				○				
925	○							○		
926			○							
927										
928										
929										
930			○							
931										
932										
933										
934			○							
935										
936										
6. г.	○		○	○	○	○	○	○	○	○

торговлю и те части доходов государя, которые в той или иной форме выражались деньгами, заставили Кучкунчи-хана провести ряд мероприятий, которые падают на начало 20-х гг. X. в. х.

Прежде всего был повышен вес медного динара, что засвидетельствовано самими монетами. Это создало реальную базу для восстановления нормального курсового отношения медных и серебряных монет и соответственно — возвращения серебра на рынок. И действительно, с 921—923 гг. х. начался регулярный чекан серебра в разных городах шейбанидского государства. Реальный вес этих монет показывает, что теньги Кучкунчи-хана с 921/1515—16 г. (как и при его эпизодическом выпуске 916—917 гг. х.) чеканились весом в один мискаль. Таким образом, начав систематический чекан с 921 г. х., Кучкунчи-хан вторично отказался от весового стандарта Мухаммед-Шейбани-хана.

Естественно возникает вопрос о причинах такой весовой реформы Кучкунчи-хана, впервые намеченной еще в 916—917 гг. х. и вторично подтвержденной послекризисным чеканом. Едва ли основной причиной можно считать влияние денежных систем соседних государств — Сефевидов и Великих Моголов, тем более, что и торговые сношения с ними в XVI в. были не такие уже интенсивные. Да кроме того, одномискальный весовой стандарт у Сефевидов, например, даже и не оказался прочным и неизменным. Только ранний чекан Исмаила I, базируясь на кратных нухуда, имел одномискальную монету, но в 928 г. х. он уже изменил весовой стандарт для серебра. На короткое время к одномискальному стандарту вернулся Тахмасп, по этой же стопе чеканил Мухаммед Худабенде и Аббас I в первые годы своего правления, однако последний уже в 1006 г. х. опять изменил весовой стандарт¹.

Поэтому если уж говорить о возможных внешних причинах, то скорее здесь следовало бы видеть не столько взаимовлияние денежных систем трех держав, сколько следование привычной денежной системе тимуридов, в равной мере питавшей силой традиции денежные системы всех трех названных государств.

Однако в Средней Азии тимуридский чекан по одномискальной монетной стопе был прерван реформой Мухаммед-Шейбани-хана, и для отмены его авторитетных установлений одной внешней причины (желания следовать более привычному весу в один мискаль) было бы недостаточно, хотя какую-то второстепенную роль это и могло сыграть. Но основная причина должна быть более глубокой и внутренней.

Как уже говорилось, при Мухаммед-Шейбани-хане одномискальные тимуридские теньги, допущенные к обращению, получили курс, соответствующий их металлическому содержанию, причем тогда один мискаль серебра равнялся двадцати медным динарам. Такой же курс серебра-металла сохранился и впоследствии, при Кучкунчи-хане, что следует из свидетельства уже упомянутой вакф-намэ медресе Шейбани-хана в Самарканде, где мискаль серебра тоже приравнен к 20 медным динарам.

Монеты Мухаммед-Шейбани-хана весом, как установлено анализом его реформы, в один мискаль и половину данга мискаля, т. е. в 5,2 гр., обращались в свое время по завышенно-принудительному курсу. А при равенстве мискаля серебра 20 медным динарам, мискаль и полданга мис-

1. Ravano, H. L. Coins of the Shahs of Persia. Reprinted from the „Numismatic Chronicle,” ser. IV, vol. VIII, London, 1908, pp. 2-5;

Whitehead, K. B. Some notable Coins of the Mogul emperors of India. part. 1. Reprinted from the „Numismatic Chronicle,” ser. 5, vol. III, 1923; Wright N. H. Catalogue of the Coins in the Indian Museum Calcutta, vol. IV, Oxford, 1908.

каля серебра, т. е. 5,2 гр., выразить целым числом динаров было невозможно: $4,8 \text{ гр.} : 20 = 5,2 \text{ гр.} : x$.

$$X = \frac{20 \cdot 5,2}{4,8} = 21,667 \text{ динаров.}$$

Поэтому шейбаниханский весовой стандарт был непригоден в таких условиях обращения, когда металлическое и курсовое содержание монет должны были находиться в соответствии. Кажется поэтому несомненным, что причиной перехода Кучкунчи-хана на одномискальный стандарт было именно желание отказаться от принудительного курса своего предшественника, что проще всего было сделать с помощью этой весовой реформы, в результате которой и мискаль серебра-металла и новая одномискальная теньга с именем Кучкунчи-хана одинаково равнялись 20-медным динарам.

В 916—917 гг. х. эта весовая и курсовая реформа могла быть продиктована также и политическими соображениями. В период, когда среди шейбанидов после смерти основателя государства образовались упомянутые три группировки, сторонники Кучкунчи-хана для упрочения его положения и привлечения на его сторону торгово-феодалной верхушки сразу же ликвидировали всегда нежелательную в торговле принудительность курса монет. Но эти побочные соображения могли только ускорить и упрочить реформу.

Основная же причина отказа от принудительного курса для теньги и перехода для этого на одномискальный стандарт заключается, несомненно, в том, что при Кучкунчи-хане уже невозможно было осуществлять чекан серебряных монет только из государственного металла.

Как выше уже говорилось, Шейбани-хан смог перейти на чекан из государственного металла только вследствие большой военной добычи. Но ни у Кучкунчи-хана, ни у других султанов не могло уже быть больших запасов серебра, тем более, что в течение некоторого промежутка времени они вообще не владели Средней Азией, т. е. были лишены налоговых поступлений; а после изгнания Бабура и кызылбашей, в силу усугубившегося денежного кризиса и исчезновения серебра, приток серебряных монет в казну также мог быть только очень незначительным.

А так как рынок нуждался в серебряной монете (причем новой и определенной монете после периода обращения самого разнообразного серебра) — назрела необходимость начать выпуск тенег, который мог быть осуществлен лишь в форме свободного чекана, т. е. из металла любого частного лица.

Переход на свободный чекан был тем проще, что не лишал государя определенных доходов от чекана в виде отчислений какой-то части монет у владельца металла, а вместе с тем позволял упорядочить обращение на основе соответствия курсового и металлического содержания серебряных монет.

Таким образом, денежная реформа Кучкунчи-хана, осуществленная, может быть, и не одновременно, но за короткий отрезок начала 20-х гг. X в. х. (2 пол. 2 дес. XVI в.), слагалась, судя по нумизматическим данным, из нескольких мероприятий: 1) перехода от чекана из государственного металла к свободному чекану серебряных монет; 2) для этого — приведения в соответствие курсового и металлического содержания вновь выпускаемых тенег; 3) для этого в свою очередь — изменения веса серебряной теньги по сравнению с шейбаниханскими теньгами и перехода на одномискальный стандарт; 4) а для ликвидации условий тезавраций серебра — повышения веса медного динара и восстановления

пропорционально-валютного отношения серебряных тенег и медных динаров.

Субъективно реформа Кучкунчи-хана была направлена на восстановление и упорядочение окончательно расстроенного денежного чекана и обращения, в чем особенно нуждалась торгово-феодалная верхушка и сама государственная власть, но объективно эта реформа ускорила и подтолкнула развитие новых явлений обращения, вытекающих целиком из удельного устройства государства.

2.

Организация чекана серебра после Кучкунчи-хана

Свободный чекан серебра, установленный реформой Кучкунчи-хана, судя по некоторым косвенным свидетельствам, сохранился и при всех остальных шейбанидах до конца династии. Прежде всего за это говорят вес и проба серебряных тенег XVI в.

При выпуске монет обязательные расходы складываются в основном из двух элементов: потери некоторой части металла в процессе изготовления монет (т. н. «угара») и расходов в той или иной форме по содержанию персонала. При чекане из государственного металла в древности и средневековье покрытие этих расходов и дополнительное извлечение доходов осуществлялись снижением веса монет, добавкой лигатуры или комбинацией того и другого. К одному из этих способов прибег и Шейбани-хан, остроумно, однако, замаскировав расхождение веса и курса своих монет.

При свободном чекане вес и проба монет могли и должны были, как правило, оставаться неизменными, ибо прибыль от снижения веса или ухудшения пробы поступала бы не в казну, а тому лицу, которое доставило металл, или же — при нелегальной фальсификации монетариев — в пользу последних. Поэтому твердый и устойчивый вес и определенная более или менее постоянная проба монет на достаточно длительном отрезке времени могут свидетельствовать именно о свободном чекане серебра.

Взвешивание большого количества тенег шейбанидов, начиная с Кучкунчи-хана и до последнего государя династии, Пир-Мухаммед-хана II, показало, что они неизменно чеканились весом в один мискаль с нормальными при средневековой технике отклонениями от среднего и законного веса.

О неизменности веса серебряных монет говорят и разновременные официальные юридические документы (васика и вакф-намэ) XVI в., в которых при упоминании тенег всегда подчеркивается, что они весят именно один мискаль¹.

И даже при нелегальной порче и всяких злоупотреблениях на вес монет явно не посягали, о чем косвенно свидетельствует рассказ Хафиза Таныша о чекане золота в Бухаре. Ниже приводимые новый перевод и толкование этого отрывка позволяют заключить, что при проверке монет на монетном дворе Абдулла-хан обнаружил единственное

¹ См. например: «Из архива шейхов Джуйбари». Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI века, М.—Л., 1938 (т. 1.—тексты); «Маджмуэ-и весаяк». Рукопись Института Востоковедения АН УзССР инв. № 1386; разновременные вакф-намэ и васика того же Института, а особенно — Центрального исторического архива УзССР, фонд № 323, документы №№ 18, 12, 24, 1, 2 и др.

злоупотребление — порчу золота лигатурой, но никаких занижений веса против им же установленного веса в один мискаль обнаружено не было, почему специально даже и не оговаривается.

Порча монет систематически тоже, несомненно, не практиковалась, хотя теньги XVI в. с точки зрения процента лигатуры явно не одинаковы. Монеты из худшего металла начинают появляться уже со времени Науруз-Ахмад-хана (959/1551-2—963/1556), однако и при нем и позже наряду с такими кружками одновременно чеканились и функционировали более чистые, звонкие, что исключает возможность видеть здесь преднамеренную регулярную и государственную порчу, как постоянный источник извлечения фискальных доходов. Скорее здесь следует видеть случаи нелегальной фальсификации или недостаточную очистку металла от посторонних примесей.

Кроме того, во всех уже упомянутых юридических документах XVI в. при описании серебряных тенег особо всегда подчеркивается их полная внутренняя и внешняя доброкачественность (группа «тенгэ-и нокрэ, сэрэ пакизе»). Если бы порча монет была постоянной государственной практикой, в официальных документах не акцентировалось бы внимание на описании качества монет и не подчеркивалось бы всегда и категорически, что теньги эти серебряные, без внешних изъянов и чистые по содержанию металла.

Но особенно в этой связи интересно и показательно упомянутое сообщение Хафизы Таныша о чекане золота в Бухаре при Абдуллахане. Текст и перевод этого места приведены у В. В. Вельяминов-Зернова. После сравнения его текста с соответствующим стрывком «Абдулла-намэ» по рукописи Института Востоковедения АН УзССР (инв. № 2207, л. 463-а) существенных разночтений обнаружено не было. Однако перевод этого места представляется имеющим совсем не тот смысл, который ему придал В. В. Вельяминов-Зернов, а также И. И. Умянков¹, почему считаю необходимым и текст и переводы привести здесь полностью.

... فرمان داد که زر را از غش پاک سازند و پلرایک مثقال زده اساس قلابی را از بیخ براندازند و خود بذات شریف متوجه شده صاحب عیار را نرا طلبید و زر ایشانرا در حضور خویش گاه بسته عیارانرا مشخص کردانید و با وجود آنکه در عیار زر دو نخود بیش تفاوت ظاهر نبود بنابر غیرت اهل عالم و سیاست جههور بی آدم از ایشان مبلغی کرا مند گرفته زجر فرمود...

В. В. Вельяминов-Зернов переводит этот отрывок следующим образом:

«Приказал (Абдулла), чтобы золото употребляли чистое и чтобы, чеканя монету в один мискаль, не позволяли себе подделывать ее. Он сам отправился, потребовал чеканщиков, и в своем присутствии велел расплавить их золото и освидетельствовал чекан: в чекане золота оказалась разница (против узаконенного веса) не более как на два грана; однако же, в пример людям и в устрашение народу, он взыскал с виновных значительную сумму».

¹ Вельяминов-Зернов, В. (В). Монеты бухарские и хивинские. Труды Восточного Отделения Археологического Общества, ч. IV. СПб., 1859, стр. 400—401; Умянков, И. (И). Некоторые сведения об «Абдулла-намэ» Хафизы Таныша (XVI в.). Труды Самаркандского Гос. пед. ин-та, т. II, в. 2. Самарканд, 1949, стр. 1.

Перевод И. И. Умнякова отличается лишь некоторыми деталями:

«Приказал (Абдулла-хан), чтобы золото очистили от примеси и чтобы, чекана монету в один мискаль, с корнем уничтожили какую-либо подделку. Он самолично отправился, потребовал чеканщиков и в своем присутствии (велел) расплавить их золото и освидетельствовал чекан. Несмотря на то, что в чекане золота оказалась разница (против узаконенного веса) не более как на два нухуда, он в пример людям и устрашение народу, приказал взыскать с них (виновных) значительную сумму денег».

Слово «айяр» и соответственно «сахиб-и айяр» и там и здесь передано просто как «чекан» и «чеканщик», в силу чего и недостача в два нухуда, обнаруженная Абдулла-ханом, отнесена к весу выпускаемых монет. Но первоначально и главное значение этого слова — проба золота и серебра. И в восточных толковых словарях (например, в «Гияс-ал-Лугат») и в европейских словарях прежде всего отмечается именно это его значение затем иногда «вес», но никогда «чекан».

Второй момент, указывающий на то, что в данном тексте под словом «айяр» следует понимать именно «пробу» — это сама причина, приведшая Абдулла-хана на монетный двор — нарушение его установления относительно чекана золота, ибо в приказе упор был сделан именно на пробу: Абдулла-хан приказал, чтобы золото очищали от лигатуры и отбросили в корне принцип подделывания монет.

И третий наиболее существенный момент, совершенно не позволяющий переводить термин «айяр», как «чекан», а обнаруженную недостачу отнести к весу монет — сам технический характер проверки, произведенной Абдулла-ханом. По переводам двух названных авторов монеты для этого были расплавлены (а, может быть, просто собраны в тигель и накалены), что совершенно излишне для проверки веса монет, но зато для определения пробы употреблялось. Например, древнейшим из упоминаемых античными источниками способов выяснения пробы был огневой способ, с накаливанием металла, наблюдением за цветом и т. д. Раскаливание драгоценных металлов на огне, как способ определения их пробы при чекане монет, рекомендует Рашид-ад-дин (в разделе описания реформы Газан-хана (1295—1304) касательно чекана и обращения монет)¹. Вероятно, и в рассматриваемом случае подразумевается накаливание монет, собранных для этого в тигель, или аналогичного характера действие.

Все эти три момента — первое значение слова, контекст самого отрывка и способ проверки — заставляют переводить слово «айяр», как «проба», а «сахиб-и айяр», как «пробирщик» — специалист по установлению пробы, что считалось большим и трудным искусством², хотя в его функции могло входить также наблюдение и за весом, что, однако, по сравнению с определением пробы трудности не представляло.

Поэтому в целом свидетельство Хафизы Таныша получает совершенно другой смысл, и обнаруженное Абдулла-ханом злоупотребление касается не уменьшения веса монет на два нухуда, а добавки двух нухудов лигатуры: Абдулла-хан «приказал, чтобы золото очищали (от

¹ Марков, А. К. Древняя нумизматика, ч. 1. СПб., 1901, стр. 71—72. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. III. Пер. А. К. Арндса, М. — Л., 1946; стр. 272.

² В Греции и Риме, например, это искусство было очень развито и «пробирщики», называвшиеся специальными терминами, использовались при всех крупных платежах, состояли при казне государственной и разных частных обществ и организаций. (См. Маркова, А. К. Древняя нумизматика. Цит. раб., стр. 71—77).

примесей) и, чеканя деньги в один мискаль, в основании отбросили ма-
неру поддельвания монет. А сам, отправившись, потребовал пробир-
щиков и в своем присутствии собрав в тигель (и расплавив?) их золото
заставил определить (его) пробу. И хотя в пробе золота не выявилось
разницы более чем в два нухуда (против установленного содержания
чистого металла)», он соответствующим образом наказал виновных.

Таким образом, если в этом описании и есть доля преувеличе-
ния¹ (поскольку подчеркивается высшая и особая справедливость го-
сударя), все же несомненно, что порча монет не одобрялась и к ней в
больших количествах и регулярно не прибегали. Возможно, наличие
экземпляров с явно довольно значительным процентом лигатуры (на-
ряду с более чистыми монетами) объясняется не столько преднамерен-
ной порчей, сколько качеством самого металла, шедшего на чекан, не-
достаточно хорошо очищаемого.

В этом отношении интересно свидетельство Бутенева 2-го, кото-
рый приводит пробы бухарских монет середины XIX в.: золотых — $90\frac{2}{3}$, а
серебряных — $93\frac{1}{2}$, хотя бухарцы уверяют, что монеты их из совер-
шенно чистого золота и серебра. Вероятно, и в XVI в. некоторый про-
цент лигатуры обычно являлся следствием неумения очищать металл,
что не исключает, конечно, отдельных случаев искусственной порчи
монет. Последнее эпизодически могло иметь место как источник неле-
гальных доходов монетариев или когда государь чеканил из своего
металла, но в отличие от других заказчиков мог иногда использовать
порчу монеты с фискальной целью или чтобы хоть покрыть расходы
по чекану. Но сама эпизодичность порчи монет только подтверждает,
что чекан был именно свободный и, как правило, ни вес, ни проба по-
этому с фискальной целью не использовались.

Еще одним немаловажным моментом, подтверждающим вывод о
сохранении свободного чекана всеми государями после Кучкунчи-хана
является несомненная нехватка в XVI в. у государственной власти се-
ребра-металла, что усугублялось дроблением государства на множе-
ство уделов и отсутствием в каждом даже крупном уделе своих руд-
ников, т. е. своих новых поступлений серебра-сырья. Положение суще-
ственно не менялось возможными эпизодическими притоками серебра
в казну удельных владетелей вследствие довольно частых (особенно в
первой половине XVI в.) походов и набегов на Хорасан, тем более, что
не всегда добыча могла быть именно в виде металла.

Прямыми же свидетельствами нехватки серебра могут быть рефор-
ма Кучкунчи-хана с переходом на свободный чекан, а для последней
четверти XVI в. — попытка ввести чекан золота (Хафизн Таныш) и
просьба Абдулла-хана к русскому царю о разрешении вывезти из
России 1000 рублей серебром на серебряные сосуды и на кого царев
обиход². Последние два момента именно как показатели нехватки
серебра в государстве отметил уже в упомянутых лекциях по нумиз-
матике М. Е. Массон.

Необходимо также оговорить, что свободный чекан Средней
Азии XVI в. не был каким-то исключительным явлением, доказатель-

¹ Можно даже допустить, что в данном случае проверка монетного двора
была продиктована не только и не столько жалобами бухарцев на порчу
золотой монеты, сколько желанием воспользоваться этой проверкой для
получения крупного штрафа в пользу казны, т. к. при средневековой техни-
ке очистки металла всегда можно было случайную примесь объявить зло-
употреблением.

² Паников, А. В. К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—
XVII вв. Сборник в честь В. В. Бартольда. Ташкент, 1927, стр. 33.

ство которого явилось бы опровержением другого общего правила. Наоборот, именно свободный чекан был наиболее обычной формой организации чекана в Средней Азии и Персии позднего средневековья и даже XIX в.

Довольно полные данные по этому вопросу имеются касательно Персии. Так, Артур Эдуардс в 1566 г. писал из Шемахи: «я хотел бы, чтобы вы прислали некоторое количество серебра в слитке для чеканки из него здесь монеты; это очень понравилось бы здешнему государю и было бы для нас выгодно». Далее он подчеркивает те выгоды, которые здесь имеют турки, обладая всегда готовыми деньгами местной чеканки, для чего они привозят с собой серебро в талерах¹.

Адам Олеарий, посетивший Персию в XVII в., свидетельствует о том же, когда сообщает о выгодах, извлекаемых из перечеканки рейхсгалеров и реалов монетчиками, за большую сумму берушими на откуп чекан монет².

Побывавший в Персии в 1770—1772 гг. Гмелин также сообщает о свободном чекане: «...турки по большей части приезжают с наличными деньгами, или с слитками золота и серебра, которое здесь в деньги перечеканивают и гильянами более всех купцов любимы бывают, а притом они шелк им дешевле уступают»³.

Для XIX в. в качестве примера можно привести астрабадский монетный двор, арендованный частным лицом и производивший чекан монет из металла любого желающего⁴.

Свободный чекан в Бухарском ханстве середины XIX в. отмечает Бутенев 2-й: «Металлы для переработки в монету приобретаются там вообще только от вольноприносителей, отдающих для передела находящуюся у них иностранную монету, на которую, в торговле бывает слишком низкий курс, также попадающиеся им слитки драгоценных металлов и негодные к употреблению вещи»⁵.

Итак, свободный чекан в XVI в. после Мухаммед-Шейбани-хана по всей совокупности косвенных свидетельств можно считать не вызывающим сомнения обычным государственным установлением, не исключавшим, конечно, чекан монет из серебра государя, который в этих случаях выступал как один из заказчиков.

При шейбанидах до Абдуллы-хана II чекан серебра оставался децентрализованным, причем монеты выпускались не только в четырех крупнейших уделах — Бухаре, Самарканде, Балхе и Ташкенте, но также в ряде более мелких городов-уделов. Уже по имеющимся сейчас данным опубликованных и неопубликованных монет, кроме четырех названных основных монетных дворов за XVI в., периодически функционировало еще не менее 13 монетных дворов.

При Кучкунчи-хане серебряные монеты чеканились в Самарканде, Бухаре, Балхе, Урду, Куфине и Хисаре, не считая монет с наименованием трех хорасанских городов, Мешхеда, Герата и Исферайна,

¹ Эдуардс, А. Письмо от 8 августа 1566 г. из Шемахи членом «Русской компании». Третье путешествие в Персию, начатое в 1565 г. Ричардом Джонсоном, Александром Китчином и Артуром Эдуардсом. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Пер. Ю. В. Готье. (Л.), стр. 231, 233.

² Олеарий, А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. Пер. Барсова, М. 1870, стр. 729.

³ Гмелин, С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе, ч. III. СПб., 1785, стр. 605.

⁴ Огородников, П. Очерки Персии, СПб., 1878, стр. 33.

⁵ Бутенев, 2-й. Монетное дело в Бухарии. Горный журнал, 1842. ч. IV, кн. XI; стр. 158.

которые образуют особую группу¹. При Абу-Сайд-хане серебро выпускалось в Самарканде, Бухаре, а также Мешхеде²; при Убайдуллахане — в Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Балхе, Куфине, а также Герате; при Абдулла-хане I — в Ташкенте, Самарканде, Бухаре; при Абдуль-Ляtif-хане — в Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Балхе, Хисаре, Кеше, а также Герате¹; при Науруз-Ахмед-хане — в Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Балхе и Ахсы. При Пир-Мухаммед-хане I — достоверно в Ташкенте, Андижане, Балхе, а может быть, и еще в некоторых городах; при Искендер-хане — в Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Балхе, Андижане, Ахсы, нечитаемых городах, а также в Герате¹.

Чекан серебряных монет в ряде мелких городов отнюдь не вызывался потребностями рынка, который вполне мог быть обеспечен выпуском крупных четырех названных городов, если бы удельные владельцы не ставили этому в своих интересах препятствий. Хорошим примером в этом отношении может быть чекан Куфина, рынок которого мог быть обеспечен обильной эмиссией Бухары и Самарканда, тем более, что в торговом отношении (как показывает анализ кладов медных монет) Куфин тяготел именно к Самарканду, так что медные монеты Куфина даже подражали самаркандским. Но Куфин, Самарканд и Бухара принадлежали трем разным удельным владельцам, Куфин входил в состав Мианкальского удела, который после битвы при Куль-Мелике в сафаре 918/1512 г. и победы над Бабуrom по новому разделу владений отошел к детям Джанибек-султана. В Куфине, между прочим, жил и умер в 935/1528—29 г. сам Джанибек-султан. Самарканд же принадлежал хакану Кучкунчи-хану и его потомкам, а Бухара — Убайдулла-хану. Поэтому чекан серебра в Куфине явно свидетельствует о фискальных целях его организации².

Но удельные владельцы не ограничивались получением прямого дохода от своего монетного двора в виде определенных отчислений у владельцев металла, доставленного на этот монетный двор. Уже со времени хаканствования Кучкунчи-хана удельные владельцы интенсивно эксплуатировали обращение серебра на основе деления всех наличных монет на две группы — группу «старых» монет и группу «новых», которые практически различались по внешнему виду.

По раз и навсегда в XVI в. установившемуся правилу во всем государстве «новыми» монетами прежде всего считались монеты с именем царствующего хакана, а монеты всех его предшественников считались «старыми» и обращались по более низкому курсу. Но внутри удела султаны уже по своему произволу периодически меняли внешнее оформление тенег при сохранении на них имени того же государя или надчеканивали монеты, каждый раз полнокурсными объявляя монеты только с надчеканом или монеты нового последнего вида.

Таким образом, второй источник дохода удельного владельца скла-

¹ Анализ годов чекана монет с наименованием харасанских городов и их внешнего вида, в сопоставлении со свидетельствами письменных источников о походах узбеков на Хорасан убеждает, что большинство таких монет выпускалось предварительно, до начала походов (которые иногда к тому же и не осуществлялись), на шейбанидских монетных дворах.

² Местоположение его определяется около Кермине. См. Вельяминов-Зернов, В. (В). Монеты... лит. раб., стр. 429, прим.; Абул-Газиз. Родословное древо тюрков. Пер. Г. С. Саблукова. Казань, 1906, стр. 165—166. О Джанибек Султана см. в «Маджма-ал-гаираиб» Султана Мухаммеда муфти Балхи. Рукопись, л. 134 — 6. (Рукопись принадлежит А. А. Семенову и представляет более полный вариант этого сочинения).

дывался из периодических перегруппировок серебра внутри удела, вне зависимости от состояния обращения в соседних уделах. И вне зависимости от того, как реагировало население на очередную перегруппировку (т. е. несло или отказывалось нести на монетный двор объявленные «старыми» монеты для перечекана или надчекана) — удельный владелец выигрывал при своих расчетах с частными лицами, т. к. исходил из своих новых курсовых установлений.

Уже этот факт большой самостоятельности султанов во внутриудельных мероприятиях по извлечению доходов из обращения серебра заставляет предполагать, что серебро, чеканенное в разных уделах, далеко не всегда имело беспрепятственное общегосударственное хождение, в чем окончательно убеждают сравнительный анализ внешнего вида монет разных уделов, надчеканы и свидетельства документальных источников.

Основой равного общегосударственного обращения серебра был одинаковый вид монет вне зависимости от места их выпуска, как это и показали серебряные теньги Мухаммед-Шейбани-хана. Единный вид монеты — это кроме всего прочего — отказ от основного (второго по порядку нашего изложения) источника дохода, отказ от всяких самостоятельных и произвольных операций с курсом и пр. Поэтому единственная после Мухаммед-Шейбани-хана попытка добиться в интересах общегосударственной междугородней торговли равного обращения серебра на основе одинаковой монеты, предпринятая наиболее сильным и уважаемым султаном, затем — хаканом, Убайдулла-ханом, довольно быстро потерпела крах, ибо противоречила основным интересам остальных султанов.

Отсюда возникла третья возможность извлечения доходов уже не из внутриудельного, а из междугороднего обращения серебра, когда в каждом крупном уделе искусственно ограничивалось или даже запрещалось хождение монет иногороднего чекана. При всех обстоятельствах это приносило дополнительный доход: обращались ли иногородние монеты по более низкому курсу, перечеканивались ли на монетном дворе или вовсе переставали привозиться. В последнем случае увеличивалась потребность в местном выпуске, что при свободном чекане было немаловажным стимулом для владельцев металла, а удельному владельцу umožало прямой и первый доход в виде отчислений при чекане¹.

3.

Денежная реформа Абдулла-хана II

Денежная реформа Абдулла-хана II стала возможна лишь вследствие его удачной борьбы с другими представителями шейбанидской династии, победы и определенной централизации государства, но она в свою очередь явилась в руках Абдулла-хана оружием борьбы с дальнейшими сепаратистскими стремлениями султанов. Его участие во внутриполитической и внешнеполитической жизни Средней Азии 2 пол. XVI в. может быть поэтому разбито на три этапа.

На первом этапе Абдулла-хан стремился лишь к захвату какого-либо крупного удела, причем основными его врагами были ташкентские султаны. Действия Абдулла-хана стали более успешными после смерти в 963/1556-7 г. хакана Науруз-Ахмед-хана ташкентского, так что в 964/1557 г. он уже овладел Бухарой. Политический вес Джанибекидов

¹ Давидович, Е. А. К вопросу о курсе и обращении серебряных монет... цит. раб., стр. 147 и сл.

после этого значительно вырос, т. к. теперь они владели уже двумя крупнейшими уделами — Бухарой и Балхом, тем более что Пир-Мухаммед-хан I (дядя Абдулла-хана и владетель Балха) был в то же время хаканом государства. Но все же на этом этапе ташкентские владетели были еще настолько сильны, что сначала не признали Пир-Мухаммед-хана I хаканом. Анализ неопубликованногоклада серебряных тенег, хранящегося на кафедре археологии Средней Азии САГУ, в сопоставлении с некоторыми свидетельствами письменных источников позволяет заключить, что ташкентские султаны провозгласили хаканом хисарского султана Тимур-Ахмед-хана и даже чеканили серебро от его имени. Таким образом, после смерти Науруз-Ахмед-хана шейбаниды разбились на две основные группировки, были провозглашены сразу два хакана и силы сначала были примерно равными.

Абдулла-хан на этом этапе еще не помышлял об объединении государства, основные свои помыслы направляя в сторону Хорасана. Об этом, между прочим, может свидетельствовать его соглашение с дядей Пир-Мухаммед-ханом I об обмене уделами, ибо из Балха было удобнее делать набеги на Хорасан. Обмен не состоялся, т. к. балхским уделом незаконно овладел сын Пир-Мухаммед-хана, Дин-Мухаммед-султан, причем Абдулла-хан воспользовался этим для провозглашения хаканом своего отца, Искендер-хана.

Второй этап начинается со времени провозглашения в 968/1561 г. Искендер-хана хаканом. На этом этапе Абдулла-хан также не оставлял замыслов о походе на Хорасан, на что указывает и в действительности имевший место поход Абдулла-хана и Хосроу-султана в 974/1566-67 г. и неосуществленное намерение совершить еще один поход в 979/1571-72 г., засвидетельствованное чеканом в этом году серебра с наименованием Герата.

Но основные усилия на втором этапе были направлены на борьбу с другими султанами и овладение мелкими и крупными уделами государства, что и было завершено еще при жизни Искендер-хана. Решающее значение имело окончательное и прочное завоевание после особенно упорной борьбы трех основных (кроме Бухары) уделов: Балха в 980/1573 г., Самарканда в 986/1578 г. и Ташкента в 990/1582 г. Бабасултан ташкентский, погибший в 1582 г., был последним серьезным противником и соперником Абдулла-хана.

Объединив всю страну, Абдулла-хан начал подготовку и к формальному провозглашению себя хаканом, для чего в 991 г. х. выпускал серебро с обозначением на нем не только имени своего отца, но одновременно и его и своего собственного имени.

Третий этап начинается с 991/1583 г. — даты формального восшествия Абдулла-хана на хаканский престол. К этому третьему этапу и относится основная часть установленных денежной реформы Абдулла-хана II. А в результате определенной централизации государства и прочих мероприятий, в том числе в части развития и упорядочения торговли и денежного обращения, Абдулла-хан наконец получил реальную возможность и базу для завоевания Хорасана. Осуществление давней мечты Абдулла-хана II началось походом на Герат в 996 г. х., завершившимся завоеванием в 997 г. х. этого города¹, а затем и многих других.

¹ Взятие Герата относится к 1588 г. (Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. СПб. 1914, стр. 67). Интересное описание взятия Герата также под 1588 г. (7096 в подлиннике) и затем других городов Хорасана содержится в статейном списке Гр. Васильчикова (см. Веселов

О самой денежной реформе письменные источники прямо ничего не сообщают, если не считать вышеприведенного свидетельства Хафизитаныша о контроле за пробой выпускаемых золотых монет. Но анализ монетного (главным образом серебряного) чекана и юридических документов XVI в. позволяет выявить ее с большой полнотой.

Первым и наиболее ранним мероприятием Абдулла-хана, относящимся еще ко времени хаканствования его отца, было введение золотой монеты, которая до этого, судя по всем данным, при шейбанидах не выпускалась.

О самом факте чекана золота при Абдулла-хане свидетельствует Хафизитаныш, причем вес золотой монеты был установлен в один мискаль. В натуре Абдуллаханская золотая монета, без упоминания ее веса и с неверным наименованием «динар» (каковое в XVI в. прилагалось только к медным монетам), опубликована у А. К. Маркова в каталоге Государственного Эрмитажа¹. Эту и еще другую золотую эрмитажную монету более подробно описывает Р. Фасмер, подчеркивая, что единственные золотые монеты, которые он знает, — конца XVI в. Вес их — 2,35 гр. и 2,36 гр., т. е. они являются половинками².

Таким образом, при Абдулла-хане чеканились одномискальные и полумискальные золотые монеты. Но для предшествующего времени можно утверждать отсутствие чекана золотых монет. В этом отношении особенно интересно прямое свидетельство Дженкинсона, посетившего Бухару в 966/1558-59 г. (когда хаканом государства шейбанидов был сидевший в Балхе дядя Абдулла-хана, Пир-Мухаммед-хан I), который подчеркивает, что у шейбанидов деньги серебряные и медные, а золота вовсе нет в обращении³.

Для несколько более раннего времени есть косвенное указание на отсутствие чеканенных золотых монет, содержащееся в жизнеописании шейха Лутфуллы Чусты, которое составил его мюрид Убайдулла Накипбанд-и-Самарканди⁴. Однажды, будучи мюридом Махдун-и А'зама, шейх Лутфулла Чуста увидел сон, который поспешил рассказать своему учителю. А когда учитель нарек его хальфою, Лутфулла ответил: «Я имею 250 овец и коз, куплю на 200 тенег книг, возьму ковер, кошму для отдыха, один котел, пять блюд, имеющихся у меня и личность в золоте в 250 тенгах и все это предоставлю вам,

ский, Н. И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. I СПб., 1890, стр. 109—110), а также в рассказе кзылбабского посла, прибывшего в Россию в 1592 г. (там же, стр. 161—162). 1588 г. падает в основном на 996 г. х. и начало 997 г. х. В «Тарих-и алем-ара-и-Аббаси» по рукописи Института Востоковедения АН УзССР (инв. № 1557, л. 12-а.) и по тегеранской литографии годом завоевания Герата назван именно 997 г. х. — второй год после вступления на престол шаха Аббаса, но в позднейшем источнике «Тарих-и мухтазам-и Насири» первый захват Герата описан под 996 г. х. (литография, т. II. Тегеран, 1299 г. х., стр. 158—159).

¹ Марков, А. К. Инвентарный каталог... цит. раб. стр. 694, № 129.
² Fasmer, R. Zur Münzkunde... отд. отд. из ж. Jslamika, В. 6. Н. 2. Leipzig 1933, с. 147. Золотая монета, битая в Герате и отнесенная к шейбанидам, упомянута среди монет коллекции Ташкентского музея, сейчас не существующей. Но т. к. по описанию монета не имеет ни даты, ни имени — это определение должно остаться под сомнением. См. Остроумов, Н. П. Описание археологической и нумизматической коллекций... Т. 1900, стр. 87, № 175.

³ Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 г. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Пер. Ю. В. Готье, стр. 183.

⁴ Семенов, А. А. Уникальный памятник агиографической литературы XVI века. Известия УзФАН, 1940, № 12, стр. 52.

на ваши нужды». Таким образом, здесь (как и в других местах) серебро всегда фигурирует в виде монет, в противоположность чему золотая наличность представлена в любой другой форме (металле, изделии и пр.), но не в монетах.

Отсутствие чекана золота на протяжении более чем трех четвертей XVI в. не кажется случайным, а выпуск при Абдулла-хане, несомненно немногочисленный, не мог существенно повлиять на денежное обращение, т. к. при уровне цен XVI в. золотая монета была слишком крупной единичей и могла использоваться только в сфере крупных платежей (для чего годились и слитки металла) или в качестве награды и сокровища. И уж во всяком случае золото не предостратило страну от того несомненно серьезного кризиса денежного обращения, который потребовал от Абдулла-хана проведения более основательных мероприятий для его ликвидации.

Все эти мероприятия в первую очередь коснулись серебряного чекана. И два первые из них устанавливаются рассмотрением и классификацией серебряных монет с именем Абдулла-хана.

Все монеты Абдулла-хана, подобно монетам его предшественников, принадлежат второму типу серебряных тенег с обозначением имени хакана в картуше¹, где, как обычно, проставлен также титул «бахадурхан». Исключение представляет только один вид ташкентских монет, у которых в картуше имя обозначено без титула. Все остальные титулы государя расположены в поле монетного кружка.

В чекане Абдулла-хана употреблялось два титула:

- 1). الخاقان العادل و الملك الكامل ابولغازى عبدالله بهادرخان
- 2). الخاقان الخاقان ابو الغار عبدالله بهادرخان (иногда с بن)

Титул первый встречается только на ранних монетах Бухары (991 и 994 гг. х.), на монете Ташкента и Балха. Более распространенный второй титул зафиксирован на всем остальном бухарском чекане за разные годы (992—993, 995—1006 гг. х.), на гератских монетах за 1003—1004 гг. х. и на монете Балха. Кажется поэтому, что первый титул употреблялся именно на раннем этапе и потом был вытеснен вторым титулом, который в более позднем чекане оказался, как будто, единственным. Систематического одновременного употребления обоих титулов в чекане Абдулла-хана явно не отмечается (в отличие от его предшественников), так что преобладание, а затем и господство второго титула несомненно следует считать результатом специального установления, направленного на унификацию внешнего вида монет.

Дата на теньгах Абдулла-хана проставлялась цифрами чаще в картуше внизу, реже—в поле, между строк круговой легенды, или слева, причем на одной монете даже дважды. Наименование города обозначено то самостоятельно, то со словом «зэрб» и термином «ширмерд». Благопожелание на всех монетах только в одной краткой форме — «Да сделает Аллах всевышний вечным его господство и власть».

С точки зрения внешнего оформления AV чекан Абдулла-хана II, особенно по сравнению с чеканом его отца, показывает известное единообразие. Это хорошо видно по чекану каждого города в отдельности. Например, Бухара, несмотря на систематический ежегодный чекан, оставила пока два вида картушей, тогда как у многих его предшественников, даже за меньшее число лет, картушей было много больше. Для чекана Бухары, кроме того, характерно, что картуш № 1 (табл. №4)

¹ Давидович, Е. А. По поводу... цит. раб., стр. 151—152.

в раннем чекане сочетался с первым титулом, но уже с 992 г. х. и до конца правления Абдулла-хана употреблялся картуш № 2 обычно со вторым титулом (кроме монет 994 г. х., у которых первый титул).

	БУХАРА	ТАШКЕНТ	БАЛХ	ГЕРАТ	БЕЗГОРОДА
1					
2					
3					
4					
5					
6					
7					

Таблица 4

Такое единообразие бухарского чекана и в части состава легенд, и в части внешнего оформления не может считаться простой случайностью и должно поэтому рассматриваться, как результат специального государственного установления.

Нельзя при этом не отметить употребление в Герате в 1003—1004 гг. х. такого же картуша, как в Бухаре, что особенно свидетельствует об установлении именно сверху внешнего вида монет.

Всего по серебряным теньгам Абдулла-хана II зафиксировано 7 разных картушей. Ташкентский картуш на монете неизвестного года выпуска повторяет картуш этого города времени Искендер-хана, что намекает на выпуск абдуллаханских тенег с этим картушем № 3 в первые годы его правления, м. б. даже в 991 г. х. Еще два картуша показывают монеты Балха и два — неизвестного города.

Обратные стороны монет Абдулла-хана также довольно единообразны. Как обычно в центральном картуше размещен суннитский символ, а кругом в сегментах у основной массы опубликованных и у всех неопубликованных монет — имена первых четырех халифов с титулом «повелителя правоверных» и очень редко с благопожеланием «да будет доволен им Аллах» вместо титула.

Картуши Rv также немногочисленны. Бухара, например, дает 4 вида, причем 3 соответствуют картушу № 2 Av (табл. № 5), но они сменялись при одинаковом картуше Av последовательно. Во всех остальных случаях каждому виду картуша Av соответствует определенный картуш Rv.

Из числа достоверных серебряных тенег Абдулла-хана известны теньги Бухары, Ташкента, Балха и Герата, хотя некоторые из них не имеют или не сохранили дату их выпуска (табл. № 6), что требует известной осторожности при определении принадлежности таких монет, т. к. династия

шейбанидов дала двух хаканов с этим именем. Часть этих недатированных монет по некоторым второстепенным признакам можно все же определить.

ТАБЛИЦА №5

	БУХАРА	ТАШКЕНТ	БАЛХ	БЕЗГОРОДА
1				
2				
				
3				
				
4				
5				
6				
7				

Таблица 5

Не вызывает сомнений, что ташкентская недатированная монета принадлежит чекану именно Абдулла-хана II, ибо ее картуш известен в чекане Искендер-хана, отца Абдуллы, но зато ни в чекане Абдулла-хана I, ни у других государей ни в одном городе не отмечается. Это свидетельствует о том, что резчики штампа просто заимствовали образец внешнего оформления монет из своего же предшествовавшего чекана. Кроме того, картуш Rv этой монеты тоже похож на один из картушей Искендер-хана, а в чекане всех других государей не имеет аналогий.

Чекан Абдулла-хана II.
(серебряные теньги)

Год хиджры	Бухара	Ташкент	Балх	Герат	Без города
991	○	○			
992	○				○
993	○				
994	○				○
995	○				
996	○		○		○
997	○				
998	○				○
999	○			○	○
1000	○			○	○
1001	○				○
1002	○				○
1003	○			○	
1004	○			○	○
1005	○				○
1006	○				○
без года	○	○	○		○

Балхская монета неизвестного года выпуска отнесена к чекану Абдулла-хана II по почерку легенды картуша Av Он характеризуется размашистостью, утолщением линий, как бы от нажима каляма, большой свободой и изяществом. Он отличается от почерка, обычно принятого на шейбанидских монетах, и появляется в серебряном чекане, судя по многим другим монетам, лишь со 2 пол. XVI в., а особенное распространение получает именно в чекане Абдулла-хана II и следующих государей.

К чекану Абдулла-хана II отнесены и некоторые недатированные монеты Бухары, которые имеют внешнее оформление, аналогичное датированным.

Ни среди неопубликованных монет, ни среди массы публикаций, несмотря на большое количество дошедших экземпляров, нет тенег выпуска Самарканда. Единственное упоминание таковых имеется у Н. П. Остроумова¹, причем у него даже и не подчеркнуто, что они принадлежат именно Абдулла-хану II. А т. к. дата на них отсутствует, мы склонны отнести их к чекану Абдулла-хана I, при котором Самарканд был столицей, и чекан в этом городе должен был быть обязательно. Без наличия же других прямых указаний на самаркандский серебряный выпуск при Абдулла-хане II пока следует признать его отсутствие, что лучше согласуется также и с обстоятельствами политической истории этого времени. В 986/1578 г. Абдулла-хан после долгой борьбы с самаркандскими султанами, которые не только претендовали на самостоятельность в уделе, но даже и на хаканский престол и выпускали периодически серебряные монеты со своими именами вместо имени законного хакана, окончательно завоевал город и удел. И если до смерти Искендер-хана там еще чеканилась серебряная монета, то с восшествием на престол самого Абдулла-хана II чекан тенег там был сразу или вскоре прекращен, что особенно бросается в глаза при сравнении с ежегодным выпуском столичной Бухары. Такая разница между двумя городами, в прошлом соперниками и по экономической и по политической значимости, отнюдь не выглядит случайной. Несомненно, отсутствие самаркандского серебряного чекана — одно из звеньев в цепи мероприятий Абдулла-хана, направленных на объединение государства и централизацию власти. Экономическая потребность в самаркандском выпуске серебра, особенно для Самаркандской области, не исчезла, конечно (что отчасти иллюстрируется продолжающимся там медным чеканом), так что запрет в Самарканде выпуска серебра имел в первую очередь политическое значение.

Такую же картину показывает и Ташкент, который окончательно был завоеван Абдулла-ханом II в 990/1582 г. Известны только две монеты, выпущенные Ташкентом в правление последнего. Одна из них датирована 991 г. х.,² т. е. годом вступления Абдулла-хана на престол; другая, упоминавшаяся выше, недатированная — также чеканена в начале правления Абдулла-хана, если не в тот же первый год. После этого в Ташкенте, так же как и в Самарканде, выпуск серебра был прекращен.

Исключения составляют Балх и Герат, где чекан серебра не был запрещен. Но Балх был уделом сына Абдулла-хана II, Абдул-Мумина, что одно уже объясняет дело. Кроме того, удаленность Балха от коренных городов Мавераннахра при развитости его торговли делала нужду в собственном чекане более острой.

Чекан Герата еще более понятен. С чисто экономической точки зрения, учитывая его место в жизни Хорасанской области, Герат нельзя бы-

¹ Остроумов, Н. П. Описание археологических и нумизматических коллекций... цит. раб., стр. 37.

² Марков, А. К. Инвентарный каталог... цит. раб., стр. 694, № 130.

до оставить без серебряного чекана. Кроме того, эта внутренняя потребность в данном случае как раз совпадала с политическими соображениями. Чекан серебра от имени шейбанидского государя в Герате, еще недавно и так долго принадлежавшем сефевидам, должен был подчеркнуть признание принадлежности этого крупнейшего хорасанского герода завоевателям-узбекам.

В силу всего изложенного кажется несомненным, что Абдулла-хан вскоре после своего формального провозглашения хаканом, в числе прочих мероприятий, направленных на централизацию государства, провел и денежную реформу, одним из моментов которой было лишение Самарканды и Ташкента, до того систематически чеканивших свою монету, права выпускать серебро и сосредоточение ежегодного выпуска в столичной Бухаре. Кроме Бухары из коренных владений шейбанидов право чекана серебра осталось только за Балхом, уделом Абдул-Мумина.

Вторым моментом этой реформы было введение единообразной серебряной монеты, из года в год повторяющей одинаковое оформление и одинаковые легенды.

Таким образом, первая сторона реформы Абдулла-хана II заключалась в централизации чекана, что имело и политический и экономический смысл. Экономически это резко увеличивало доходы Абдулла-хана от чекана серебра по сравнению с доходами всех других до него правивших государей, ибо при централизованном чекане все отчисления (вне зависимости от возможных случаев неповиновения в разных городах султанов или правителей) оказывались в казне центральной власти. А количество выпуска серебра в Бухаре должен был значительно увеличиться, т. к. монетный двор Бухары обеспечивал теперь уже не только внутриобластной рынок, но в основном всё государство, все те области, которые до этого выпускали свое серебро. Т. е. от одного чекана в виде отчислений Абдулла-хан должен был получать целиком то, что раньше составляло доход нескольких удельных владетелей. Политически же централизация чекана была оружием против возможных претензий султанов и правителей, ибо запрет чекана серебра лишал их и доходов и внешнего престижа в глазах окружающих.

Если первая сторона реформы коснулась чекана серебра, то вторая сторона реформировала обращение серебряных тенег. Унификация внешнего вида монет (в части легенды и особенно картуша — см. табл. № 4 и № 5) особенно видна по выпуску Бухары и Герата. Как уже упоминалось, бухарский чекан оставил только два вида монет, из которых второй уже с 992 г. х. употреблялся неизменно, и позже именно этот второй вид был введен в чекан завоеванного Герата. Вторая сторона реформы поэтому должна была упорядочить обращение: единообразный вид монет является свидетельством их беспрепятственного и равного государственного обращения, но вместе с тем, свидетельством отказа от эксплуатации серебряного обращения в той форме (перегруппировок на основании выпуска нового вида монет или надчекана), которая так использовалась за все предшествующее время. Одинаковый вид серебряных тенег со второго до последнего года правления Абдулла-хана II, т. е. за 15 лет, говорит о том, что вне зависимости от года выпуска, все эти экземпляры, постепенно насыщая рынок, ходили по одинаковому курсу весь этот длительный отрезок времени. Иначе говоря, унификация внешнего вида тенег дала рынку твердую и прочную монету, которая уже не подвергалась риску периодически терять часть своей ценности на курсовых махинациях государей, но вместе с тем, лишала самого Абдулла-хана, испытанного за предшествующее время, источника дохода. Однако эта матери-

альная жертва (восполняемая к тому же увеличившимися доходами от самого чекана в силу его централизации) не явилась, конечно, результатом бескорыстной заботы Абдулла-хана II об интересах торговли в ущерб своим собственным, а очень разумной мерой, предотвратившей, наряду с другими мероприятиями, дальнейшее развитие кризиса денежного обращения, угрожавшего стать очень серьезным.

Третья сторона реформы Абдулла-хана коснулась курса серебряных монет. Как уже отмечалось, курс серебра в XVI в. фиксировался через медные монеты, причем, как показал анализ документальных источников и характера обращения меди, отношение серебряных и медных монет пропорционально отражало рыночное отношение этих двух металлов. А это значит, что при всяких значительных изменениях в отношении металлов отношение монет тоже должно было изменяться.

Изучение юридических документов XVI в. показало, что официальный курс серебряных тенег не оставался неизменным, однако отмеченные его колебания были частными и недолговечными, так что в целом можно считать, что с начала XVI в. и до Абдулла-хана II нормальный, законный курс серебра выражался равенством тенги и двадцати медных динаров. Для времени Абдулла-хана II документы зафиксировали резко изменившийся официальный курс, выраженный равенством тенги и тридцати медных динаров.

Поскольку этот в полтора раза повышенный курс серебра, в отличие от всех предыдущих изменений, оказался длительным установлением, которое сохранило свою силу не только до конца династии шейбанидов, но и при аштарханидах — приходится признать, что в данном случае изменение официального курса последовало за изменением рыночного отношения меди и серебра. Следовательно, третья сторона реформы Абдулла-хана II привела в пропорциональное соответствие курсовое и металлическое отношение серебряных и медных денег.

К сожалению, неизученность горного дела Средней Азии XVI века не дает прямых свидетельств о состоянии добычи и обработки меди и серебра¹. Отсутствие конкретных данных об условиях и характере производства этих металлов и возможных изменениях этого производства в XVI в. не дает возможности решить первый и основной вопрос о стоимости серебра и меди в XVI в. Ибо факт изменения стоимости этих двух металлов или одного из них был бы основной причиной устойчиво-изменившегося их рыночного отношения. Правда, такая причина должна бы была действовать более медленно, чем это отмечено по конкретным материалам.

Но отсутствие таких важных прямых указаний о возможных основных причинах изменения отношения серебра и меди заставляет с особенной тщательностью рассмотреть различные косвенные свидетельства для выяснения условий и непосредственных причин, приведших к кризису денежного обращения перед реформой Абдулла-хана.

Прежде всего обращает внимание несомненный недостаток своего серебра-металла, но не случайный для какого-то отрезка времени, а за-

¹ Массон, М. Е. К истории горной промышленности Карамазара. Труды Таджикской базы АН СССР, т. IV. Л., 1935; Его же. Из истории горной промышленности Таджикистана. Была разработана полезных ископаемых. Материалы Таджикско-Памирской экспедиции АН СССР, в XX. Л., 1934. Его же. Из истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алмалыка. Труды Таджикско-Памирской экспедиции АН СССР, в. XXXVII. М.—Л. 1936.

тяжной, характерный, как будто, для всего позднего средневековья Средней Азии и позже, вплоть до XIX в.

Для XVI в. это засвидетельствовано уже упоминавшимся фактом, когда Абдулла-хан в 1589 г. через своего посла обратился к русскому царю с просьбой вывезти из России 1000 рублей серебром; а также попыткой компенсировать эту нехватку серебра для чекана тенег введением при Абдулла-хане золотой монеты, которая до этого не выпускалась и время которой занять прочное положение в торговле еще не пришло.

Для XVII в. нехватка серебра-металла косвенно может быть зафиксирована на основании сообщения бухарского посла Муллофора, бывшего в Москве в 1671 г. и рассказывавшего там, что руды серебряной в государстве много, только промышленников мало¹, т. е. иначе говоря, внутригосударственная добыча серебра незначительна.

Для XVIII—XIX вв. сведения более многочисленны, но все одинаково подчеркивают снабжение Средней Азии привозным серебром. Даже в конце XVIII — начале XIX в., когда Средняя Азия уже вышла из состояния кризиса, самостоятельная добыча серебра была столь невелика, что нужда в нем удовлетворялась привозным металлом. Например, Ефремов прямо пишет, что «золотых и серебряных рудников в Бухарии нет; золото получают в деньгах и слитках от народов, с коими торгуют, особенно от персиян (деньгами) и индийцев; серебро через мену от китайцев в слитках наподобие лошадиного копыта». О поступлении серебра в слитках и ямбах из Кашгара говорят Бланкеннагель и Назаров; Бекчурин отмечает, что «золото и серебро достают от персиян и от китайского государства через купечество покупкою» и т. д.² Отсюда следует, что и в это время местная добыча этого металла могла быть лишь очень мизерной.

Характеризуя горную промышленность Карамазара и касаясь причин запустения серебряных рудников, М. Е. Массон отмечает, что «насыщенность серебром Китая и Европы исключает необходимость трудной и дорогостоящей добычи его из обесцененных прежними работами месторождений, при возможности с меньшими затратами получать его путем торговых отношений».³

Таким образом, нехватка в свое время серебра была длительным и серьезным явлением среднеазиатской экономики. Но если в более позднее время эта нехватка покрывалась привозным серебром, то XVI в. в этом отношении является переходной эпохой и представляет поэтому особую картину. В XVI в. среднеазиатский рынок еще не питался и не мог питаться привозным металлом в достаточной мере, наплыв золота и серебра в Европу в XVI в. еще не мог сказаться на Средней Азии, т. к. она

¹ 1671 г. марта 2. Запись «разговора» бухарского посла Муллы Фарруха с думным дворянином Артамоном Сергеевичем Матвеевым о многих вопросах внешней политики и внутреннего быта Бухарского ханства. Труды историко-археографического ин-та, ин-та востоковедения АН СССР. Материалы по истории народов СССР, в. 3. Материалы по истории узбекской, таджикской и туркменской ССР, ч. 1. Л., 1932, стр. 337.

² Бланкеннагель. Путевые заметки майора Бланкеннагеля в Хиве в 1793—94 гг. Изд. В. В. Григорьевым. Вестник ИРГО, ч. XXII, кн. 3. СПб., 1858, стр. 100; Ефремов, Ф. Странствования Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию. Изд. 3-е. Казань, 1811, стр. 70; Назаров, Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней Азии Филиппа Назарова, отдельного Сибирского корпуса переводчика, посланного в Кокант в 1813 и 1814 годах. СПб., 1821, стр. 56.

³ Массон, М. Е. К истории горной промышленности Карамазара. Цит. раб., стр. 230.

могла это почувствовать не непосредственно, а опосредованно, через другие страны Востока, т. е. значительно позднее (что в свое время и сказалось в виде ввоза серебра и золота из Китая, Индии и т. д., о чем выше уже говорилось). Поэтому, если иностранная монета через караванную торговлю и проникала в Среднюю Азию, то в очень небольшом количестве, о чем, между прочим, говорит редкость обнаружения иностранных монет XVI в. на территории Средней Азии. И даже, если учесть, что иностранная монета должна была переплавляться на монетных дворах, редкость ее по сравнению с другими эпохами обращает внимание. При всем том, небольшой возможный приток иностранного серебра отнюдь не увеличивал запасы, т. к. шейбанидское серебро в свою очередь выходило за пределы государства, так что в обычных условиях отлив и прилив только как-то компенсировали друг друга.

Следовательно, отсутствие значительных притоков серебра торговым путем заставляло Среднюю Азию в XVI в. обходиться наличным количеством своего серебра, возможно в первую половину XVI в. в какой-то мере пополняемым в результате походов на Хорасан так же, как и после завоевания Хорасана Абдулла-ханом II. То, что Средняя Азия XVI в. должна была в основном базироваться на своем металле, делало ее чрезвычайно уязвимой и потенциально всегда готовой почувствовать металлический голод.

Поэтому недостаток серебра в XVI в. был не непосредственной причиной изменения рыночного отношения серебра и меди со всеми ниже-разбираемыми последствиями, а лишь тем необходимым условием, при постоянном действии которого даже частные причины могли привести к серьезным изменениям отношения двух названных денежных металлов.

Каковы же эти непосредственные частные причины, сыгравшие роль толчка и превратившие обычный нехваток серебра в кризис денежного обращения, и почему они сказались с особенной резкостью именно ко времени вступления на престол Абдулла-хана II, сделав необходимой его реформу?

Кажется, что роль такого толчка сыграли особенности внутривосточного положения государства во второй половине XVI в. Феодалные междоусобия в этот период достигли особенно больших размеров и, главное, вступили в качественно-новую фазу развития, когда даже чисто внешние и формальные признаки единства государства часто предавались забвению. В частности это нашло свое отражение в чекане серебра, которое всегда должно было выпускаться только от имени хакана, но для второй половины XVI в. характерны довольно многочисленные монеты, чеканенные не от имени ханака, а от имени того или иного удельного владельца.

Такое разрушение формального единства государства уже априорно позволяет предполагать еще большую самостоятельность во всех внутривосточных экономических мероприятиях. В части же чекана и обращения крупные уделы в этот период вели жизнь маленьких самостоятельных государств, как это уже отмечалось в гл. 2.

Для этого периода характерны отсутствие равного общегосударственного обращения серебра и особенно интенсивная эксплуатация серебряной регалии внутри каждого удела самостоятельно. Причем наиболее четко это прослеживается для времени хаканствования Искендер-хана — времени наиболее ожесточенной борьбы между султанами.

На отсутствие в период хаканствования Искендер-хана равного общегосударственного обращения серебра определенно указывают и доку-

ментальные и монетные источники. В числе первых особенно интересен документ, составленный 13 шаввала 969/1562 г. и оформляющий продажу земли и мельницы в одном из туманов бухарского вилайета. И хотя в 969 г. х. уже имели хождение «новые теньги» (т. е. теньги с именем Искендер-хана) разных городов — Самарканда, Балха, Ташкента, Ахсы; в бухарском вилайете расплату совершили монетами только местного, бухарского чекана и особо оговорили это в официальном документе.¹

Об этом же говорят и ташкентские надчеканы 971 г. х., 976 г. х. и после 981 г. х., т. е. времени того же Искендер-хана. Их особенностью (в отличие от более ранних надчеканов на серебре) является отсутствие в легенде надчекана имени хакана или хотя бы эпитета, подчеркивающего общегосударственный характер мероприятия. Легенда же данных надчеканов с упоминанием только города, наоборот, тем самым оттеняет местную значимость этих надчеканов, обязательных лишь для ташкентского удела. При этом нельзя не отметить, что эти ташкентские надчеканы пока зафиксированы только на ташкентских же монетах, что тоже может свидетельствовать о преимущественном обращении в Ташкенте монет местного чекана, почему именно они и попадали главным образом под местный надчекан.

И об этом же, наконец, говорит различие в оформлении самих монет по разным уделам. Уже сейчас среди монет с именем Искендер-хана выявлено 34 вида, из которых 22 совершенно различных вида принадлежат монетам выпуска основных четырех монетных дворов Бухары, Самарканда, Ташкента и Балха. Но из этих 22 видов только один вид повторяется в чекане и Ташкента и Балха, и то совершенно случайно, ибо эти монеты относятся к разному времени. Отсутствие всякого единства во внешнем виде монет, несмотря на разнообразие самих видов, говорит за то, что возможности и легкости распознавания монет внутриудельного выпуска уделялось большое и специальное внимание (табл. № 7).

Ничего удивительного нет в том, что в пору постоянной вражды или открытой борьбы между султанами и население предпочитало иметь дело с местной монетой, и сами султаны в целях извлечения дополнительных доходов вовсе запрещали или разными способами ограничивали обращение в своем уделе чужегородных монет.

Второй момент — усиленная эксплуатация монетной регалии также именно при Искендер-хане — демонстрируется исключительно частым изменением внешнего вида выпускаемых монет в каждом уделе. За 23 года формального правления Искендер-хана в каждом крупном уделе внешний вид монет был изменен не менее 6—8 раз.² С той же целью дополнительно использовался надчекан, так что число видовых смен, например, в Ташкенте может быть увеличено минимум до десяти. А это значит, что в среднем каждые полтора-два года население несло убытки на очередной перегруппировке серебряных монет.

Таким образом, население (а особенно та часть его, которая была заинтересована в крупной торговле с господствующим серебряным обращением) систематически теряло часть своих денег с одинаковой неизбежностью и на внутригородской торговле и на междугородней. Объем и частота этих потерь должны были привести к тому, что удельный вес де-

¹ Из архива шейхов Джуйбары. Цит. сб. документов, док. № 298, стр. 371—373.

² Только Балх пока оставил лишь три вида, что объясняется, несомненно, только тем, что балхские монеты в Мавераннахре, естественно, были представлены хуже, почему и в музеях Средней Азии их значительно меньше.

нежной торговли в торговом обороте должен был сократиться в силу того, что серебро начало исчезать сразу по двум каналам.

Первым каналом постепенного исчезновения серебра была междугородняя торговля. Есть все основания утверждать, что именно при Искен-

БУХАРА	САМАРКАНД	ТАШКЕНТ	БАЛХ	АКДИГАН	АХСЫ	БЕЗ ГОРОДА

Таблица 7.

дер-хане шейбанидские монеты регулярно и в значительных, видимо, количествах вывозились за пределы Средней Азии. Так, среди неопубликованных монет ГИМ и в некоторых публикациях удалось выявить серебряные теньги Искендер-хана разных городов выпуска (Самарканда, Бухары и Балха) и за разные годы, на которых имеются надчеканы государя империи Великих Моголов, Акбара, или надчеканы города Кабула. При этом, что особенно важно, — уже сейчас можно отметить по крайней мере четыре разнотипных надчекана Акбара и надчекан (а может быть, и два разнотипных) Кабула, т. е. минимум пять разновременных надчеканов: 1) надчекан 983/1575—76 г. Акбара в миндалевидном картуше; 2) его же надчекан 984/1576—77 г. в круглом картуше; 3) его же надчекан 984/1576—77 г. в октогональном картуше; 4) его же надчекан 98.... г. х. в ромбическом картуше; 5) надчекан 98.... г. х. Кабула в квадратном картуше и надчекан 984 г. х. Кабула.

Разновременность и разнотипность этих надчеканов на серебре говорит о том, что его поступление на чужестранные рынки было не простой случайностью, а для времени Искендер-хана, особенно во вторую половину его хаканствования, регулярным и преднамеренным вывозом.

Об этом же говорит и наличие среди нумизматических коллекций, собранных в Индии, некоторого количества ненадчеканенного шейбанидского серебра, среди которого вновь количественно и разнообразием выпусков преобладают бухарские, самаркандские и балхские монеты Искендер-хана.

Вторым каналом исчезновения серебра из торговли было превращение его в сокровище, что внешним образом могло проявляться в закапывании денег в землю или упрятывании каким-либо другим способом. К. Маркс подчеркивал, что «В периоды потрясений в общественном обмене веществ даже в развитом буржуазном обществе имеет место закапывание в землю денег как сокровища».¹ И действительно, клады серебряных монет Искендер-хана наиболее обычны среди зарегистрированных шейбанидских кладов серебра.

Постепенное уменьшение количества обращающихся серебряных монет, несомненно, ощутилось не сразу. Но при отсутствии значительных новых поступлений металла и при вышерассмотренном общем условии ограниченности своего серебра такое постепенное исчезновение значительного количества монет должно было в какой-то момент привести к качественному скачку — к возникновению лажа на серебро. А это сразу должно было изменить рыночное отношение серебра и меди и привести к расхождению рыночного и официального курсов серебряных монет.

Но т. к. при этом условии серебряные монеты по официальному курсу оказывались недооцененными, это обратным образом должно было влиять на обращение серебра, делая процесс его исчезновения особенно интенсивным и еще более увеличивая расхождение базарного и официального курсов серебряных монет.

Этим создались предпосылки для такой тезаврации серебра, которая привела к кризису денежного обращения того же порядка, который предшествовал реформе Кучкунчи-хана; с той, однако, разницей, что при Кучкуни-хане тезаврация серебра была вызвана государственными махинациями преимущественно с медной монетой, а при Искендер-хане — преимущественно с серебряной монетой.

Итак, кризис денежного обращения перед реформой Абдулла-хана II был связан со следующими моментами:

1. Постоянно действующим условием, определившим самую возможность возникновения такого кризиса, был недостаток серебра в Средней Азии XVI в., обусловленный отсутствием значительных притоков этого металла извне (в отличие от более позднего времени) и необходимостью в основном базироваться на свой внутригосударственный запас, который к тому же горнодобычей в это время значительно и существенно не пополнился.

2. Возможное повышение стоимости серебра (в силу неизвестного пока, но не невероятного усложнения и подорожания добычи и обработки этого металла) само по себе должно было сказываться более постепенно, особенно в силу незначительных абсолютных размеров добычи серебра и соответственно небольшом влиянии этих новых поступлений на положение металла вообще. Иначе говоря, повышение стоимости серебра могло только углубить результаты кризиса и «подпольно» ускорить его наступление, но отнюдь не могло быть непосредственной причиной такого резкого и быстрого скачка в соотношении меди и серебра. Скорее повышение стоимости серебра в данном случае могло быть длительной и

¹ Маркс, К. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1949, стр. 128.

лишь постепенно развивающейся болезнью, вскрыть и укрепить проявления которой мог как раз резкий и яркий кризис денежного обращения, место и время которого определено было другими обстоятельствами.

3. Такой непосредственной причиной развития кризисных явлений явилась особенно беззастенчивая, интенсивная и разнообразная эксплуатация при Искендер-хане чекана и обращения серебра в каждом крупном уделе и вызванное этим постепенное исчезновение серебра из внутригосударственного торгового оборота, что сыграло роль скальпеля, вскрывшего внутренний нарыв, т. е. сразу показавшего и общий недостаток серебра в государстве и возможное повышение его стоимости.

Поэтому основная задача реформы Абдулла-хана II заключалась в необходимости создать такие условия, при которых прекратилось бы дальнейшее исчезновение серебра, а упрятанное в сокровище вновь обрело свою монетную форму.

Два последние мероприятия государя (выпуск однотипной монеты и изменение их курса) как раз и решали эту задачу. Выпуск твердой однотипной монеты, т. е. отказ от наиболее излюбленной и испытанной формы эксплуатации серебряной регалии на основе изменения вида монет, лишив его постоянно и произвольно используемого источника дохода, вместе с тем ликвидировал те причины, с которых начался кризис, и дал рынку твердую однокурсную монету. Изменение же официального государственного курса серебра, выраженного через медь, привело в соответствие рыночный курс серебра с этим официальным и тем ликвидировало причины, усугубившие действие кризиса и вскрывшие его внутреннюю сущность.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

САДОВО-ПАРКОВОЕ ИСКУССТВО СРЕДНЕЙ АЗИИ
В ЭПОХУ ТИМУРА И ТИМУРИДОВ

Расплывчатость представлений о садах средневекового Востока, очень туманно отложившихся в воображении европейцев из сказок Шехерезады и образов восточной поэзии, характерна для зарубежной науки по истории садово-паркового искусства. Отчасти это связано с незначительным числом сохранившихся памятников. Сад при Альхамбре-Дженр-эль-ариф («Генералиф») так искажен, начиная с поздне-ренессансной эпохи, что от бывшего мавританского парка дошла лишь единственная аллея стройных кипарисов с узким зеркалом воды, в котором отражён замыкающий её портик дворца. Парки при некоторых мавзолеях или дворцовых постройках Великих Моголов в Индии представляют лишь незначительные фрагменты огромного числа некогда созданных ими садов. Описанию Чар-бага в Исфахане посвящены яркие страницы у Шардена, Пьетро-делла-Велле, Олеария и прочих путешественников, но уже в середине XIX в. Фланден и Кост застают его в полном забросе, а в настоящее время на его месте пролегает торговая магистраль. Главная причина лежит не в этом, а в характерном для буржуазной науки высокомерно-пренебрежительном отношении к историко-культурному наследию народов Востока. В частности, квинтэссенцию такого рода суждений о былом среднеазиатском садово-парковом искусстве заключает высказывание А. Регеля: «Татары во всё время векового ига оставались спесивыми, тщеславными, деспотическими, грубыми, циничными сластолюбивыми варварами. Это, конечно, отозвалось на ханских садах — в Бахчисарае, Крыму, Астрахани, Казани. Тут было много мрамора и золота, но вкуса было мало. Тип был тот же, который встречался в Бухаре, Самарканде и т. д.»¹. Чрезвычайно характерно, что в специальной главе о садах, изданного в Америке в 1936—1939 гг. сводного труда «A Survey of Persian Art», в котором искусство Средней Азии рассматривается лишь как провинциальная ветвь искусства Ирана, наличествует огромный разрыв в изложении материала между парками-парадизами сасанидских шахиншахов (III—VII вв. н. э.) и садами Шах-Аббаса

¹ А. Регель. Изящное садоводство и художественные сады. СПб, 1896, стр. 47.

(конец XVI—начало XVII в.)¹. Весь огромный опыт зелёного строительства Средней Азии, засвидетельствованный для прошлых эпох письменными источниками, выпал из поля зрения издателей (или преднамеренно был ими опущен).

Между тем, тремя поколениями русских и советских востоковедов и археологов (имена В. В. Бартольда, В. Л. Вяткина, М. Е. Массона, И. А. Сухарева, А. Ю. Якубовского должны быть названы прежде всего) собран значительный материал о самаркандских садах эпохи Тимура и тимуридов, который может служить эталоном при постановке в историко-архитектурном аспекте темы о среднеазиатском садово-парковом искусстве XIV—XV вв. Подбор отдельных фактов, рассеянных в дневнике Клавихо и трудах восточных авторов — Шерефеддина Али-Иезди, Ибн-Арабшаха, Хафизии-Абру, Бабура; данных, заключенных в материалах изобразительного искусства, главным образом миниатюры, где при всей условности в изображении перспективных планов и непропорциональности масштабных соотношений архитектуры, пейзажа, людей, даже в самых сказочных сюжетах содержатся элементы реального отображения действительности; наконец, сведения этнографического порядка (ибо народное искусство нередко проносит через столетия крупными стародавних художественных приёмов, сохраняя их не только в памяти, но и в живом творчестве)— всё это, в проекции на данные археологических изысканий, позволяет составить некоторую сумму конкретных представлений для суждения об основных принципах, определивших стиль садово-паркового искусства исследуемой эпохи.

Задача эта представляет значительный интерес. Былое население территории Мавераннахра, к которому восходит этногенез узбекского народа, обладало очень древней, засвидетельствованной ещё античными писателями и старо-китайскими хрониками, а особенно — археологическими данными, высокой культурой земледелия. Сады и парки, как часть архитектурного искусства, имели здесь очень древние, глубокие корни местной традиции. Через смену династий и крушение царств, через жестокие годы разорительных нашествий и социальных кризисов народ пронёс эту традицию, бережно сохраняя её в своём быту. Пригородные хаули Самарканда, Ташкента, Ходженда и многих других городов отличает та продуманность планировки и рациональность размещения древесных посадок, воды, построек, которая свидетельствует о выношенном столетиями опыте культуры садоводства.

При изучении памятников садово-паркового строительства былых эпох исследователь в значительной мере ограничен тем, что сведения письменных источников по данному вопросу имеют отношение, главным образом, к садам имущих классов. При всём том остаётся несомненным, что так как создателями их были те безыменные мастера-садоводы, которые по происхождению и по социальному положению своему были тесно связаны с толщей трудового люда, они, эти мастера, в условиях феодальной эксплуатации сохранили воспитанные сотнями по-

¹ A. U. Pope, Ph. Ackerman Gardens. A Survey of Persian Art (SPA) vol. III. London—New-York, 1931, pp. 1427-1445.

колений местные народные вкусы и синтезировали их в монументальных масштабах при выполнении заказов светских или духовных феодалов. С этой точки зрения сады и парки, некогда предназначенные для услаждения придворных бездельников, составляют частицу художественного наследия народа, так как в них сконцентрированы были огромный земледельческий опыт и эстетические замыслы безвестных народных мастеров.

Роль зелени весьма значительна в общепланировочном пятне исторически сложившихся городов Средней Азии. Для нее не оставалось места ни на главных магистралях, тянувшихся от одних ворот к другим, накрест или лучами рассекая город, представлявших в XV столетии род длинных торговых пассажей, перекрытых то сводами, то натянутым тентом, ни на больших площадях, пространственный отсек которых ограничивали монументальные фасады мечетей, медресе, ханака. Но даже в пределах обведенного стеной хисара,¹ в нешироких изломанных улочках жилых кварталов, игравших роль узкого русла движения, из-за глинобитных дувалов выбивалась зелень садов; и время от времени их монотонность нарушал легкий павильон чайханы, обязательно у воды, с карагачем или чинаром, или небольшая гузарная (квартальная) мечеть с обязательным обсаженным деревьями хаузом. Скудность застройки в границах городской черты была одной из причин выезда горожан с весны на дачи, лежавшие в обширном районе пригорода, где проводилась большая часть года — обычай, существующий поныне в городах Средней Азии — Самарканде, Ташкенте, Шахрисабзе и других. Эти предместья, утопающие в зелени садов, обычно простирались на большой территории, значительно превосходя по площади охваченный крепостной стеной полигон хисара.

Картина пригорода разнообразилась тем, что здесь пролегалла обширная аллея, так называемый хиабан, с четкой системой осевого построения. Таков был упоминаемый в «Бабур-Наме» Куча-и Хиабан в Самарканде, проспект, обсаженный тополями, тянувшийся на несколько километров от сада Тимура Баги-Бульды до ворот Фируза.² Подобная же широкая дорога, обсаженная высокими деревьями, шла от ворот Кязригох, впоследствии известных под наименованием Ходжа-Ахрарских (в южной части Самарканды), в пригороде Ходжа-Кафшир. Бабур отмечает мимоходом хиабан в г. Хисаре. Во второй половине XVI в., когда для известного духовного магната Ходжа Исмаила Джуйбари в местечке Сумитан близ Бухары был создан комплекс монументальных зданий при мазаре Абу-Бакр-Саада (ныне известен под названием Чар-Бакр), вокруг них был разбит также большой сад, дорога к которому, начиная от городских ворот Бухары протяжением в один фарсах (6 км), была обсажена вдоль проведенных для того арыков деревьями и представляла сплошную тенистую аллею.³ Хиабан обычно обсаживали в

¹ Термином «хисар» в XV в. определялось крупное поселение, обведенное крепостной стеной; он лишь приблизительно, по значению, соответствует средневековому «шахристану».

² Вяткин, В. Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. Справочная книжка Самаркандской области, VII, Самарканд, 1902, стр. 33. Якубовский А. Ю. Образы старого Самарканды. «Восток», V, 1925, стр. 157.

³ Вяткин, В. Л. Шейхи Джуйбари. Сборник в честь В. В. Бартольда. Ташкент, 1927, стр. 15.

одни и в два ряда деревьями, среди которых располагались различные архитектурные сооружения—киоски, чайханы и др. Он играл роль большого общественного бульвара, куда приходили в праздники или по вечерам. Таков был очень парадный хиабан, тянувшийся на несколько километров от городских стен Герата по направлению к местечку Газаргох у подножья Парапамизских гор, где помещалась местная святыня—мавзолей Абдаллаха Ансари. На хиабане этом среди деревьев высились различные частные и общественные сооружения; эта огромная аллея в течение многих столетий служила местом празднеств — светских и религиозных, сборов и церемоний, похорон и развлечений. В некоторых случаях хиабан вступал в черту города, как например Куча-и-хиабан XV—XVI вв. Бухары. Несомненно именно хиабан представлял собою исфаханский Чар-Баг, на который последнее название, очевидно, перешло с двух смежных чар-багов (об этом термине см. дальше), составляющих общий комплекс с аллеей¹. Отстроенный Шах-Аббасом в начале XVII в., он по плану восходит к среднеазиатской традиции XIV—XV вв. По «Алам-ара-и-Аббаси» и по описаниям европейских путешественников Чарбаг тянулся на один фарсах (6 км) от тимуридского сада с дворцом Накши-Джехан до сада Аббас-Абад. По обеим сторонам и посередине протекали арыки. Средний местами ниспадал небольшими каскадами и прерывался бассейнами самых разнообразных форм; по обочинам его оставались дорожки, достаточно обширные для всадников и пешеходов: Аллея эта, обсаженная параллельными рядами подстриженных под одну высоту деревьев, между которыми были разбросаны цветники и высились различные киоски, служила местом собрания и прогулок для исфаханцев, причем некоторые дни предназначались специально для женщин.²

В пригородах чаще всего располагалась намазгох или мусалля; мечеть для празднований двух больших годовых празднеств Курбан и Фитр. Гератский хиабан замыкал замечательный комплекс Мусалля — мечети и медресе с мавзолеем, отстроенный между 1417—1437 гг. матерью Улугбека, Гаухар-Шад. В Самарканде в XV в. намазгох располагался к западу от хисара, а не к югу, как донные сохранившийся намазгох XVII в.. Бухарский намазгох, существующий поныне, был возведен в XII в. к югу от города Арслан-ханом в очень обширном саду незадолго до того созданной Шемс-аль-Мульком резиденции Шемс-Абад³. Саму мечеть обычно окружали посадки деревьев подстриженных снизу так, чтобы во время богослужения не закрывать ее молитвенной ниши. В дни молений сюда стекалось почти все мужское население города, которое после отправления дневного намаза тут же весь день и всю ночь предавалось пиршеству.

Достопримечательность Самарканда составлял Кани-гиль, род большого пустыря у СВВ склона Афросиаба, вдоль арыка Оби-Рахмат. Здесь у воды стояло множество чайхан, кухмистерских, палаток, и в пятничные дни, когда стекался народ, выступали на потеху публики фокусники и акробаты. Со времени Тимура, культивировавшего монгольские нравы, здесь разбивался пышный стан, род эфемерно воз-

¹ Minor sky, W. Geographical Factors in Persian Art. Bulletin of the School of Oriental Studies, vol. IX, 1938, Pt. 2, p. 639.

² Описания исфаханского Чарбага очень многочисленны. Сводные сведения и подробную библиографию приводит Godard, A. Athar-e Iran. Annales du Service Archéologique de l'Iran. T. II, fasc. I. Paris, 1937, pp. 88—92.

³ Наршахи. История Бухары. Пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897, стр. 89.

никавшего и также быстро исчезавшего города шатров, и здесь же спрѣд-
лялись грандиозные городские торжества с участием всех слоев населе-
ния — придворного круга, гвардии, купцов и ремесленников. На послед-
них налагалась обязанность по устройству легких, разнообразных,
фантастических сооружений и различных забав. Что касается зелени,
то неизвестно — подвергалась ли существенным изменениям и специаль-
ным планировочным переделкам естественность природных посадок
Кани-гиля.

Славу средневекового Самарканда составляли его «баги» — сады,
большая часть которых была заложена при Тимуре. В самой цитадели
Самарканда, кроме сурового, строго-официального дворца Кук-Сарай,
упоминается Бустан-Сарай («Дворец Плодового Сада»). Но главная
масса садов располагалась вне городской черты хисара. Ниже приво-
дится перечень 14 садов Тимура и Улугбека,¹ основные данные
местоположения которых определены историко-топографическими взы-
сканиями М. Е. Массона.

1) Баги-Накши-Джехан («Сад Узор Мира»), возведенный, видимо,
в начале царствования Тимура, в 70-х годах XIV в., у подножья горы
Чупан-Ата, может быть напротив холма Ша-Мурад-бия, где найдено
множество тимуридского кирпича, изразцов, майолики и мраморных
плит панелей.

2) Баги-Бехишт («Райский Сад»), возведенный Тимуром в 1378 г.
для его 12-летней жены Туман-Аки к западу от города.

3) Баги-Амирзаде-Шахрух («Сад Царевича Шахруха»), отстроенный,
вероятно, в 1394 г., в год возвращения из похода в Закавказье этого
принца.

4) Баги-Бульды («Сад Довольства») к востоку от Самарканда на
упомянутой Куча-и-Хиабан, именовавшийся также «Дальним» в отли-
чие от

5) Баги-Дилькуша («Сад Пленяющий Сердце»), который называл-
ся «Ближним». Это был один из самых роскошных садов Тимура, ле-
жавший в 6 км к востоку от города в местности Хан-Чарбаг близ
с. Урта-Пулатчи. Начат был разбивкой осенью 1396 г., окончен, по
Шерефеддину, в два года; однако отделочные работы продолжались
еще и в 1399 г., поскольку во дворце были картины с изображениями
походов Тимура на Индию.

6) Баги-Шамаль («Северный Сад» или, может быть, «Сад Прохла-
ды», «Сад Северного Ветерка», ибо «Шамаль» означает также легкий
северный зефир), воздвигнутый в 1397 г. для дочери Мираншаха.

7) Баги-Заган («Сад Воронов»), расположенный в Шавдарском
тумане на Куча-и хиабан, за Баги-Бульды.

8) Баги-Балаянд («Высокий Сад»), считавшийся одним из лучших
садов Тимура, лежавший к северу от Самарканда.

9) Давлет-Абад («Местопребывание Счастья, или Власть») к югу
от Самарканда в Даргомской степи, разбитый для Тимура ко дню воз-
вращения его из индийского похода (1399 г.).

10) Баги-Чинар («Чинаровый Сад») к югу от города.

¹ Шерефеддин называет 9 садов Тимура (Sherefeddin Ali natif d' Iezd. Nisoir de Temur—Beg. Trad. par Petis de la Groix, Adelet, 1723. Данные о самаркандских садах — в томах II, III, IV Цифру эту увеличивает Хафиз-Абру, дающий в своем перечне (неполном) 10 садов, половина которых не упоминается первым автором (Бартольд, В. В. Хафиз-Абру и его сочинения «Ал-Музаффарий». Сборник статей учеников бар. В. Р. Розена, СПб., 1897, стр. 14—персидский текст 16—перевод). Некоторые из этих садов фигурирует у Клавихо Ибн-Арабшаха, Забура и др.

11) Баги-Нау («Новый Сад») один из последних садов «Великого эмира», отстроенный в 1404 г., примыкавший к западной стене хисара, но отделенный от нее рвом и дорогой.

12) Баги-Джехан-Нумо («Сад, показывающий мир»), по Клавихо — «Неизвестный сад» на пути к Шахрисябзу.

13) Баги-Майдан («Сад Площади», может быть, «открытой площадки»), лежавший к северу от Афроснаба. По Хафизи-Абру, возведен Тимуром, по Бабуру — уже Улугбеком.

14) Багча («Садик») Улугбека с Чини-ханой (последняя вероятно, конца 20-х годов XV в.) близ Баги-Майдана у подножья Чупан-Аты.

В конце XV в., когда многие беки и эмиры разбили в окрестностях Самарканда для себя сады и дачи, особенной красотой отличался террасообразный Чар-баг Дервиш Мухаммад Тархана.¹ По мнению М. Е. Массона, он, может быть, основан был на месте Баги-Балаянд. К этому времени многие из тимуридских садов пришли в упадок и при шейбанидах (XVI в.) некоторые из них были отданы частным лицам. Однако создавались и новые. В источниках XVI в. упоминается сад Хиды близ Мазара Ходжа Абди Даруна, Дили-Афруз на восток от города, возможно у впадения Оби-Машад в Сиаб. По В. Л. Вяткину, здесь, в упоминаемом при шейбанидах квартале Нау («Новый»), находилось множество дач самаркандской аристократии.² Им же, на основании вакуфного документа, упоминается Баги-Широн — «Сад тигров», близ мазара и ханаки Ходжа-Абди-Даруна, составлявший вакуфное имущество этих построек.³

Великолепные сады Герата, ко второй половине XV в. были столь же многочисленны. Характерно при этом, что наиболее выдающиеся из них принадлежали как членам царствующего дома, так и видным вельможам Султан-Хусейна. Располагались они в массе своей, кроме Баги-Шахр («Городской Сад»), в пригородных районах Герата — «булюках», из которых самым аристократическим был булюк Инджиль, где сосредоточена была большая часть богатых вилл и дворцов. Из дотимуровских садов известны: Баги-Балаянд (Высокий Сад) и Баги-Заган (Сад Воронов) оба в северных предместьях города; Баги-Сафид (Белый сад), значительно расширенный при Шахрухе. При Абу-Саиде возникает сад Баги-Зубейде. Баги-Джехан-Ара (Сад — Украшение Мира), был лучшим из садов Султана Хусейна, отстроенным им на месте прежнего небольшого сада Баги-Мурад. Царевичу Бади-Аззаману принадлежал Баги-Нау (Новый Сад); среди царских садов Хондемир называет также Баги-Чаман-Ара (Сад — Украшение Луга), Бейт-уль-Омом (Сад Дома Безопасности), Тахт-и Остома и Тахт-и Сафар. Он сообщает также о многочисленных садах Алишера Навои и среди них — Баги-Маргани, Баги-Пули-Сангкашон (Сад у Моста Носильщиков Камней), Багча-и Шаукя (Привлекательный Садик), Багча (Садик) в пригороде Гузаргох, к северу от которого располагались парки — Баба-Сухте и Азизон. Соперником Навои, Маджеддином, были отстроены сады: Баги-Назаргох (Сад-Миловида), Баги-Мухтар (Избранный Сад), Баги-Хиабан (Сад Хиабана) и четвертый сад, название которого не уточнено.⁴ Бабуру упоминает, кроме

¹ Memoirs of Zehir-ed-din Babur Transl. by J. Leiden and W. Erscine Annotated and revised by L. King. Oxford, 1921, t. I, p. 82-83.

² Вяткин. Цит., соч., стр. 23.

³ Вяткин. Цит. соч., стр. 23.

⁴ Беленицкий, А. А. Историческая топография Герата XV в. Сб. «Алишер Навои». М.—Л., 1946, стр. 182, 188—189, 193; Массон, М. Е. К исторической топографии Герата XV века. Сборник «Великий узбекский поэт». Ташкент, 1948, стр. 129, 134—135.

того, ряд дворцов, снабженных, вероятно, садами: Тахт-и Беркер, Тахт-и Наджибек, Тахт-и Бехауддин, Беллури («Хрустальный»), Ак-Сарай Абу-Саида, стоящую посреди садика Тарабхану («Павильон Радости») царевича Музаффар-Мирзы и Сусани-Хану (Павильон Ирисов).¹

Остается еще отметить группу садов при мавзолеях. Таков был сад при фамильной усыпальнице Тимура в Шахрисябзе Дар ус-Сиадат, вакуфный садик при мавзолее Ходжа-Ахмада Ясеви в Туркестане, сад при мавзолее Гури-Мир и Ишрат-Хана в Самарканде и некоторые другие.

* * *

Известен ли был в Средней Азии в XIV—XV вв. архитектурный сад; и каковы были типы его; и каковы ведущие принципы планировки; и в каком взаимоотношении в этих садах были зелень, архитектура, вода?

Изучение материала решительно указывает на преобладание архитектурного сада с правильной организацией плана². Бабур, воспитанный на среднеазиатских вкусах, в своей несколько высокомерной характеристике жителей Индии неоднократно подчеркивает, что они не имеют никакого представления о правильной распланировке садов и регулярном размещении водных устройств и киосков, считая верхом безвкусицы характерную для индийских парков живописность, отсутствие симметрии и четкости плана.³ Он вводит в Индии сады, организованные по образцам восточно-тимуридского строительства (в первую очередь Самарканда и Герата) и отмечает, что обстроенной регулярными садами и дворцами его и вельмож части Агры индусы дали имя «Кабули», подчеркивающее чужеземный, завозной характер ее оформления.⁴

Сады не возникали стихийно; им предшествовало составление и тщательное обсуждение плана. «Я приказал»,—говорится в «Мальфузат-и Тимури» от имени Тимура о саде Дилькуша — «привести придворных архитекторов и строителей, которые собрались из благословенного царства (моего)... Сообща они выработали план лужаек и аллей и занялись устройством сада, стен и того очень высокого дворца, который я приказал возвести в середине сада».⁵ К составлению проекта Баги-Нау им были специально привлечены мастера Дамаска, известные искусством сооружения различных водных устройств — фонтанов, каскадов и др.⁶ Описание подготовительных работ к строительству садов Фархада в поэме Навои почти протокольно точно рисует картину того, как выбирались места для них.

Когда подсчёты кончил Мульк-Ара,
Сказал он: «К делу приступить пора!»
Он выехал, и ехал без помех,
Ему во всё предшествовал успех.
С ним в свите много мудрых зодчих шло,
Немало и учёных прочих шло.
Так ездили они из края в край,
Обездили едва-ль не весь Китай.
Четыре места для дворцов избрав,
Четыре скажешь рай — будешь прав⁷.

¹ Вавур, П, pp. 14—16.

² Исключение составляют располагавшиеся в удаленных местах природные охотничьи заповедники.

³ Вавур, П, p. 207, 224.

⁴ Вавур, П, 257.

⁵ Якубовский А. Ю. Мастера Ирана в Средней Азии при Тимуре. Иранское искусство и археология III международного конгресса. Доклады. М.—Л., 1939, стр. 279.

⁶ Cherefeddin, IV, pp. 179—180.

⁷ Алишер Навои «Фархад и Ширин», пер., Л. Пеньковского. Ташкент, 1948, стр. 65.

Участки чаще, повидимому, выбирались с уже существующими посадками, с учетом возможности использования нужного количества воды. М. Е. Массоном установлено, что среди садов Тимура Баги-Джехан-Нумо — единственно известный как наново посаженный сад; для остальных использовались уже культивированные под сад участки. Так, для Баги-Дилькуша было объединено двенадцать уже существовавших садов, у которых, видимо, просто разнесли дувалы и посадки которых по возможности соподчинили плану, вырубив ненужные и дополнив новыми там, где это следовало. Алишер Навои упоминает, что при создании им в Герате, на полученном в дар от Султан-Хусейна крупном земельном участке комплекса Ихласийэ, он как бы продолжил делавшиеся здесь и ранее попытки разбивки садов, окружив при этом площадь в 30 джерибов стеною и возведя во вновь распланированном и насажденном парке, на месте старых построек, новые прекрасные здания и павильоны.¹ Несомненно, что в таких садах насаждались не двух-трехлетние саженцы, но большие многолетние деревья (искусством таких пересадок поныне владеют узбекские и таджикские садоводы).

Форме участка сада обычно стремились придать прямоугольный или квадратный контур. Некоторые из таких архитектурно-оформленных садов, особенно у Тимура, отличались огромными размерами. Ибн-Арабшах, говоря о саде Баги-Джехан-Нумо, приводит анекдот о заблудившейся в нем лошади архитектора, отыскать которую удалось лишь месяц спустя.² Размеры Баги-Дилькуша и Баги-Нау по наружному периметру составляли 1500×1500 гязов³. Если учесть, что в конце XIV—XV вв. размер гяз'а колебался примерно в пределах 65—75 см., то площадь эта будет соответствовать приблизительно 1000×1000 м. Промер остатков вала, окружавшего трапециевидный полигон сада Давлет-Абад, дал размер сторон: 750—800 м на 1450—1475 м.⁴ Один из самых парадных садов Султан-Хусейна Байкары в Герате, Баги-Джехан-Ара, заключал площадь в 53 га. Сады других государей и аристократов, видимо, были более скромны по размерам. Так, очевидно, небольшой площади обязан своим уменьшительным наименованием сад Улугбека в Самарканде — «Багча» («Садик») или Багча Шаукая («Привлекательный садик») Алишера Навои в Герате.

Для тимуридской эпохи обязательным фактором является обнесение сада невысокой стеной, нередко обведенной рвом. Отсутствие этих стен в Индии поразило Бабура. Вероятно, в ряде случаев возведение стен предшествовало созданию сада и его построек, как это имело место, например, в XIX в. при создании Хорезм-бага в Хиве,⁵ или по крайней мере велось параллельно. Стена иногда представляла просто глинобитный вал, но нередко она архитектурно оформлялась и богато декорировалась изразцами. Вход выделялся пештаком.⁶ В Баги-Дилькуша все четыре стены центрировались порталами. Углы фланкировались башнями-голубятнями, откуда открывалась прекрасная воздушная перспектива: эти башни в Баги-Дилькуша и Баги-Нау Тимура были богато украшены изразцами.

¹ Беленицкий, цит. соч. стр. 195.

² Ibn Arabshah, Achmed. Tamerlane or Timur the Great Amir. Transl. by J. H. Sanders. London, 1936, p. 310.

³ Cherefaddin, II, p. 223; IV p. 179.

⁴ Сухареv. И. А. Дворец-сад Тимура Давлят-Абад, Отд. оттиск из Трудов УзГУ, Новая серия, 11, вып. 2. Самарканд, 1940, стр. 2.

⁵ Кун, А. Материалы для статистики Туркестанского края, вып. IV, СПб.; 1876: стр. 214—215.

⁶ Пештак — монументальный арочный портал.

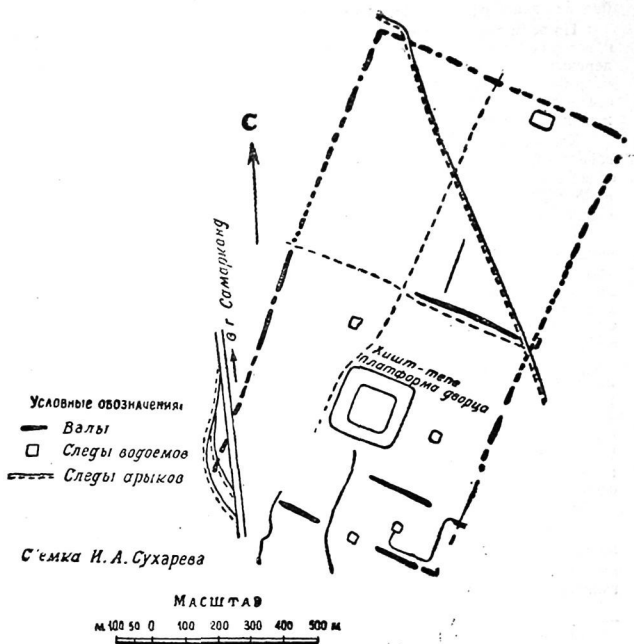

Рис. 1. План развалин загородного дворца-сада Тимура, Давлет-Абад.

Специфику внутренней распланировки подобных садов составляет четкость осевого построения. В детальном описании Шерефелдином Баги-Дилькуша указывается: «Площади сада приказано было распланировать на геометрические фигуры — квадратные, с аллеями, шестиугольные цветники; засадить обочины аллей тополями, а шестиугольники и треугольники по краям украсить фруктовыми деревьями, различных сортов цветущими и плодовыми деревьями»¹. Здесь, таким образом, тип архитектурного сада в виде квадрата, с выделением основных осей четкими вертикалями тополей, с геометрической упорядоченностью отдельных участков, в пределах которых допускалось живописно-свободное размещение зелени; это — некий идеальный чар-баг.

На этом термине следует остановиться специально. Слово «баг» — сад в исторических сочинениях связывается с представлением о плодовых деревьях и обычно упоминается как принадлежность дворца — «сарая». «Чар-баг» — буквально «четыре сада», правильное «четырёхчленный сад» — по объяснению В. В. Бартольда, означал сад, со всех сторон окружающий дворец.²

Характерное представление о типовом тимуридском «чар-баге», в основе которого лежит подразделение на четыре сектора, даёт «Глава о посадке саженцев, цветов, деревьев, душистых трав, об устройстве чарбага и последовательности его возведения» из земледельческого трактата «Иршад-аз-Зир'а», написанного в Герате в начале XVI в.³

Рекомендуемый здесь тип чар-бага представляет прямоугольный, окружённый стеной, архитектурно-организованный сад с правильной ориентацией его по странам света, с выделением главной оси широким проходом и протоком, и постановкой на ней здания (иморат), с разбивкой основных участков на «чор-чаманы» (т. е. на четыре прямоугольных лужайки), с обведением дувала правильными рядами тополей, с тщательным регулированием посадок различных декоративных и плодовых деревьев и цветов. На основании описания нами составлен чертёж реставрации плана чар-бага по «Иршад-аз-Зир'а» (рис. 2). Это, так сказать, стандарт рядовой пригородной усадьбы зажиточного горожанина конца XV — начала XVI в., квинтэссенция планировочного опыта самаркандских и гератских народных специалистов той эпохи по разбивке садов и парков. Именно такова сохранившаяся еще и поныне в основных чертах распланировка Чар-бага Бабура в Кабуле, обнесенного архитектурно оформленной аркадой стеной с четким выявлением центральной аллеи и 16-ю квадратными чар-чаманами.⁴

По принципу чар-бага был распланирован самаркандский сад Тимура «Давлет-Абад», разбитый на несколько возвышенном рельефе. Подробное описание его содержится у Клавихо: «Он был окружён глиняным валом и окружность его была вокруг вала в добрую лигу

¹ Cherefeddin, П, 424—425. Здесь цитируется уточнённый М. Е. Массоном перевод с персидского текста «Зафар-Наме».

² Бартольд, В. В. История культуры жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 36. По мнению А. Пооп'а в основе темы «чар-баг» лежит, якобы, не рациональная планировочная мысль, но символ, идея зороастрийской космогонии о расчленении мира на четыре секции, соответствующие четырём мировым стихиям. (SPA II, p. 1429).

³ Привношу глубокую благодарность Е. М. Пещеревой, подготавливающей к печати критическое исследование «Иршад-аз-Зир'а», любезности которой я обязан знакомством с главой о чар-баге из этого сочинения.

⁴ Diez, E. Niedermeier, O. Afganistan. Berlin. 1924, Abb. 4.

(до 4-м клм)... было в нём шесть водоёмов, от одного к другому шли точно дороги из больших и тенистых деревьев; посреди этих дорог поднимались точно ходы на возвышение, которые проходили по всему саду;

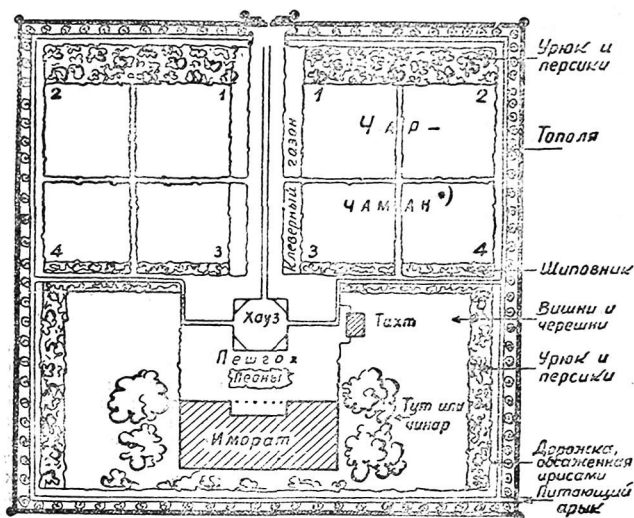

Рис. 2. Примерная реконструкция плана теплого чар бага Тимуридской эпохи (по «Иршад-аз-Зир'а» и отчасти по данным миниатюр).

Посадки чар-чаманов:

1. Виноград. Цветы: синие фиалки, ирисы, роза, крокусы, нарциссы, розы декоративные и простые.
2. Айва. Цветы: тюльпаны садовые и горные, «дурдартуш», «кокуди», ирисы обычные и белые степные, анемоны, «голубой» жасмин, желтые пионы, желтые фиалки, махровые тюльпаны, «шад-буй».
3. Персик-никторин. Розарий с восьмью сортами роз на клеверном газоне и мак.
4. Груша. Цветы: желтый жасмин, «гули-шаш-мохи», «зенбук», лилия, цветущий перец, лимонный ирис, «хатми-хитон», белый жасмин, «джаман-афруз», китайские тюльпаны, бархатцы.

от этих дорог шли другие вкось, так что по ним можно было ходить и осматривать весь сад, а от этих дорог шли ещё другие. Был высокий земляной холм, насыпанный руками, ровный по верху, окружённый дере-

вянными кольями. Посреди него стоял прекрасный дворец... Из сада был вход в большой виноградник, тоже окружённый глиняным валом, такой же большой, как и сад; около вала вокруг виноградника шёл ряд высоких деревьев, которые казались очень красивы»¹.

С этим текстом вполне совпадают археолого-топографические наблюдения И. А. Сухарева. Сохранился контур оплывшего глинобитного вала, окружающего прямоугольную площадь, разбитую стеной на два квадрата, из которых первый (чар-баг) содержит в центре высокий (до 14 м) холм-платформу дворца размером 65×65 м в основании, с плоской верхней горизонтальной площадкой; следы протоков, из которых один идет почти по главной оси; четыре квадратных бассейна. Второй, смежный чар-багу, квадрат несомненно заключал упоминаемый Клавихо виноградник.²

Существовал и иной вид сада с возвышенным рельефом, отличающийся террасообразным построением площадок, но с сохранением той же главной оси, завершаемой дворцом. Таков был, например, Чар-баг Дервиш-Мухаммад Тархана в Самарканде, разбитый, с соблюдением симметрии, на несколько уступов, засаженных деревьями определённых пород, который Бабуур рекомендует как один из лучших в Самарканде по чистоте воздуха, красоте местоположения и внутреннему благоустройству.³

Уступчатое построение было отмечено при раскопках Багча Улугбека одним из отрядов Самаркандской Археологической Экспедиции 1941 г., возглавляемой М. Е. Массоном. Этот небольшой интимный парк был разбит Улугбеком при крупном саде Баги-Майдан, лежавшем на склоне горы Чупан-Ата, начатом ещё при Тимуре, но законченным уже его внуком. Раскопки (отряд археолога В. Д. Жукова) проводились на свободном от частновладельческих усадеб шлейфе склона Чупан-Ата площадью около 800 кв. м. и, видимо, захватили один из крайних пунктов бывшего сада, где чётко выделялось два архитектурно-организованных участка (рис. 3). В первом оказалась выравненная терраса склона, выложенная сверху квадратным кирпичём, под которым были проложены гончарные трубы, подводившие воду в открытый арык, проходивший через 12-гранную площадку с круглым бассейном (или фонтаном) в центре; рядом располагалась инкрустированная разноцветными сортами мраморовидного оникса площадка, за которой кончалась подсыпка грунта. Крутой скат террасы укрепляла кирпичная подпорная стенка высотой свыше 1,5 м, у подошвы которой располагалось какое-то парковое сооружение.

Хотя прямая связь восточного участка с описанным пока не установлена (возможно, она осуществлялась за счет древесных насаждений, партеров и цветников), едва ли случайна взаимная перпендикулярность их осей. Здесь обложенный кирпичём арык подводил воду к октогональному бассейну, над которым располагалась приподнятая, выложенная шестигранными плитками суфа возвышение⁴, а дальше остатки древних строений, контуры которых уходят в пласты не вскрытой ещё

¹ Клавихо, Рюи-Гонзалес де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403—1406 гг. Пер. Срезневского И. И. Сборник отд. русского языка и словесности АН, т. XXVIII, СПб., 1881, стр. 244—245.

² Сухарев, Цит. соч., стр. 1—6.

³ Вавур, р., 83.

⁴ Подобного типа суфа в саду над бассейном представлена, например, на миниатюре начала XVI в. (Самарканд или Герат). Опубликовано в книге A. Sakisian-La miniature persane du XII au XVIII - e siècle. Paris et Bruxelles, 1929, fig. 100.

территории. Раскопки были прерваны в связи с началом Великой Отечественной войны.

Террасообразное построение отмечается в одном из кабульских садов Бабура¹. Принцип этот был позднее использован в иранском строительстве XVII в. Именно таков был сад Хазар-Джериб Шах-Аббаса в Исфахане с террасами, спускавшимися откосами, удобными для подъема, с центральным протоком, ниспадавшим каскадами и местами прерываемым бассейнами и фонтанами разнообразных форм.² Аналогичен ему другой, начатый при Шах-Аббасе сад в Ашрафе, разбитый на семи уступах, Баги-Тахт в Ширазе, сад Хусейн-хана в Хойе и другие.

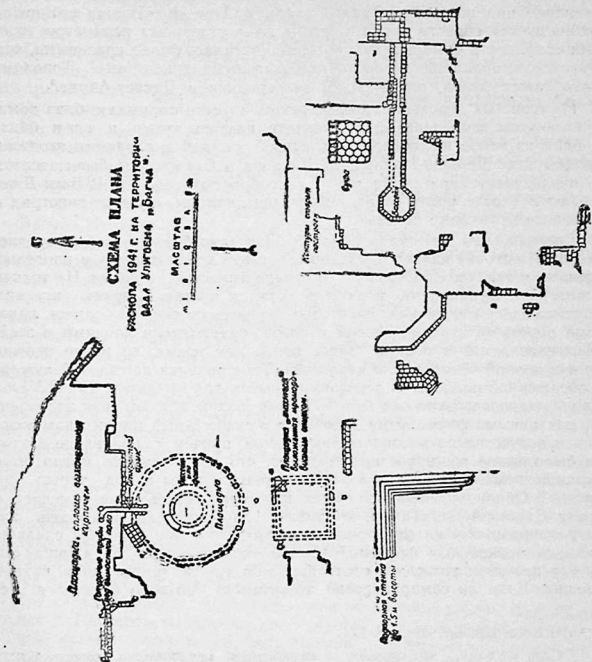

Рис. 3. Схема плана раскопки 1941 г. на территории сада Улугбека «Багча».

При создании сада исключительная роль придавалась подбору древесных пород и озеленению. Характерно, что Ибн-Арабшах, не назы-

¹ Afganistan, цит. соч., pp. 374.

² Описания современниками Хазар-Джероба многочисленны. Ср. Saladin, H. Manuel d, art musulman, l' Architecture, Paris. 1907, p. 385. SPA, II, p. 1433 и др.

вая в перечне выдающихся людей, собранных при дворе Тимура, ни одного из тех архитекторов, гению которых Самарканд был обязан созданием его великолепных дворцов, мечети, мавзолеев, упоминает, однако, высоко ценившегося специалиста по древесным посадкам — Шихабуддина Ахмада Зардакаши¹. Хотя, как указывалось выше, часть садов разбивалась с использованием уже существующих посадок, в создании их огромную роль играл тщательный подбор и сочетание древесных пород. Столетние тенистые чинары дали название садам Баги-Чинар в Самарканде и в Герате. Вдоль главных аллей и дувалов проходили шалеры пирамидальных тополей, возможно с постепенным к ним переходом от зелени партеров к кустарниковым посадкам, как это было позднее осуществлено при постройке Тадж-Махала в Агре. В «Иршад-аз-Зира'а» рекомендуется обвести дувал усадьбы по внутреннему периметру тополями «сафидор-и самарканди», которые считались более красивыми, чем гератские и обладали лучшими строительными качествами². Тополями был обсажен дувал, окружавший виноградник в Давлет-Абаде.³

Из тенистых деревьев, которые рекомендуется насаждать близ дома, в упомянутом земледельческом трактате, названы чинар и тут-и бидани, один из видов шелковицы, с красивой листвой и сладкими ягодами. Террасы сада Дервиш-Мухаммада Тархана в Самарканде были засажены прекрасными карагачами, туйей и серебристым тополем. В Баги-Джехан-Ара в Герате росли сауры, пихты, ивы, чинары, а также виноград и различные фруктовые деревья.⁴

Специфичным для садов Средней Азии (как будто и вообще средневекового Востока) является именно сочетание декоративных и плодовых деревьев, в отличие от Европы с её ограниченностью первыми. Не только утилитарная функция, но и любовь южан к цветам и ярким краскам побудила здесь к введению фруктовых деревьев со снежно-белыми, лиловыми, розовыми цветами весной и розово-оранжевыми плодами в зелёной листве летом и осенью. Здесь проводили время, не менее охотно, чем под кроной чинаров, или карагачей. Тема пикника на садовой лужайке, обсаженной плодовыми деревьями, обычна для миниатюр XV—XVI вв. Клавихо характеризует сад при Ак-Сарае шахрисябзском, как заполненный различными фруктовыми деревьями и снабжённый множеством водоёмов и искусственно расположенных лугов, причём «...при входе в этот сад было такое обширное пространство, что много народа могло бы с наслаждением сидеть тут в летнее время у воды и под тенью деревьев».⁵ Обилие разнообразнейших плодовых деревьев он отмечает и в саду Давлет-Абад.⁶ Тимур, по словам Ибн-Арабшаха, был очень заинтересован, чтобы на фруктовых деревьях его садов были бы сделаны прививки прекрасных фруктов.⁷ Из плодовых деревьев в «Иршад-аз-Зира'а» названы: урюк, два сорта персиков, груша, гранат, айва, вишня, черешня. Едва ли самаркандский ассортимент чем-либо отличался. Ве-

¹ Ibn Arabshah, цит. соч., pp. 374.

² Судя по тому, что сафидор-и самарканди предлагается сажать между дувалом и арыком в промежутке равно три зер'а (около 1,5 м.), это, видимо, тип высокого пирамидального тополя с голым в нижней части стволом и неширокой кроной — они, таким образом, не лишали смежные участки, засаженные плодовыми деревьями, солнечного света.

³ Клавихо, цит. соч., стр. 245.

⁴ Беленицкий, А. М. Историч. топогр. Герата... Цит. соч., стр. 194.

⁵ Клавихо, цит. соч., стр. 237.

⁶ Там же, стр. 244.

⁷ Ibn Arabshah, цит. соч., pp. 304.

реально, к нему следует добавить яблоки и миндаль. Большая часть этих пород, которыми славится донныне Средняя Азия, не менее обычна на миниатюрах XV в., чем в образах среднеазиатской поэзии.

С точки зрения планировочной характерно, что в пределах правильных фигур разбивки сада, ограниченных регулярными посадками декоративных пород, отмечается более живописное, но тщательно продуманное размещение цветущих и плодовых деревьев различных сортов (см. приведённое выше описание сада Баги-Дилькуша). Бабур направляет своим эмирам в Кабул подробную инструкцию об улучшении садов. «Я приказываю,— пишет он,— выстроить водоёмы, в который воду провели бы из Тути-Дара и вокруг которого повелеваю посадить деревья, а так как оттуда открывается прекрасный проспект, назвать его Назаргох («Милости»). Вы должны здесь посадить также различные прекрасные деревья, ограничивающие правильные плодовые сады, и засадить травянистыми симметричными площадками, окаймлёнными прекрасными благоухающими цветами»¹.

На глубоко-поэтической миниатюре 1436 г. «Встреча Хумаи и Хумайюн», или диптихе Бехзада с изображением Султан-Хусейна, пирующего с жёнами в саду², и ряде других изображений тимуридской эпохи в прямоугольном участке сада, обведенном изящной оградой, вдоль извивающегося арычка, свободно растут плодовые деревья и цветы.

Бабур, который очень увлекался селекционными экспериментами, охотно ввозил в более северные районы всяческие экзоты. Так, в разбитый им в Адинапуре сад Баги-Вефа он привёз банановые пальмы и сахарный тростник, которые здесь великолепно прижились. В Баги-Вефа на ярко-зелёных клеверных газонах были посажены гранатовые и апельсиновые деревья. Среди среднеазиатских садоводов до последнего времени считается хорошим тоном привоз издалека различных редкостных растений, а также черенков разнообразных прививок неместного происхождения.

Опыты завоза экзотической растительности в среднеазиатские сады имели место и в XV столетии. Так, например, Бабур отмечает, что, кроме Адинапура, он выслал сахарный тростник в Бадахшан и в Бухару, не оговаривая, однако, как они здесь прижились. Косвенные данные содержатся в памятниках изобразительного искусства. В настенной живописи ряда мавзолеев начала XV в. — Туманак, Биби-Ханым (оба 1405 г.), Казы-Заде-Руми (30-е годы XV века) в Самарканде, усыпальнице родственников Улугбека в Шахрисябзе — так наз. Гумбези-Сейидан (1437 г.), наряду с обычными деревьями изображены какие-то пальмовидные экзоты. Характерно, что кусты или ветви перистой пальмы широко входят в роспись самаркандских чаш и блюд XV века.

Что касается цветов, то любовь к ним на Востоке давно стала нарицательной. Перечень последних, приведённый в одном только «Иршад-аз-Зир'а», крайне обширен (см. экспликацию к чертежу). Чрезвычайно интересно наблюдение Е. М. Пешеревой, что предлагаемая в этом трактате рассадка цветов основана на подборе сортов по принципу непрерывности цветения: отходят одни, но распускаются другие.³ На неко-

¹ Babur, II, стр. 274.

² An Illustrated Souvenir of the Exhibition of Persian Art. London, 1931, ill 471, 483.

³ Это — прямой контраст европейскому методу подбора древесных пород по принципу увядания, с учетом того, что осенью, краснея и желтея, они образуют прекрасные букеты умирающей листвы (например, Версальский парк).

торых цветах хочется остановиться специально. Так, вдоль арыков рекомендуется рассаживать иммортели и особенно ирисы (различных сортов), а на газонах засеивать клевер. Об этом читаем и у Бабур. По обочинам дорожек предлагается рассаживать шиповник; на клумбе перед айваном дома — красные пионы. Розы восьми различных пород выделяются в особый розарий, сочетаясь с посадками никотиринов (гладкий персик, покрытый ранней весной лилово-розовой пеной цветов) и с посевом мака. Все это можно встретить до последнего дня в узбекских и таджикских садах. Бабур распланировал в садах Агры правильные партеры и цветники с розами и нарциссами¹. Именно это же сочетание было в сказочном Саду Весны Фархада².

Красочность этих садов дополняли птицы с ярким оперением. Излюбленными были павлины, птица специально созданная для украшения садов, по словам Навои³, в саду которого был прекрасный подбор их⁴. Клавихо отмечает, что в Давлет-Абаде было множество фазанов⁵. Из Индии привозился попугай — птица излюбленная на Востоке не только за яркость оперения, но и за своё умение говорить, которое рассматривалось здесь как признак особенного ума; мы видим их в руках гаремных красавиц, в упомянутой сцене Султан-Хусейна среди жён. В бассейнах плескались утки, что также подтверждается миниатюрами. Нередко в них напускались рыбы, о чём свидетельствуют самые наименования, например Хауд-и Махийон («Бассейн Рыб») в Герате и др. По мнению М. Е. Массона, в Средней Азии это могла быть маринка — местная серебрястая рыбка, живущая в проточной воде, в некоторых районах почитавшаяся священной. В садах нередко содержались красивые животные — отнюдь не для целей охоты, но для украшения, как, например, олени в Давлет-Абаде. «Баги-Широн» — «Сад Тигров» близ ханаки и мазара Абди-Дарун в Самарканде будто бы обязан своим наименованием, содержащимся в нём приручённым тиграм.

Зелень — основное слагаемое сада; другим, не менее важным, является вода.

Отсутствие проточной воды являлось крупным недостатком сада Дервиш-Мухаммад Тархана. При возведении садов снабжение их водой было первоочередной задачей. Бабур постоянно упоминает о проведении им каналов, устройстве бассейнов, водоёмов, фонтанов, подчинённых строго регулярному плану. В саду — система четко упорядоченных основных арыков, то ниспадающих каскадами, то прерываемых бассейнами. Так, сад Давлет-Абад пересекал широкий проток с шестью водоёмами (местоположение четырёх из них определено И. А. Сухаревым). Форма бассейнов, как правило, строго геометрична. В описаниях упоминаются многоугольные (восьми- и десятигранные) и прямоугольные бассейны. Археологическими изысканиями установлены бассейны квадратной (Давлет-Абад), круглой, октагональной формы («Багча» Улугбека). На миниатюрах, кроме этих форм, встречаются бассейны, оформленные как бы фестонами (рис. 4). Проточная вода подводится и отводится арычками обложенными камнем, чаще кирпичём («Багча» Улугбека; то же на ряде миниатюр). Иногда, как например, в Багча, вода

¹ Бабур II, 256—257.

² Фархад и Ширин. Цит. соч., стр. 77—78.

³ Бертельс, Е. Э. Навои и Аттар. Мир-Али-Шер. Л., 1928, стр. 74.

⁴ Клавихо, 245.

⁵ Так, чрезвычайное разнообразие форм бассейнов представлено в цикле миниатюр «Хамса» Низами 1494 г. Музея восточных культур в Москве, — л. л. 2, 44, 52, 57, 61, 71, 87, 167.

проходила под вымосткой площадки в гончарных трубах, затем переходя в открытый арык.

В тех случаях, когда позволял рельеф местности, вода ниспадала каскадами. Шереффедин сообщает о большом числе и необычайном разнообразии водных устройств в Баги-Нау, изобиловавшем водой. Здесь было множество каскадов, бассейнов, фонтанов различных форм, с нисходящей, а также с бьющей струей¹. Когда испанские послы пришли к

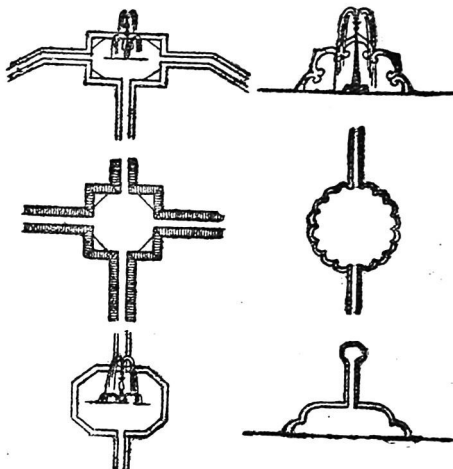

Рис. 4. Некоторые типы бассейнов (по миниатюрам XV—XVI вв.).

Тимуру в Баги-Дилькуше, они застали его сидящим на тахте перед айваном дворца и перед ним «... был фонтан, который бил вверх, а в фонтане были красные яблоки».² Фонтаны с бьющей струей представлены на ряде миниатюр XV—XVI в. Чаще всего они невысоки (едва ли выше 1,00—1,50 м)³, расположены посреди бассейна и имеют два или три яруса невысоких струй.⁴

Симметрия и строгая упорядоченность отличают все эти устройства и лишь в пределах цветников и лужаек допускались свободно извивающиеся, обросшие травой и ирисами арычки.

Третье слагаемое сада — его архитектура, которая расчленяется

¹ Cherefeddin, IV, pp.179—180.

² Клавихо, 249.

³ На миниатюре начала XVI в. «Двор Бабур» изображён фонтан с высоко бьющей струей (Burlington Magazine, Jan., 1945, N 502, p. VI).

⁴ Sakisian, op. cit., fig. 142. Blochet, E. *Musulman Painting XII—XVII century*. Transl. by S. M. Binion. London, 1929, pl. CXXIII. Kühnel, E. *Miniaturmalerei im Islamischen Orient*. Berlin, 1923, s. 102.

на два основных типа: легко-ажурного павильонного сооружения и монументального здания.

Видимо, к старой полукочевой традиции разбивки военного стана восходил обычай свободной постановки в саду нарядных шатров и палаток. Но в саду эти шатры приобретают декоративный характер; их яркая расцветка, сочетание ковров, шелков, золотшвейных тканей, колеблемых ветром золотых и серебряных кистей, оживляют зелень лужаек и деревьев. В садах Тимура Дилькуша, Давлет-Абад и других Клавихо то и дело отмечает различные палатки, покрытые коврами и шелками. К той же категории относятся «муляхи», род лёгких переносных недолговечных хяжин-шатров, сплетённых из свежих ветвей.

Наряду с этим широкое распространение получает строительство павильонов. В их отделе народные мастера проявляют много изобретательности и вкуса. Так, Бабур упоминает свою Сурат-Хану (род картинной галереи) в Кабуле, выстроенную у ворот Чар-бага и окружённую палатками, подчёркивая, что она невелика, хотя во время меджлисов вмещает до 16-ти человек.¹ Небольшими размерами отличалась Чинихана — «Фарфоровый павильон» Улугбека в Самарканде, облицованная, как показали раскопки 1941 г., частично плитками подлинно-китайского фарфора типа кобальт, ценившегося в XV веке буквально на вес золота, частично местными имитациями его на кашине (особая силикатная масса). Другой какой-то павильон из комплекса в Багча имел чудную панель резной терракоты с прожилками синей глазури.² Обширный павильон высился среди сада Султан Махмуда в Шахрухин, где он совершал приёмы. Широко распространён был тип талара — род открытого колонного айвана, приподнятого на платформе. Нередко возвышения — суфы воздвигались прямо под сенью деревьев, на них расстилались ковры и иногда ставились палатки.

Почти обязательным атрибутом садовой обстановки служил тахт — легкое переносное сиденье владельца сада, иногда с матерчатым шатром и шелковыми занавесками. Как показывают миниатюры, он нередко ставился прямо под цветущими деревьями в саду.³ Однако чаще местоположение его точно фиксировалось. При этом он либо обращен был фасадом прямо на «пешгох» (площадку перед домом), либо ему предшествовала особая, вымощенная плитами фигурная площадка, часто с бассейном или фонтаном (рис. 5).⁴ Видимо, такого рода специальной площадкой перед тахтом служил упомянутый выше при описании Багча пол размером 2,5×2,5 м., искусно выложенный из темных и светлых пород мраморовидного оникса. Поблизости пролегалала аллея и был бассейн, что так же, как и остаток окружавшей этот пол невысокой резной решетки, совпадает с данными миниатюр, где площадку тахта обычно отделяет от сада сквозная решетка. В садах Тимура и Улугбека, в частности при раскопках Багча, было подобрано немало прорезных мраморных решеток, близких по типу к той, что окружает тимуридские надгробия в Гури-мире. Решетки иногда сменяются оградами.

¹ Babur, П. 114, 137.

² Фрагменты названных фарфоровых, «фарфорообразных», терракотовых, а также мозаичных и майоликовых облицовок от разрушенных павильонов «Багча» были найдены в раскопках 1941 г.

³ Ср. «Двор Хозроя» 410 г. Sakisian, лит. соч. fig. 45.

⁴ На одной из персидских миниатюр XVI в. (Jahrbuch der Asiatische Kunst, Leipzig, 1928, Taf. 32, Abb. 7) тахт стоит в центре огороженной восьмиугольной площади с четырьмя входами. Но обычно он бывает сдвинут в глубину, под кроу деревьев.

Простейшие, как это видно из миниатюр, делались просто из деревянных строек с обвязкой, видимо, подобно упоминаемому Клавихо «частоколу» вокруг площадки дворца Давлет-Абад. В миниатюре «Султан-Хусейн с женами» украшенная мозаикой, увенчанная фигурными зубцами глухая ограда отделяет государя и жен от слуг и музыкантов. В сцене «Хумай и Хумаюн» — наоборот — изящная сквозная аркада. (Рис. 6).

Подлинно-композиционным центром сада служил дворец, или «иморат», т. е. крупное жилое строение. Ориентация последнего (а следовательно, и главных осей самого сада) в «Иршад-аз-Зир'а» рекомендуется строго по направлению север—юг с обращением главного айва-

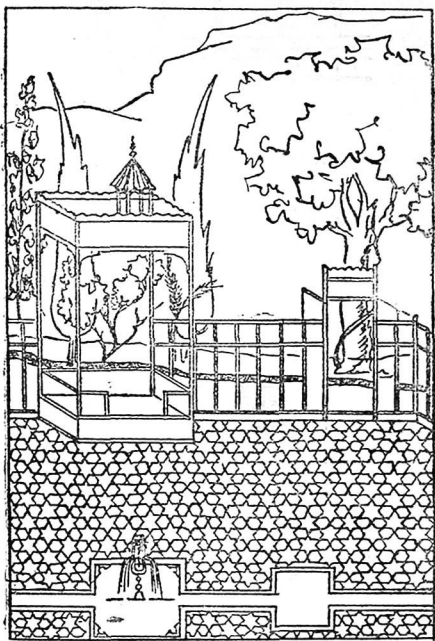

Рис. 5. Тахт, пешгох, хаузы (с миниатюры начала XVI в.)

на на северную сторону. Этот древний прием, вызванный стремлением создания оптимальных условий в жаркое время года, сохраняется в жилом строительстве городов Узбекистана — Самарканда, Бухары и др. вплоть до последних дней.

Что касается архитектуры дворцов, то здесь различается два резко противоположных типа. Один — это парадный официальный дворец, вроде Кук-Сарая в Самарканде или Ак-Сарая в Шахрисябзе, замк-

вүтый, противопоставляющий привычным масштабам свои монументальные объемы и глухие плоскости роскошно отделанных стен. Другой, более интимный — дворец в саду, архитектурное решение которого предопределяет его пространственное слияние с природой¹.

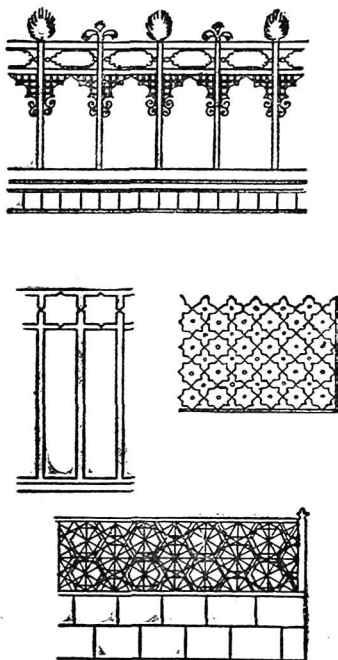

Рис. 6. Некоторые типы садовых оград и решеток, (по миниатюрам XV—XVI вв.).

Среди садовых дворцов выявляется два основных решения: с арочным и с колонным айваном. В том и другом случае глубинное построение фасада, разрешение плоскости стены определяют органическое пространственное сочетание архитектуры и сада. Дворец первого типа ставится посредине, на пересечении основных осей. Очень высокий трехэтажный дворец Дилькуша с огромным купольным крестообразным залом, открывался с трех сторон в сад парадными арочными пор-

¹ Ставя вопрос о типах тимуридских дворцов темой специального исследования, в данной работе затрагиваем его лишь в меру связи архитектуры дворца с композиционным решением сада.

талами; перед главным высился тахт Тимура и бил фонтан¹. Подобное решение представлено в миниатюре начала XVI в., «Пир в саду»², где изображен дворец с глубоким арочным айваном и боковыми двухъярусными лоджиями, с тахтом государя впереди и округлой площадкой для гостей, вымощенной плитами и обведенной каменной решеткой. Дворец с айваном стоял посреди Баги-Джеханара Султан Хусейна Байкары в Герате (вторая половина XV в.)³.

Как правило, на миниатюрах перед дворцом (или домом) небольшой, вымощенный плитками «пешгох», часто с бассейном, отделенный сквозной решеткой от сада. Он создает ту архитектурно-организованную пространственную среду, которая сочетает дворец и сад, препятствуя садовым насаждениям поглотить в себе здание. Быть может, именно такого рода пешгох отмечает Клавихо в цитированном выше описании сада при дворце Ак-Сарай в Шахрисябзе. Очень типичное решение видим в миниатюре «Встреча Гюльнар и Ардашира» из «Шах-Наме» 1429 г. (рис. 7)⁴, где перед домом сооружена октогональная площадка, открытая в сад, вымощенная шестигранными плитками, с дорожкой из темного камня, обводящей ее контур, пересекаемая арыком, с водоемом в центре.

Тип небольшого дворцового павильона представляла воздвигнутая во второй половине XV в. Тараб-хана («Павильон Радости») в Герате. Это было небольшое двухэтажное здание со строго симметричным планом, четырьмя хужрами (комнатками) и центральным крестообразным залом по второму этажу, полуоткрытому со всех сторон в сад⁵. Подобного рода сооружение можно видеть в сохранившемся донныне павильоне, стоявшем в северном углу исфаханского Чар-бага, в виде почти кубообразного строения с четырьмя глубокими лоджиями по второму этажу, забранными (может быть, позднее) решетками⁶.

Другим типом паркового дворца, менее монументальным, был дворец с колонным айваном. Так, дворец Чиль-Сутун в Баги-Майдане (Самарканд, первая половина XV в.) был оформлен колоннами различных форм—круглых и жгутообразных⁷. Само название отнюдь не обозначает «40-колонный», но «многоколонный», причем, очевидно, выстроенный по плану определенного типа. Вполне вероятно, что по образцу Чиль-Сутуна самаркандского был воздвигнут в XVII в. Чиль-Сутун в Исфахане, который с трех сторон открывается в сад колонными айванами, причем по главному фасаду ему предшествует зеркало воды; сефевидские строители почти не внесли в архитектуру новых композиционных и планировочных решений, которые принципиально отличались бы от тимуридских. Отметим, что, например, в XVI в. в Ардебиле была возведена Чини-хана⁸, как бы воскрешающая этот изящный самаркандский павильон Улугбека, разрушенный в середине XV в. Быть может, к традиции самаркандского Чиль-Сутуна восходит известный Чинили-Киоск (тоже

¹ Sherefeddin, II, 423; Клавихо, стр. 248.

² Sakisian, цит. соч., стр. 145.

³ SPA, II, p. 1437, Беленицкий, цит. соч., стр. 194.

⁴ An Illustrate de Suvener... цит. соч. цветная таблица перед титульным листом.

⁵ Babur, II, 6.

⁶ Sattar Kheiri. Islamische Architektur. Berlin (6. r.), fig. 22.

⁷ Babur, I, 82. Фрагменты колонн были найдены археологами во время работ 1941 г.

⁸ Sarre, Fr. Wechselbeziehungen zwieschen Ostasiatischen und Vorderasiatischen Keramik, Festschrift für Fr. Hinz, Berlin, 1920, s. 340.

«фарфоровый павильон»)¹ в Стамбуле. Воздвигнутый между 1466—74 гг. при Мухаммеде, завоевателе Константинополя, архитектором Камаледдином, мастером, видимо, среднеазиатской школы, дворец этот свои-

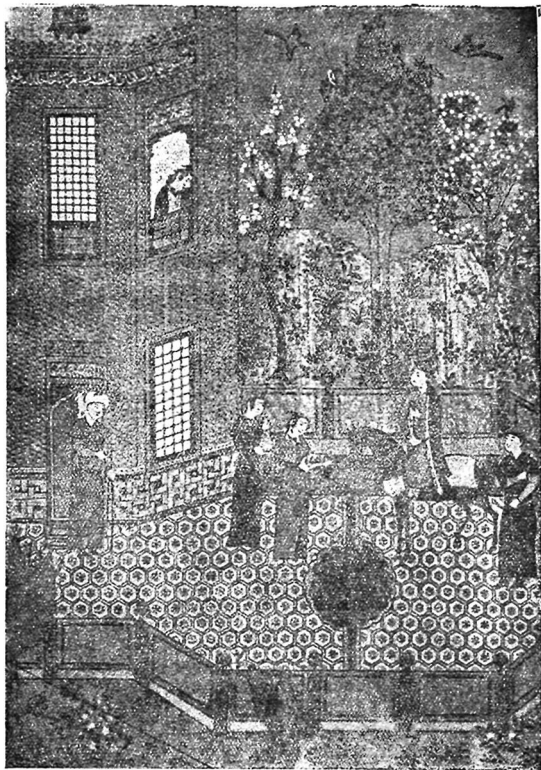

Рис. 7. Йморат и пешгох (изображение на миниатюре 1430 г.).

ми формами и облицовками очень близок к памятникам тимуридской архитектуры. Стройные колонны его айвана несут арочное перекрытие; возможно, что подобную аркаду несли и беломраморные колонны Чиль-Сутуна Улугбека, предшествовавшего Чинили-Киоску на два-три десятилетия.

¹ Glück, E. und Diez, E. Die Kunst des Islam. Berlin, 1925, s. 254, 535. Taf. IX.

Остается затронуть иной тип построек XV—XVI вв. при саде: мавзолей. Традиция постанковки надмогильного сооружения в саду прослеживается еще в средневековье: поэт Фирдоуси был похоронен в собственном саду, поэт Омар-Хайям был погребен в Нишапуре близ садовой ограды в тени фруктовых деревьев, гробница поэта Хафиза в Ширазе поныне стоит в саду¹.

Мавзолей духовных лиц нередко использовались духовенством в качестве того организующего центра, вокруг которого складывался мемориальный комплекс среди зеленых насаждений. Достаточно назвать ансамбли Шейхантаура и Зайнутдина в Ташкенте, Ходжа-Ахрара и Абди-Даруна в Самарканде, Чар-Бакр и Бехауддин в Бухаре и проч. В тимуридском строительстве значительную роль играл также светский (обычно династический) мавзолей, как, например, мавзолей Ишрат-хана, стоявший на участке сада Баги-Фируза. Недоступность для народа придворной усыпальницы подчеркивалась постановкой ее в глубине, как, на пример, мавзолея Гури-мир, перед которым в южной части разбит был садик. Примеры очень парадной планировки сада при мавзолее представляют связанные со среднеазиатской традицией памятники династии Великих Моголов, особенно знаменитый Тадж-Махал, где беломраморный массив самой постройки возникает в перспективе аллей темных кипарисов и длинным зеркале рассекающей его воды, завершая правильно разбитый на «чар-чаманы» квадратный сад.

Кульминацию среднеазиатского феодального садово-паркового искусства представлял для XV века ансамбль зданий в Герате, занимавший целый квартал на берегу оросительного канала Инджиль, воздвигнутый Мир-Алишером Навои. Современники восторженно отзывались о его разнообразных постройках: мечети Кудсия, мавзолее, медресе Ихласийа, ханаке Халасийа, бане Сафайя и больнице Шафайя, а также о прекрасных лужайках, посадках, аллеях. План был составлен самим Навои и разработан плеядой лучших архитекторов эпохи².

Следует отметить, что еще при Тимуре, который почти всю жизнь провел в походах, часть его «ба.ов» была открыта в его отсутствие для жителей Самарканда. Если учесть, что сады эти опоясывали весь город, то временами они играли роль общественных парков, где можно было отдохнуть, погулять, отведать душистых фруктов с бесчисленных плодовых деревьев. Нет никакого сомнения, что это показное меценатство имело в основе расчет умного политика на завоевание подачками такого рода симпатий самаркандского населения. Традиция эта иногда воскрешалась и другими тимуридами. Так, например, в гератском Баги-загане, служившем постоянной резиденцией Шахруха, справлялись в XV веке роскошные, длительные городские празднества³. Не следует, впрочем, ни в какой мере идеализировать последние, так как все тяготы по оформлению этих торжеств — материальные расходы, сооружение всевозможных павильонов, организация увеселений и пр. ложились целиком на трудовое население города, в то время как услады праздника предназначены были в основном для государя и его окружения.

¹ SPA, II, 1428.

² Бартольд, В. В. Мир-Али-Шир и политическая жизнь. Сборник Мир-Али-Шир, Л., 1928, стр. 141. Семенов, А. А. Гератское искусство в эпоху Алишера Навои. Сборник «Родоначальник узбекской литературы», Ташкент, 1940, стр. 145—146.

³ Беленицкий, А. М. Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV—XV вв. Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа, II, Л., 1940, стр. 198—199.

В этом отношении гератские сады Навои, которые, по словам Хондэмира, не знали себе равных для отдыха, свершения прогулок и пр.¹, составляли несколько особое явление. Ансамбля расположенных в парке зданий общественного характера, подобного Ихласийя в Герате — комплекса, «подаренного» Алишером Навои своему городу, в ту пору не создали ни Восток, ни Европа. По самому назначению он как нельзя более отражает прогрессивные устремления Навои — гуманиста, девизом которого были слова: «Если ты человек, не называй человеком того, кто не заботится о народе» («Хайратуль-Абрар»). О художественных качествах этого комплекса восторженно пишут современники: «Путники, прошедшие весь свет, не могли указать нигде таких зданий по их украшению и тщательности работы». Можно лишь горько пожалеть, что в мрачные годы политических и экономических кризисов страны бесследно исчез этот единственный в своем роде архитектурный шедевр.

Итак, устанавливается, что в XV в., когда в Средней Азии существовало высокоразвитое садово-парковое строительство, здесь определился тип архитектурно-организованного сада со строго-регулярным планом, подчиненным системе геометрического построения осей (двух и более), исходящих из единого центра, каковым служил дворец или дом владельца, и с живописной свободой интимных пейзажных участков в пределах этой четкой разбивки, подчиняющей себе древесные посадки. Архитектура, зелень, вода гармонически дополняют друг друга, сочетая сад, водоём, дворец, павильоны в единый композиционный организм.

Анализ принципов композиции такого рода сада убеждает в древности его архитектурной традиции; в нём, как и в зодчестве, синтезируются предшествующие достижения архитектурного гения народов, населявших Среднюю Азию.

Древность и устойчивость традиции прослеживается на приёме обязательного внешнего отграничения прямоугольного (часто квадратного) участка сада стеной, которая играет роль не просто ограждающего устройства, но архитектурно организованного и архитектурно оформленного элемента композиции сада. Сады Тимура и тимуридов, как правило, были обнесены высокой стеной и обведены рвом с переброшенным через него мостом к монументальному пештаку входных ворот. Эта идея в среднеазиатском строительстве очень стара, восходя к сильно-укрепленным ранне-феодалным усадьбам, стоявшим рядом с грозным кёшком сюзерена. В XV уже ушли в седую древность воспоминания об этой суровой эпохе, но архитектурный тип не исчез. Сохранившись, как это прекрасно иллюстрируют сырцовые пригородные усадьбы Хорезма ещё в X—XII вв., наличествуя в дворцовом строительстве (дворец термезских правителей XII в.), он переживает монгольское нашествие и входит в строительство эпохи тимуридов. Давно забыта фортификационная функция угловы: башен, откуда вместо стрел, направленных на неприятеля, вылетают голуби; оборонный ров становится каналом, снабжающим сад водой; мощные ворота и стены облекаются в изысканный узор цветных мозаик и позолоты; мосты открыты для приходящих. Но вряд ли чем иным, как не приверженностью к местной традиции, может быть объяснён факт сохранения всех этих полукрепостных элементов в парадном строительстве тимуридских садов.

На сохранение традиций XV столетия садово-паркового искусства

¹ Беленицкий И. Историч. топогр. Герата, цит., соч., стр. 195.

В поздне-феодалном строительстве Средней Азии указывает разбитый в 1709 г. Убайдулла-ханом II в западной части Бухары, близ ворот Та-липач, чарбаг. На сооружение его, помимо местных мастеров, были привлечены специалисты из других мест, в частности из Балха. Чарбаг был основан на месте ряда других объединенных садов, квадратен в плане — до 1500 гязов в стороне (около 1 км) с четырьмя воротами в каждой стене, которые соединялись аллеями, обсаженными тополями. В каждом из квадратов были разбиты куртины шести- и треугольной формы, на которых были посажены цветы и плодовые деревья. Среди сада стоял «каср» (замок) и «пленительная ишрат-хана» (т. е. «дом наслаждения») — видимо, дворцовые павильоны.

Отметим, что жители Самарканда ещё в прошлом столетии свои кургоны — загородные усадьбы, куда они выезжали на жительство с весны, обносили стеной с угловыми башнями, с крепостного типа входом. Здесь, видимо, отразились воспоминания об архитектуре роскошных чар-багов, составлявших в XV веке славу их города, и традиции использования стародавнего строительного типа, который в свою очередь восходил к строительству их древних согдийских предков¹.

При оценке среднеазиатского сада XV столетия с точки зрения стили обнаруживается общность его эстетических принципов с иными искусствами. В сопоставлении с монументальной архитектурой отмечаются те же приёмы осевой разбивки, симметрии, геометрической простоты основных форм. Но в рамках этого чёткого членения — живописная свобода узора и красочных пятен (при тщательном подборе их). Архитектурный орнамент, который подчиняет размерам и осям геометрического узора свободное размещение стилизованных цветов, завитков, побегов, перенесённый на плоскость чертежа, мог бы в иных случаях напомнить план тимуридского сада, в котором в пределах правильных многоугольников — непринуждённость распределения цветов, деревьев, воды. Тот чрезвычайный интерес к различным ботаническим породам, который, думается, связан был не только с известным развитием в XV столетии точных и естественных наук, но также и с практическими задачами строительства садов, запечатлён в изобразительном искусстве этой эпохи. В монументальной живописи и в миниатюре огромное место занимает пейзаж, который не просто служит фоном какой-либо сюжетной сцены, но имеет самостоятельное художественное значение. Таковы пейзажи с извивающимся ручьём и различными деревьями и цветами в стенописях названных выше самаркандских мавзолеев конца XIV — начала XV вв. или в миниатюрах «Антологии» 1399 года. Тема уголка архитектурного сада — одна из самых популярных в тимуридской миниатюре. Даже в украшении бытовой керамики на смену отвлечённым орнаментальным пятнам росписей предшествующего периода приходят реалистически трактованные цветы — пионы, розы, фиалки, ромашки; плоды — гранат, урюк, персик; различные кустарниковые растения; даже экзоты, например, пальма. В XV веке архитектурный сад служил важным изобразительным сюжетом и в ткацкой промышленности (ткань, ковер), сохраняясь в традиции так

¹ Характерно, что в древнейших частях Авесты, сложившейся, как это показано советскими исследователями, на территории Средней Азии, слово сад — *paigi daeza*, а позднее трансформированное в иранское *paliz* (тоже «сад») и греческое «парадейсос» в европейский «парадиз» и арабский «фирдоус» обозначало: «то, что огорожено стеной» (см. В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана... цит. соч. стр. 36).

называемых «охотничьих ковров». Если добавить, что и в поэзии воспева­ется не столько природный пейзаж, сколько архитектурно-организо­ванный сад, как, например, в двух чудных главах «Фархада и Ширин», становится особенно наглядной стиливая связь тимуридского сада с различными иными явлениями художественной культуры этой эпохи.

Наконец, хочется поставить этот вопрос и в более широком плане. Нет ли каких-либо точек, сближающих садово-парковое искусство Сред­ней Азии с таковым же на Западе и на Востоке? Как будто и на это намечается положительный ответ. Обратимся к Китаю, культур­ные, политические и экономические связи которого со Средней Азией особенно крепнут в XV-м столетии. Китайский сад в современном пред­ставлении ассоциируется с карликовыми посадками, горбатыми мости­ками, холмами и тропинками; именно этот сад так горячо приветство­вали в XVIII веке в Европе, где складывался тип пейзажного парка. А между тем дальневосточный пейзажный сад (так же, как и на Сред­нем Востоке) скорее был связан с традицией охотничьих парков-запове­дников, в то время как по крайней мере до XVI—XVII вв. дворцо­вые и храмовые сады Китая были архитектурными. Они сохранились ещё частично и поныне около древнейших построек императорского дворца в Пекине. Сады ранней эпохи Мин строились со строгим соблю­дением главных осей, то террасообразно, как, например, сад храма Неба (1420 г.), то на плоскости с повышением лишь здания храма или дворца, как Би-юн-Чун — «Дворец Совершенной Гармонии» (XIV—XV вв.). План последнего строго симметричен, само здание стоит на платформе посреди круглого пруда с четырьмя мостами на главных осях, при входе в сад высятся триумфальные ворота, покрытые мрамором и изразцами, у главной аллеи стоят две небольших башни.

Обратимся на Запад, и перед нами предстанут сады Ренессанса с их органическим слиянием архитектуры, зелени, воды. И если ясный рационализм эпохи подсказал архитектору эпохи Возрождения упоря­доченную планировку партеров и аллей, с регулярным распределением водных зеркал, каскадов и фантанов, с подстрижкой зелени (которая, разросшись за многие столетия, ныне превратила итальянский парк в пейзажный), то всё это, несомненно, сближает идею итальянского и самаркандского сада (вне какой-либо роли заимствований или влияний). Больше того: итальянский сад был доступен для узко-аристократиче­ского круга посетителей; сады Средней Азии бывали иногда доступ­ны и для широких слоёв городского населения, характерным примером чего является не только сад при дворце, но и открытый комплекс стоя­вших посреди сада общественных зданий, каков был ансамбль Алишера Навои, подобного которому не было ни в одном из городов Европы эпо­хи Возрождения.

В наши дни, когда перед архитекторами Узбекистана стоят неотложные задачи социалистической перепланировки и озеленения горо­дов, они не вправе обойти те прекрасные традиции и достижения местного садово-паркового искусства, создателями которого были наро­ды Средней Азии и которые, в частности, запечатлены в садах и пар­ках XV-го столетия.

Г. Н. ЧАБРОВ

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО УЗБЕКИСТАНА ЗА 25 ЛЕТ (1924—1949)

Празднование 25-летия Советского Узбекистана явилось смотрам достижений узбекского народа во всех областях хозяйственного и культурного строительства. Искусство Советского Узбекистана — передовой республики Советского Востока — следует рассматривать, как одну из сторон многонационального советского реалистического искусства, искусства национального по форме и социалистического по содержанию.

История развития искусства Узбекистана неотделима от истории всего советского искусства, неразрывно связана с историей социалистического строительства в Узбекистане и СССР. На славном пути исторического развития искусства Советского Узбекистана можно отметить следующие периоды:

1. Период мирного строительства 1924—1940 гг.
2. Период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.
3. Период послевоенной сталинской пятилетки 1946—1949 гг.

Рассматривая развитие реалистического искусства по этим периодам, мы убеждаемся в том, что искусство Узбекистана растёт и крепнет под мудрым руководством партии и правительства.

* * *

Когда в 1924 году была провозглашена Узбекская Социалистическая Советская республика, группа работавших в Узбекистане художников была самой многочисленной и подготовленной из всех среднеазиатских республик. Здесь работали воспитанные в традициях русской реалистической школы художники Л. Л. Бурэ, О. К. Татевосьян, В. Я. Рождественский, И. С. Казаков и другие. За годы, предшествующие образованию УзССР, эти художники проявили себя в области агитационно-массового искусства, создав ряд выразительных плакатов и сатирической графики (Бурэ).

Завоеванием национальной политики советской власти была организация в советском Туркестане профессионального художественного об-

разования, во главе которого стали старейшие мастера Л. Л. Бурэ и А. Н. Волков. Одарённая молодежь из местной национальности получила возможность учиться. В картинах художников Казакова и Татевосьяна раскрывается богатый и красочный пейзаж великих местностей и старинных городов Узбекистана, с большим вниманием отражается жизнь трудового народа. Интересным историческим документом становятся картины Л. Бурэ, отображающие беспросветную жизнь народа в эмирской Бухаре. Но советская тематика ещё крайне редка в картинах, а в области художественно-выразительных средств у ряда художников господствуют приёмы далёкого от жизненной правды импрессионизма и декоративизма. Это объясняется тем, что советские художники ещё не имели организации, способной возглавить их стремления к правде в искусстве, их желания служить победившему народу.

Такой организацией стала Ассоциация художников революционной России (АХРР), филиал которой был открыт в Узбекистане в 1927 г. В состав объединения вошли художники И. С. Казаков, М. Е. Новиков, Л. Л. Бурэ, Н. Г. Карахан, А. Н. Усто-Мумин и многие другие. С этого момента начинается первый этап борьбы за реалистическое искусство, искусство близкое и понятное народу, искусство, не отрывающееся от жизни народа и не уходящее в прошлое. В 1927 году на выставке народов СССР в Москве выставляли свои работы художники Л. Л. Бурэ, В. Л. Рождественский и А. Н. Усто-Мумин. В 1928 году филиал АХРР устраивает в Ташкенте свою первую выставку. Идеи АХРР вдохновляли художников на создание произведений, отразивших великие преобразования в жизни узбекского народа. Художник Бурэ пишет картины «Женский клуб» и «Первомайская демонстрация», художник О. К. Татевосьян создаёт впечатляющее полотно «Красный обоз». Появляются на выставках работы первого национального художника Урала Тансыкбаева. В 1928 году в Самарканд приезжает крупный мастер П. П. Беньков. Солнечный Узбекистан настолько увлекает его, что художник избирает Самарканд местом своего постоянного жительства. Большой мастер передачи солнечного света, мастер ярких, жизнерадостных красок, он пишет в Самарканде ряд полотен, отражающих труд и быт узбекского населения города.

На первом этапе борьбы за реалистическое искусство (1927—1931 гг.) советская тематика ещё не заняла ведущего места, образ советского человека-строителя нового, передового общественного строя ещё едва начинает проникать в искусство. Художники Узбекистана отстают от своих собратьев, работающих в Москве и Ленинграде. Реалистическое искусство растёт и развивается в борьбе с ещё не преодоленными враждебными течениями, которые выражались в Узбекистане в форме импрессионизма — искусства впечатления, уводящего художника от реального мира, и декоративизма, сводящего богатство красок реального мира к ограниченному количеству отвлечённых тонов. Только к 30-м годам намечается поворот к реализму.

Больших успехов достигает реалистическое искусство в 1932—1940 годах. Эти успехи обусловлены социалистическим переустройством всего народного хозяйства республики и ростом культуры узбекского народа. Руководящая роль партии, направляющей всё советское искусство по пути социалистического реализма, сказалась в это время с особенной силой. Историческое постановление ЦК ВКП(б) от 22 апреля 1932 года о перестройке литературно-художественных организаций и создании единого Союза советских художников СССР выразилось в Узбекистане организацией Оргкомитета Союза советских художников. Оргкомитет

объединял большие художественные силы: около 60 художников-профессионалов, среди которых было уже семь художников-узбеков, воспитанных Самаркандским художественным техникумом, которым руководили тогда художники П. П. Беньков, Л. Л. Бурэ и З. М. Ковалевская. Выставки работ художников Узбекистана в Москве и в Ташкенте показали резкий поворот к советской тематике, широкий охват жизни народа и его героического творческого труда. Наиболее значительными выставками этого времени были: вторая республиканская отчётная выставка 1933 года, где показано было около 800 произведений, среди которых были работы молодых художников-узбеков Урала Тансыкбаева, Чингиза Ахмарова, Латфуллы Абдуллаева, Разыкова, Хамдами, Ташкенбаева и других. В сентябре 1934 г. художники Узбекистана показали свои произведения в столице советского государства — Москве. В 1936 году в Ташкенте открылась 4-я отчётная выставка художников Узбекистана. Опубликованные в 1936 году статьи «Правды», посвящённые вопросу о борьбе с враждебными реалистическому искусству направлениями, статьи, резко осуждающие ещё неизжитые проявления формализма, сплотили советских художников на создание произведений, отвечающих заданиям героической эпохи. Постановлением правительства был создан единый центр всего советского искусства — Всесоюзный Комитет по делам искусств.

Художники Узбекистана активно помогают своим творчеством созданию мощной социалистической индустрии и передового социалистического сельского хозяйства путём художественного обслуживания новостроек и колхозов. Выезд бригад художников на Чирчикстрой, на строительство завода сельскохозяйственного машиностроения и в колхозы обогащает художников опытом, помогает им проникнуться духом своего времени. Новая культура узбекского народа, боевая учёба оплота мирного строительства — Советской Красной Армии также привлекают художников. Итогами перестройки и работы в новых условиях были выставки 1937 года в Узбекистане и в Москве. На одной из них участвует 39 мастеров, среди которых выступают 6 художников-узбеков. Эта выставка показала значительные успехи художников Узбекистана. На этой выставке было показано большое полотно художника В. И. Уфимцева «Героическая». В своей картине художник показал отряд красных войск, боровшихся за советскую власть в период гражданской войны. Тщательно изучая события и типы этой героической эпохи, много работая над созданием отдельных образов, начиная от командира отряда и комиссара его и кончая рядовыми бойцами — представителями многих национальностей, художник создал произведение, проникнутое духом времени и близкое и понятное народу. Другая картина из времён гражданской войны была создана художником О. К. Татевосьяном — «Басмачи». На ней он показал звериный облик охвоста феодального байства, грабителей и убийц-басмачей, боровшихся против советской власти оружием, которым снабжала их зарубежная буржуазия, стремящаяся к порабощению узбекского народа и возвращению мрачных времён колониального рабства. Всенародный характер борьбы с басмачеством, ненависть и презрение к ним трудового народа выражено в этой картине. Мирный труд колхозного крестьянства привлекает внимание многих художников, отражающих в своих произведениях борьбу за хлопок и коллективный труд в колхозах, созданных в Узбекистане. Ряд произведений по этой тематике создаёт художник Каракан. Художник Н. В. Кашина пишет большое полотно, названием которого становятся слова вождя советского народа тов. Сталина: «Жен-

«Цивиль в колхозе — большая сила». С большим проникновением раскрывает красоты узбекистанского пейзажа художник Урал Тансыкбаев, произведения которого пользуются большим успехом в Москве.

На выставке, посвященной 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции, показали свои произведения 50 художников, среди которых было 5 художников-узбеков, достигших к этому времени значительных успехов благодаря тому, что они не были связаны в своём творчестве пережитками враждебных реалистическому искусству импрессионизма и декоративизма. Тематика их работ близка и понятна народу. Значительных успехов в тематике добилась молодежь. Зрители тепло приняли картину Л. Абдуллаева «В гостях у молодого поэта». Культурные завоевания отражены в живо написанной картине З. М. Ковалевской «В ложе», где изображены молодые женщины-узбечки в театральной ложе. Разрабатывая героическую историю борьбы за советскую власть в Туркестане, В. И. Уфимцев показал большое полотно «Рабочая крепость».

В 1938 году был образован Союз советских художников Узбекистана. Начинается новый этап развития искусства Узбекистана. Союз художников борется за создание идейно и художественно полноценных произведений искусства, национального по форме и социалистического по содержанию. Выставки 1938—1940 гг. в Узбекистане и в Москве доказывают полную победу советской тематики, охватывающей все стороны труда и быта узбекского народа, воссоздающие героические эпизоды истории Советского Узбекистана. Показателем роста мастерства был конкурс на портрет основателя узбекской литературы, великого гуманиста-мыслителя Алишера Навои. Из большого количества представленных работ выделялся портрет Навои работы художника В. Е. Кайдалова. Художник нашёл правдивые черты образа поэта, и его портрет был премирован комиссией и опубликован в миллионном тираже в виде почтовой марки. Интересные работы портретного характера, а также исторические полотна из жизни Навои создали молодые художники и старые мастера.

Значительным событием предвоенной истории искусства Узбекистана была выставка 1940 года в Ташкенте. Она привлекла 70 участников, среди которых было 12 художников-узбеков, 16 мастеров народного искусства. Участвовали и художники театра. Показательна победа советской тематики. Важнейшие народные стройки — Чирчикстрой, Катта-Курганское водохранилище, Комсомольское озеро в Ташкенте и многие другие привлекали внимание художников, подолгу работавших на этих объектах. Серию пейзажей долины реки Чирчика создаёт художник У. Тансыкбаев, Катта-Курганское водохранилище вдохновляет Татевосьяна на создание большого полотна, правдиво отразившего героический труд масс народа на строительстве котлована огромного узбекского моря. «На народную стройку» — так назвал свою картину художник В. И. Уфимцев. На этой картине показана группа колхозников, с воодушевлением выезжающая на народную стройку, участие в которой стало делом чести всех колхозников республики. Большое внимание вызвала среди графических работ серия литографий художника Кайдалова «Социалистический Ташкент». Значительный творческий рост показали молодые художники-узбеки: Л. и С. Абдуллаевы, Хак Абдуллаев, Шамси Хасанова и Чингиз Ахмаров. Тематика колхозного труда и быта посвятили свои работы худ. Н. Г. Карахан. Один из старейших мастеров Узбекистана П. П. Беньков создал громадное, заполненное большим лафосом

полотно «Провозглашение Узбекской ССР», увековечившее образы многих деятелей узбекского народа, принимавших участие в подготовке и осуществлении этого великого события в жизни узбекского народа. Образы лучших друзей узбекского народа — тов. Фрунзе и тов. Куйбышева показал художник В. И. Уфимцев в картине «Боевой план».

В 1940 г. художники В. Е. Кайдалов и У. Тансыкбаев показывают свои произведения на выставке иллюстраций к «Краткому курсу истории ВКП(б)» в Москве. Эта выставка, по отзыву печати, свидетельствовала о полной победе метода социалистического реализма у ведущих художников, о способности их поставить свой творческий труд на службу народу. Показателем роста достижений художников Узбекистана было участие их во Всесоюзной выставке с ответственным и почётным названием «Выставка лучших произведений советского искусства». Достоянными участвовать в ней оказались художники У. Тансыкбаев, В. И. Уфимцев, О. К. Татовсьян и В. Е. Кайдалов, представившие 10 работ. Достижения ведущих мастеров были отмечены правительством Узбекистана, присвоившим ряду художников почётные звания Заслуженных деятелей искусств Узбекистана.

«С ростом и углублением содержания в живописи, — писал искусствовед Б. В. Веймарн, — яснее и богаче стало выступать своеобразие искусства Узбекистана, основанное не на искусственном «изобретении» национальной формы, а на близком, глубоком знании своего народа, его творческого труда и культуры». Однако ряд художников, преодолевая пережитки декоративизма, не решается братья за решение больших и ответственных задач — создание значительных полотен. Молодым же художникам, по большей части свободным от этого груза, подчас недостает профессионального мастерства.

С момента предательского нападения фашистской Германии начинается следующий этап истории советского искусства Узбекистана. До 20 художников Узбекистана вступают в ряды Красной Армии, чтобы с оружием в руках отстаивать независимость своей Родины. Многие из них пали смертью храбрых, снискав вечную славу. Высшей воинской наградой СССР — званием Героя Советского Союза удостоен художник Самыг Абдуллаев. Боевые награды получили многие участники Великой Отечественной войны. Выезжали на фронт и долго работали там художники В. Л. Рождественский и М. А. Аринин. С узбекской делегацией посетил бойцов Подмосквья художник Тансыкбаев. Художники опровергли ходячее выражение буржуазных искусствоведов: «Когда гремят пушки — музы молчат». Музы художников Узбекистана во весь голос говорили, вдохновляя народ на борьбу и победу. За военные годы в Ташкенте, Самарканде и Фергане состоялось 39 выставок. Выпущено было свыше 5.000 боевых плакатов, где особенные успехи показали В. Л. Рождественский и В. И. Уфимцев и другие. За свои полные глубокого содержания работы удостоены звания Заслуженных деятелей искусств художники В. Л. Рождественский и Г. Н. Карлов (за сатирическую серию «Великое одичание», разоблачающую звериный облик фашистов). Борьба за создание идейно-полноценных и художественно выразительных полотен увенчивается успехами. Итоговая выставка 1945 года показала эти достижения. На ней приняли участие 50 художников, среди которых было 12 мастеров-узбеков, и участвовали народные мастера.

На ней были показаны произведения, отражающие историческое прошлое узбекского народа, борьбу за советскую власть; большое внимание уделено показу природы и сельского хозяйства республики, ее

социалистической индустрии, особо выделена борьба за хлопок. Особо выделены также полотна, посвященные героине Великой Отечественной войны. Особенным вниманием посетителей пользовались картины: «По дорогам войны» Тансыкбаева и его же «Джизакское восстание»; эпизод героической «Борьбы за Днепр» показал художник В. И. Уфимцев; трудовые подвиги тыла показаны в интересной картине Л. Абдуллаева «Агитатор на канале» и в серии акварелей Подковырова «Жизнь и труд колхозов Узбекистана». В большом количестве показаны графические работы, среди которых выделялась книжная графика и оформление книги работы художника Искандера Икрамова. Привлекали внимание посетителей свежие и лирические эскизы росписей фойе театра имени Навои работы художника Чингиза Ахмарова. За годы Великой Отечественной войны пять художников Узбекистана удостоены высокого звания Народных художников, нескольким, кроме того, присвоено звание Заслуженных.

Период послевоенной сталинской пятилетки является периодом напряженной борьбы за партийность советской науки и искусства. Новый этап в развитии советского искусства определен постановлениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и докладом тов. А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946 г.), а также итогами разоблачения антипатриотической «деятельности» критиков-космополитов в области советского искусства (1949).

Выставки 1946—1949 гг. в Узбекистане и в Москве показали, что художники Узбекистана прочно стали на позиции социалистического реализма и активно борются за развитие советского реалистического искусства, близкого и понятного народу, отражающего его преданность партии и правительству, широкий охват народных масс в борьбе за победу коммунизма. На выставке произведений, посвященных 30-летию восстания 1916 года, были собраны живописные и графические работы показавшие внимание художников к этой большой теме и умение их находить обобщающие решения. Первая послевоенная выставка 1946 г. в Ташкенте объединяла еще не всех художников, часть из них еще не была демобилизована из Советской Армии. Критика справедливо упрекала художников за еще недостаточное отражение жизни народа, этюдизм в пейзаже. Однако и на этой выставке были работы, отражающие творческий рост художников. К ним можно отнести картину В. И. Уфимцева «Узбекский металлургический завод», «Весну» Тансыкбаева, портреты Л. Абдуллаева.

Выставка 1947 г., посвященная 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции, объединяла уже свыше 60 художников, среди которых было 14 узбеков. Ведущей тематикой этой ответственной выставки была жизнь советского народа, отраженная широко и многогранно. Участники Великой Отечественной войны показали героические эпизоды ее, социалистическое строительство Узбекистана привлекало внимание художников. Строительство на Чирчике, напряженная работа по постройке железнодорожной линии Чарджоу—Кунград, создание Фархадской электростанции, металлургического завода, Катта-Курганского водохранилища и ряда других объектов разработаны с большой любовью и мастерством. Широко отражена жизнь колхозов и города, много сделано в области исторической картины на темы истории советского периода и далекого прошлого народов Узбекистана. Внимание и интерес к облику советского человека выразился в обилии портретных полотен. К лучшим работам выставки можно отнести романтическое «Сказание о Фархаде»

В. Е. Кайдалова, мастерские по исполнению и глубокие по содержанию портреты лучших людей Узбекистана Абд. Абдуллаева, «Строительство Катта-Курганского водохранилища» О. К. Татевосьяна, графические работы Кедрина и Рождественского (фронтальные рисунки и литографии).

В 1949 г. в Москве состоялась выставка работ художников республик Средней Азии. 22 художника Узбекистана (среди них 7 узбеков) отчитывались перед трудящимися столицы в своей работе. Главнейшее внимание на этой выставке уделено раскрытию образа советского человека. Как наиболее сильные по реалистической трактовке отмечались работы А. Абдуллаева. Большой идейной насыщенностью отличались полотна художника Уфимцева «Ленин в сибирской ссылке» и «Партизаны». Ведущее место на выставке заняла национальная молодежь, показавшая большой творческий рост. Показателем роста молодежи явился факт принятия ряда работ молодых мастеров на Всесоюзную выставку 1949 года. Состоявшиеся в Ташкенте в 1949 г. персональные выставки, посвященные 50-летию со дня рождения народных художников Узбекистана В. И. Уфимцева и О. К. Татевосьяна, а также графика В. Н. Кедрина, показали большие успехи художников, их стремление к реализму и преодолению пережитков прежних ошибок декоративизма и др. В 1948—1949 гг. художникам Ч. Ахмарову и В. Миленину присваивается высокое звание лауреатов Сталинской премии.

Высокие и ответственные задачи стоят перед советским искусством, а следовательно, и перед той его частью, которая объединяет художников Советского Узбекистана. Задача создания большого искусства, соответствующего запросам великой семьи народов Советского Союза, заставляет подчеркнуть необходимость широкого развития идеологической работы среди художников, усиления внимания к изучению классиков марксизма-ленинизма, трудов великих создателей Советского государства Ленина и Сталина. Одной из неотложных задач в деле развития в Узбекистане искусства национального по форме и социалистического по содержанию, искусства социалистического реализма является создание в республике высшего художественного учебного заведения.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ НАРОДОВ СССР

	Стр.
ДОДОНОВ, И. К. — Об изучении истории народов Средней Азии в советский период	3
СЕМЕНОВ, А. А. — К вопросу о датировке Рабат-и Малика в Бухаре	21
ГЕНТШКЕ, Л. В. — Черносошные крестьяне в 60-х годах XVIII века	29

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ХАМРАЕВ, А. Х. — К вопросу об исторической обусловленности творчества Алишера Навои	63
МАТВЕЕВ, А. М. — К вопросу о русско-иранских отношениях в последний период иранской революции	73

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

МАССОН, М. Е. — К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики	91
ДАВИДОВИЧ, Е. А. — Две денежные реформы в государстве Шейбанидов	105

ИСТОРИЯ ИСКУССТВ

ПУГАЧЕНКОВА, Г. А. — Садово-парковое искусство в эпоху Тимура и тимуридов	143
ЧАБРОВ, Г. Н. — Изобразительное искусство Узбекистана за 25 лет	169